

The book cover features a detailed illustration of a young woman with long, wavy blonde hair and blue eyes. She has a serious expression and is looking directly at the viewer. Her right hand is raised, with fingers slightly spread, as if she is feeling something or gesturing. She has a tattoo on her right forearm. A large, grey and white wolf's head is positioned in front of her, its eyes glowing with a yellow-green light. The background is a dense, dark forest with green leaves and branches. The title 'Дрождь' is written in a large, stylized, green font with decorative swirls. The author's name 'Мэгги Стивотер' is written in a smaller, white, sans-serif font above the title.

Мэгги Стивотер

Дрождь

Все началось с удивительного происшествия в лесу. Маленькую Грейс, похищенную волками и потерявшую всякую надежду на спасение, избавляет от неминуемой гибели странный волк, непохожий на других представителей кровожадного лесного народа. Проходят годы, но память об этом событии не оставляет девушку. И вот однажды девушка влюбляется в юношу, чем-то неувовимо напоминающего ей бывшего спасителя. Она не знает, что Сэм, юноша, в которого она влюблена, и есть тот волк, который спас ее в детстве, — волк-оборотень, способный менять свой облик...

Книга Мэгги Стивотер обрела читательское признание и стала бестселлером во многих странах мира!

Мэгги Стивотер
Дрожь

Благодарности

Предупреждаю сразу: всех поблагодарить не получится. Когда проект настолько растягивается, как это случилось с «Дрожью» (и по длине текста, и по длительности работы над ним), счет тех, кого хочется поблагодарить, начинает идти на тысячи. Уверена, никто из вас не жаждет читать перечень из нескольких тысяч имен, так что я постараюсь покороче. Если ваше имя должно быть здесь, но вы его не видите, приношу свои извинения: либо я его забыла (проклятый склероз!), либо не смогла вспомнить, как оно пишется.

Прежде всего, хочу поблагодарить человека, который спас меня от потери рассудка и приблизительно за две недели круто изменил мою жизнь. Это мой агент Лора Реннерт, чьим талантам имя — легион.

Далее идет поистине поразительная команда издательства «Сколастик пресс», причем я хотела бы отдельно поблагодарить редакторов Эбби Рейнджер и Дэвида Левитана, которые выложились на все сто, чтобы эта книга увидела свет, и терпеливо сносили мои многочисленные заскоки, а также Рейчел Горовиц и Жанель Делуизе, которые творят чудеса.

Должна также сказать спасибо подругам, которые поддерживали меня все это время: Тессе Грэттон и Бренне Йованофф, Веселым Сестричкам Судьбы и лучшим критикессам в мире (нет, вам я их не отдам, и не мечтайте). Во всей вселенной не хватит шоколада, чтобы выразить глубину моей признательности. Кроме того, благодарю Наши, бессменную подругу, всегда готовую прийти на помощь, и Мэрией, которая бесчисленное количество раз открывала мне двери своего дома.

Я очень признательна Сину и Тодду, которые стали одними из первых читателей этой книги, за внимание и советы, а также Эндрю Карре по прозвищу Йода, который показал мне, как написать то, что хочешь написать. Эндрю, желаю тебе встретить на своем карьерном пути множество Люков Скайуокеров.

И наконец я добралась до моих родных, без которых я была бы распустехой, способной лишь до одурения смотреть кулинарные шоу по телевизору. В особенности хочу поблагодарить моего отца, которому я без конца названивала в больницу на дежурства, чтобы обсудить недуги, вызывающие лихорадку, а также мою сестру — Кейт, ты не представляешь себе, как я доверяю твоим рекомендациям.

Ну и конечно же, Эд. Ты для меня самый лучший друг. Лишь благодаря тебе любовные линии в моих романах выходят такими правдивыми.

Глава 1

Грейс

15 °F^[1]

Помню, как я лежала на снегу, крохотное остывающее красное пятнышко, окруженное волками. Они лизали меня, кусали, рвали мое тело, насакивали на меня. Их сгрудившиеся тела затмевали скудный солнечный свет. Обындевевшие волчьи загривки поблескивали на солнце, от дыхания в воздухе повисали молочно-белые облака. От их шерсти исходил мускусный запах, вызывавший в памяти запах мокрой псины и тлеющих листьев, и сердце у меня сладко замирало от ужаса.

Я могла бы закричать, но не кричала, могла бы сопротивляться, но не сопротивлялась. Я лежала неподвижно и смотрела, как белесое зимнее небо в вышине надо мной постепенно окрашивается серым.

Один волк ткнулся носом мне в ладонь, потом в щеку, и меня накрыло его тенью. Мои глаза встретились с его желтыми глазами, в то время как остальные волки продолжали терзать мое тело.

Я не отрывалась от этих глаз, пока могла. Желтые. Вблизи они искристо переливались всеми оттенками золотого и орехового цветов. Я взмолилась про себя, чтобы он не отводил глаз, и он не отвел. Хотелось протянуть руку и уцепиться за его шерсть, но мое тело окоченело и отказывалось повиноваться.

Я уже не помнила, как это — когда тебе тепло.

А потом он исчез, и остальные волки сомкнулись вокруг меня, погребя под собой. В груди у меня что-то слабо трепыхнулось.

Солнце погасло, и стало темно. Я умирала. Я уже не помнила, как выглядит небо.

Но я не умерла. Я растворилась в море холода и родилась вновь в мире тепла.

Я помню их, его желтые глаза.

Я думала, что никогда больше их не увижу.

Глава 2

Сэм

15 °F

Они схватили девчонку, когда она качалась на качелях на заднем дворе, и потащили в лес; за ее телом в снегу тянулась неглубокая борозда, тропка из ее мира в мой. Все произошло у меня на глазах. Я не помешал этому.

То была самая длинная и холодная зима в моей жизни. День за днем под бледным, не дающим тепла солнцем. И голод, неутолимый голод, который терзал — неотступно, нещадно. В том месяце все вокруг замерло, пейзаж превратился в заледеневшую бесцветную диораму, лишенную признаков жизни. Одного из нас застрелили при попытке забраться в помойный бак на чьем-то заднем крыльце, так что все остальные не отваживались выйти из леса и медленно таяли от голода, дожидаясь возвращения тепла и наших былых тел. Пока не увидели девчонку. И не напали.

Они кружили возле нее на полусогнутых лапах, рыча и скалясь, и каждый хотел первым дорваться до добычи.

Я все видел. Я видел, как они выдирали девчонку друг у друга, возя ее по снегу, видел, как подрагивали от нетерпения их бока, видел окровавленные морды. Видел — и все-таки не остановил это.

В стае я был не на последнем месте, Бек с Полом позаботились об этом, так что мог вмешаться, однако же медлил, дрожа от холода и по щиколотки увязая в снегу. От девчонки исходил такой теплый, живой, такой человеческий запах.

«Что с ней такое? — думал я. — Если она жива, почему не сопротивляется?»

Я чуял запах крови, такой горячий и терпкий в этом застывшем мертвом мире. Салем, дрожа от нетерпения, принялся раздирать на ней одежду. Желудок мучительно свело — я и не помнил, когда ел в последний раз. Хотелось разметать волков и встать рядом с Салемом, сделать вид, что я не чую ее человеческого запаха и не слышу негромких стонов. Она казалась такой маленькой в окружении нашей стаи, нападающей на нее, жаждущей купить себе жизнь ценой ее жизни.

Рыча и скалясь, я бросился вперед. Салем заворчал в ответ, но в иерархии стаи я стоял выше его, несмотря на истощение и молодость. Пол угрожающе зарычал на меня.

Я стоял над ней, ее отсутствующий взгляд был устремлен куда-то в бескрайнюю высь. Мертвая, наверное, подумал я и носом толкнул ее ладонь. На меня пахнуло сахаром, маслом и солью, как в прошлой жизни.

А потом я увидел ее глаза.

Она была жива. И в сознании.

Девчонка посмотрела на меня в упор, заглянула мне в глаза с этой ее ужасающей прямоотой.

Я отпрянул, попятился назад, меня снова начала бить дрожь — только на этот раз мое тело сотрясалось не от ярости.

Ее глаза, заглядывающие в мои. Ее кровь на моей морде.

Я разрывался на части, душой и телом.

Ее жизнь.

Моя жизнь.

Стая опасливо расступилась. Теперь на меня рычали все сразу и скалились, не желая упустить добычу. Она показалась мне самой красивой девочкой на свете, этот хрупкий окровавленный ангел на белом снегу, которого они намеревались уничтожить.

Я видел это. И видел ее, как не видел ничего прежде.

И остановил это.

Глава 3

Грейс

38 °F

Я неоднократно видела его после этого, и всякий раз в холода. Он стоял на опушке леса, который начинался за нашим двором, и, не сводя с меня своих желтых глаз, смотрел, как я насыпала корм птицам в кормушку или выносила мусор, но ни разу не приблизился. В сумерки, которые долгими миннесотскими зимами казались нескончаемыми, я до посинения сидела на промерзших качелях, пока не ощущала на себе его взгляд. Потом, когда я стала слишком большой для качелей, я спускалась с крыльца и молча придвигалась к нему, протянув руку ладонью вверх и опустив глаза, чтобы он видел — никакой опасности нет. Я пыталась говорить на его языке.

Однако сколько бы я ни ждала, как бы ни старалась приблизиться к нему, он неизменно скрывался в кустах, прежде чем я успевала преодолеть разделявшее нас расстояние.

У меня никогда не было страха перед ним. При его размерах и силе он спокойно мог бы стащить меня с качелей или свалить с ног и утащить в лес. Но его взгляд не вязался со свирепым обликом. Я вспоминала его глаза всех оттенков желтого цвета и не могла бояться. Я знала, что он не причинит мне зла. И хотела, чтобы он знал: я тоже не причиню ему зла.

Я ждала. Ждала, ждала, ждала.

И он тоже ждал, хотя я не понимала, чего именно. Казалось, меня одну тянуло к нему.

Однако он приходил снова и снова. Наблюдал, как я наблюдаю за ним. Ни разу он не подошел ближе, но ни разу и не отошел.

Так продолжалось шесть лет без изменений: сводящее с ума волчье присутствие зимой и еще более сводящее с ума отсутствие летом. Эта закономерность меня не настораживала. Я считала, что они волки. Обыкновенные волки.

Глава 4

Сэм

90 °F

В тот день, когда я чуть не заговорил с Грейс, стояла такая жара, какой не бывало еще на моей памяти. Даже в книжном магазине, несмотря на кондиционер, раскаленный воздух проникал в дверь и волнами вливался сквозь большие венецианские окна. Я сидел за прилавком на табурете и всеми порами впитывал лето, как будто мог удержать в себе каждую его каплю. Часы текли за часами, яркое солнце выжигало корешки книг на полках и нагревало покрытые типографской краской бумажные страницы до такой степени, что в воздухе висел запах непрочитанных слов.

Все это я любил, когда был человеком.

Я читал, когда дверь с негромким позвякиванием отворилась и в магазин, впуслав за собой волну одуряющего жара, впорхнула стайка девушек. Судя по их звонкому смеху, в моей помощи они не нуждались, так что я не стал отрываться от чтения, предоставив им бродить вдоль стеллажей и болтать обо всем на свете, кроме книг.

Пожалуй, я и думать забыл бы о посетительницах, если бы не заметил краешком глаза, как одна из них собрала свои темно-русые волосы и стянула их в длинный хвост. Само по себе действие ничего не значило, но от ее движения меня обдало легким ароматом. Запах было знакомый. Я мгновенно его узнал.

Это была она. Больше никому.

Я уткнулся в книгу и отважился бросить взгляд в сторону девушек. Две другие продолжали оживленно болтать, кивая на бумажную птицу, которую я подвесил к потолку в отделе детской литературы. Та девушка в разговоре не участвовала, держалась чуть в стороне от подруг и разглядывала книги. Я увидел ее лицо и в его выражении уловил сходство с собой. Она переводила взгляд с полки на полку в поисках предлога для бегства.

Я тысячу раз прокручивал в уме самые разнообразные вариации этой сцены, но теперь, когда желанный миг наконец настал, совершенно растерялся.

Здесь она казалась такой... реальной. Когда у себя во дворе она читала книгу или делала домашнее задание, это было совсем не то. Там разделявшее нас расстояние становилось непреодолимой пропастью; у меня были все основания держаться от нее подальше. Здесь, в книжном магазине, она оказалась так близко от меня, что дух захватывало. Ничто не мешало мне заговорить с ней.

Ее взгляд обратился на меня, и я поспешил отвести глаза, уткнувшись в книгу. Мое лицо было ей не знакомо, но глаза она узнала бы. Не могла не узнать.

Пусть она уйдет, взмолился я про себя, тогда я снова смогу дышать.

Пусть она купит книгу, взмолился я про себя, тогда мне волей-неволей придется заговорить с ней.

— Грейс, — позвала одна из девушек, — иди сюда. Смотри, что я нашла. «Как поступить в колледж вашей мечты. Формула успеха». Здорово.

Она склонилась над полкой и стала рассматривать пособия для подготовки к вступительным экзаменам в колледж, и я медленно перевел дух, глядя на ее озаренную солнцем длинную спину. Судя по наклону плеч, интерес ее был продиктован исключительно

вежливостью; когда ей показывали очередную книгу, она кивала, но мысли ее, казалось, были заняты чем-то другим. Солнечный свет, льющийся сквозь витрины, играл на ее выбившихся из хвоста волосах, превращая каждую волосинку в мерцающую золотую нить. Она еле заметно кивала головой в такт музыке, играющей где-то на верхнем этаже.

— Привет.

Я вздрогнул от неожиданности. Передо мной стояла девушка. Не Грейс. Другая, темноволосая и загорелая. На плече у нее висела громоздкая фотокамера, а взгляд ее был прикован к моим глазам. Она ничего не сказала, но я понял, о чем она думает. Увидев цвет моих глаз, люди обычно принимались исподтишка поглядывать на меня или откровенно таращиться; эта, по крайней мере, вела себя честно.

— Не возражаете, если я вас сфотографирую? — спросила она.

Я задумался в поисках отговорки.

— У некоторых первобытных племен есть верование, что тот, кто их фотографирует, похищает их душу. По-моему, это очень разумно, так что прошу прощения, но никаких фотографий. — Я с извиняющимся видом пожал плечами. — Если хотите, можете поснимать магазин.

У прилавка выросла третья девушка: густые светло-каштановые волосы, россыпь веснушек и такое количество энергии, что я немедленно почувствовал себя утомленным.

— Глазки строишь, Оливия? У нас нет на это времени. Вот, мы это возьмем.

Я взял у нее «Формулу успеха», а сам украдкой покосился на Грейс.

— Девятнадцать долларов девяносто девять центов.

Сердце у меня колотилось как безумное.

— За книжку в мягкой обложке? — вскинула брови веснушчатая, однако же протянула мне двадцатку. — Сдачи не надо.

Мы не держали жестянку для мелочи, но я положил монетку в один цент на прилавок рядом с кассой и стал медленно упаковывать книгу, в надежде на то, что Грейс подойдет посмотреть, в чем причина такой заминки.

Однако она осталась стоять в отделе биографий.

Глава 5

Грейс

44 °F

Я не догадывалась, что все волки в лесу — оборотни, пока не погиб Джек Калпепер.

В сентябре моего предпоследнего школьного года в нашем маленьком городке только и разговоров было что о Джеке. При жизни Джек ничем выдающимся не отличался, если не считать самой дорогой машины во всей школе, включая директорскую. И вообще он был придурок. Однако стоило ему погибнуть, как его немедленно причислили к лику святых. Причем душок у этой святости был мрачный и скандальный, слишком уж при необычных обстоятельствах все произошло. За пять дней, минувших с его смерти, я успела слышать в школьных коридорах тысячу версий этой истории.

В итоге все теперь панически боялись волков.

Поскольку мама у меня новостей обычно не смотрит, а папы никогда не бывает дома, всеобщая паника проникла в наш дом не сразу, а с запозданием в несколько дней. За прошедшие шесть лет мое приключение с волками выветрилось из маминой памяти, но нападение на Джека, видимо, воскресило воспоминания.

Мама не была бы мамой, если бы ее беспокойство вылилось в логичное желание уделять побольше времени своей единственной дочери, на которую тоже когда-то напали волки. Вместо этого она стала еще более рассеянной.

— Мам, тебе помочь с ужином?

Мама с виноватым видом взглянула на меня и, оторвавшись от телевизора, который был виден с кухни, вновь принялась кромсать грибы.

— Это совсем близко от нас. Место, где его нашли. — Она ткнула ножом в сторону телевизора.

Ведущий новостей с притворной искренностью дождался, когда рядом с расплывчатой фотографией волка в правом углу экрана появится карта нашего округа. «Расследование обстоятельств инцидента продолжается», — сообщил он. По-моему, за неделю бесконечных пересказов одной и той же истории можно было научиться хотя бы не перевирать простейшие факты. Зверь с их фотографии вообще принадлежал к совершенно иному виду, чем мой волк с его иссиза-серой шкурой и темно-желтыми глазами.

— У меня это просто в голове не укладывается, — продолжала между тем мама. — Совсем рядом, за Пограничным лесом. Там его убили.

— Или он сам умер.

Мама нахмурилась, усталая и прекрасная, как обычно.

— Что?

Я оторвалась от домашнего задания — успокаивающе аккуратных строчек букв и цифр.

— Может, он просто потерял сознание на дороге, а волки утащили его в лес. Это совсем другое дело. Не надо наводить панику.

Мама снова уткнулась в экран с отсутствующим видом, продолжая крошить грибы на кусочки, с которыми справилась бы даже амеба.

— Они напали на него, Грейс, — покачала головой она.

Я посмотрела в окно на лес — бледные ряды призрачных деревьев на фоне темного

неба. Если мой волк и был там, я его не видела.

— Мама, ты сама постоянно твердишь мне, что волки обычно ни на кого не нападают. «Волки — миролюбивые существа».

Эти слова я слышала от мамы много лет подряд. Думаю, она не смогла бы дальше жить в этом доме, если бы не убедила себя в том, что волки относительно безобидны, а нападение на меня — разовое явление. Не знаю, считала ли она на самом деле их миролюбивыми, но я считала. Глядя на лес, я год за годом наблюдала за волками, изучила их характер и могла уже отличать друг от друга. Да, среди них был тощий пятнистый волк, который скрывался в чаще и показывался на глаза лишь в самые холодные месяцы. Все в нем: его тусклая свалывшаяся шерсть, рваное ухо, единственный гноящийся глаз — прямо-таки кричало о каком-то телесном недуге, а горящий взгляд наводил на мысль о больном уме. Я помню, как его зубы рвали мою кожу. С него вполне случилось бы снова напасть на какого-нибудь человека в лесу.

Была еще белая волчица. Я читала, что волки выбирают себе пару на всю жизнь, и видела ее с вожаком стаи, крупным волком, таким же черным, насколько она была белой. Я видела, как они терлись носами и бок о бок бегали по лесу, и мех у них вспыхивал на солнце, точно рыба чешуя в воде. В ней была какая-то свирепая, тревожная красота; с нее тоже вполне случилось бы напасть на человека. Но все остальные? Они были прекрасными безмолвными призраками. Я их не боялась.

— Да уж, миролюбивей некуда. — Мама воткнула нож в разделочную доску. — Пожалуй, стоит отловить их всех и вывезти в Канаду или еще куда.

Я нахмурилась. Хватит с меня и того, что каждое лето я маялась без моего волка. В детстве эти месяцы казались нескончаемо долгими, наполненными томительным ожиданием, когда же наконец вернутся волки. После того как я заметила моего желтоглазого волка, переносить ожидание стало еще труднее. Все эти долгие месяцы я рисовала в воображении захватывающие приключения, в которых по ночам обращалась в волчицу и вместе с моим волком убегала в золотой лес, где никогда не было снега. Теперь я знала, что никакого золотого леса нет, но стоя — и мой желтоглазый волк — существовала.

Я со вздохом отодвинула учебник математики и оттеснила маму от доски.

— Давай лучше я. А то ты сейчас тут наделаешь дел.

Она не стала возражать, да я этого и не ожидала. Вместо этого она наградила меня улыбкой и упорхнула, как будто только и ждала, чтобы я заметила, как скверно она справляется.

— Если ты доделаешь ужин вместо меня, — сказала она, — моя благодарность тебе не будет знать границ.

Я состроила гримаску и забрала у нее нож. Мама вечно была перемазана в красках и витала в облаках. Она ничего общего не имела с матерями моих подруг, без конца что-то драившими, стряпавшими, пылесосившими. Честно говоря, мне и не хотелось, чтобы она была на них похожа. Вот только домашнего задания все равно никто не отменял.

— Спасибо, солнышко. Я буду у себя в студии.

Будь мама куклой, которая произносит пять или шесть фраз, если нажать ей на живот, эта фраза была бы одной из ее репертуара.

— Смотри не надышись краски, — напутствовала я ее, но она была уже на лестнице.

Страхнув искромсанные грибы в миску, я взглянула на часы, висевшие на ярко-желтой стене. До возвращения папы с работы оставался еще час. У меня была уйма времени, чтобы приготовить обед и, может быть, попытаться хотя бы одним глазком увидеть моего волка.

В холодильнике обнаружился кусок говядины, которая, очевидно, предполагалась к ужину вместе с грибным крошечком. Я вытащила мясо и плюхнула на доску. На экране телевизора какой-то журналист с умным видом рассуждал на тему, нужно или нет сдерживать рост популяции волков в Миннесоте. От всего этого мне стало тошно.

Зазвонил телефон.

— Да?

— Привет. Что делаешь?

Рейчел. Я обрадовалась ее звонку; она была полной противоположностью моей матери: до крайности организованная и все и всегда доводившая до конца. В ее присутствии я не чувствовала себя инопланетянкой. Я зажала трубку между плечом и ухом и принялась резать мясо, припрятав кусок размером с мой кулак.

— Готовлю ужин и смотрю дурацкие новости.

Она поняла меня с полуслова.

— Понятно. Разглагольствуют про немыслимое. Мусолят и мусолят одно и то же. Нет, вот же гады... ну, то есть почему бы им наконец не заткнуться и не оставить всех нас в покое? Хватит и того, что в школе больше ни о чем не говорят. А каково тебе после той истории с волками, я вообще не представляю. И родители Джека, наверное, сейчас хотят только одного: чтобы эти журналюги заткнулись поскорее.

Рейчел тараторила с такой скоростью, что я едва ее понимала. Под конец я просто отключилась от этого потока слов, а потом она спросила:

— Оливия сегодня не звонила?

Оливия была последней из нашей троицы и единственной, кто хоть отчасти понимал мою одержимость волками. Редкий вечер проходил без того, чтобы я не созванивалась с ней или с Рейчел.

— Она, наверное, отправилась на улицу с фотоаппаратом. Сегодня ведь вроде бы метеоритный дождь обещали, — сказала я.

Оливия смотрела на мир сквозь объектив своей фотокамеры; половина моих школьных воспоминаний была увековечена в глянцевых черно-белых снимках размером шесть на четыре дюйма.

— Думаю, ты права, — сказала Рейчел. — Оливия точно не сможет не поучаствовать в этом всеобщем помешательстве на астероидах. Есть минутка поболтать?

Я покосилась на часы.

— В общем, да. Но только пока я доделываю ужин, потом придется садиться за уроки.

— Ясно. Тогда я быстренько. Всего два слова. По-бег. Ну, как тебе?

Я бросила мясо поджариваться на сковородку.

— Это одно слово, Рейч.

Она немного помолчала.

— Ну да. Мысленно это звучало лучше. Ну, не суть. Короче, мои предки сказали, что, если я хочу куда-нибудь поехать на рождественские каникулы, они оплатят поездку. Как же мне хочется куда-нибудь уехать. Куда угодно, лишь бы подальше от Мерси-Фоллз. Все равно куда! Придете завтра с Оливией после школы помочь мне собрать вещи?

— Хорошо, придем.

— Может, вам с Оливией тоже разрешат со мной поехать? — сказала Рейчел.

Я замялась. Слово «Рождество» немедленно воскресило в моей памяти запах елки, бескрайнюю черную гладь звездного декабрьского неба над нашим двором и глаза моего

волка, наблюдающие за мной из-за заснеженных деревьев. Мой волк всегда появлялся на Рождество, даже если отсутствовал большую часть года.

— Только не надо этого твоего задумчивого вида с устремленным вдаль взором, — простионала Рейчел. — Представляю тебя сейчас! И не говори мне, что ты никуда не хочешь отсюда уезжать!

В общем-то, я и не хотела. Я, можно сказать, срослась с этим местом.

— Я же не говорю «нет», — запротестовала я.

— Но и не прыгаешь от радости. А я именно на это и рассчитывала, — вздохнула Рейчел. — Ну хоть ко мне-то ты придешь?

— Ты же сама знаешь, что приду, — сказала я и свернула шею, пытаясь выглянуть в заднее окошко. — Ну все, мне пора бежать.

— Ага-ага, — сказала Рейчел. — Захвати с собой печенье. Только не забудь. Ладно, пока.

Она засмеялась и повесила трубку.

Я торопливо поставила рагу тушиться на маленьком огне, чтобы не требовалось моего присмотра. Потом сняла с вешалки пальто и открыла дверь на террасу.

Холодный воздух немедленно обжег щеки и защипал уши, напоминая о том, что лето официально закончилось. В кармане пальто у меня была припрятана вязаная шапочка, но мой волк не всегда узнавал меня в ней, так что я не стала ее надевать. Я украдкой оглядела подступы ко двору и спустилась с крыльца, приняв как можно более небрежный вид. Кусок говядины у меня в руке казался холодным и скользким.

Жухлая блеклая трава захрустела под ногами. Я дошла до середины двора и остановилась, на миг ослепленная розовым закатом, рдевшим за дрожащей черной листвой. Этот суровый пейзаж и наша теплая кухонька с ее уютными запахами легкой жизни существовали в двух различных мирах. Казалось бы, я принадлежала ко второму и должна была чувствовать себя там как рыба в воде. Однако деревья манили меня к себе, искушали бросить все то, что было мне так привычно, и раствориться в наступающей ночи. Это желание в последнее время посещало меня с пугающей частотой.

От темноты на краю леса отделилась какая-то тень, и я увидела под деревом моего волка. Он повел носом, учуяв мясо у меня в руке. Облегчение, которое я испытала при виде него, сменилось ужасом, когда он вскинул голову и на морду ему упал желтый квадрат света из раскрытой двери. Его нижняя челюсть была покрыта запекшейся кровью. Старой, не сегодняшней.

Ноздри его трепетали: он чуял запах мяса. То ли этот запах, то ли мое привычное присутствие подтолкнули его сделать несколько шагов по направлению ко мне. Потом еще несколько. Так близко он еще никогда не подходил.

Я не сводила с него глаз; он был совсем рядом, и я могла бы протянуть руку и коснуться его ослепительного меха. Или бурого пятна на морде.

Мне отчаянно хотелось, чтобы это была его кровь. Из старой раны или ссадины, заработанной в схватке.

Впрочем, это казалось маловероятным. Судя по всему, кровь была чужая.

— Это ты его убил? — прошептала я.

Мой голос, вопреки ожиданиям, не спугнул его. Он точно прирос к земле, его глаза были прикованы к моему лицу, а не к куску мяса у меня в руке.

— В новостях только об этом и говорят, — продолжала я, как будто он мог меня понять.

— Заладили: трагедия, трагедия. Говорят, что это дикие звери во всем виноваты. Ты это сделал?

Он смотрел на меня еще с минуту, не двигаясь, не мигая. А потом — впервые за шесть лет — закрыл глаза. Это шло вразрез со всеми природными инстинктами, которые полагается иметь волку. Вечно немигающий взгляд — а теперь он застыл в позе почти человеческого горя, закрыв блестящие глаза, пригнув голову и прижав хвост.

В жизни не видела картины печальней.

Медленно-медленно я приблизилась к нему, опасаясь лишь спугнуть его, а не его окровавленных челюстей и острых зубов. Уши у него встали торчком, значит, он заметил мое приближение, однако не сдвинулся с места. Я присела на корточки и бросила мясо на снег. Волк вздрогнул. Он был так близко, что я улавливала мускусный запах его шкуры, чувствовала тепло его дыхания.

И тогда я сделала то, чего всегда желала, — положила ладонь на его мохнатый загривок, а когда он не отпрянул, погрузила в мех обе руки. Шерсть у него оказалась не такая мягкая, какой представлялась с виду, зато под жесткими покровными волосками скрывался пушистый подшерсток. Он негромко зарычал и уткнулся в меня головой, не открывая глаз. Я обняла его, как будто он был самым обыкновенным дворовым псом, хотя его терпкий мускусный запах не давал мне забыть, кто он на самом деле.

На миг я позабыла, где я и кто я. На миг это утратило значение.

Краем глаза я уловила какое-то движение: далеко-далеко, едва различимая в скудеющем свете, белая волчица с горящими глазами наблюдала за нами с опушки леса.

Я скорее почувствовала, чем услышала, какой-то низкий рокот и поняла, что это мой волк рычит на нее. Волчица приблизилась, до странности осмелев, и он крутанулся в моих руках ей навстречу. Щелкнули зубы, и я отскочила.

Она не зарычала, но от этого почему-то было еще страшнее. Волк должен рычать. А эта волчица просто смотрела, переводя взгляд с него на меня и обратно, и каждый мускул в ее теле источал ненависть.

Все с тем же еле слышным рыком мой волк еще сильнее прижался ко мне, шаг за шагом тесня меня обратно к веранде. Я ощупью поднялась по ступеням и отступила к двери. Он стоял у крыльца, пока я не оказалась за дверью и не заперлась.

Едва я очутилась в доме, как белая волчица рванулась вперед и схватила брошенный мной кусок мяса. Хотя мой волк был ближе к ней и явно представлял куда большую угрозу для еды, глазами она почему-то отыскала меня, отделенную от нее стеклянной дверью, и посмотрела долгим взглядом, прежде чем скрыться в чаще, точно призрак.

Мой волк в нерешительности застыл на опушке. В глазах у него отражался тусклый фонарь над крыльцом. Его взгляд по-прежнему был прикован ко мне.

Я прижалась ладонями к ледяному стеклу.

Никогда еще разделявшее нас расстояние не казалось таким непреодолимым.

Глава 6

Грейс

42 °F

Когда возвратился с работы отец, я все еще пребывала в безмолвном мире волков, вновь и вновь воскрешая в памяти ощущение колючей волчьей шкуры под моими пальцами. Хотя руки волей-неволей пришлось вымыть перед тем, как накрывать на стол, я чувствовала мускусный запах, исходивший от моей одежды, и раз за разом проигрывала в памяти нашу встречу. Понадобилось шесть лет, чтобы он позволил мне прикоснуться к нему. Обнять его. Мне до смерти хотелось кому-нибудь об этом рассказать, но я понимала, что папа не разделит моей радости, тем более что по телевизору продолжали твердить про нападение. Пришлось держать рот на замке.

Хлопнула входная дверь. Из передней папа не мог меня видеть, но я услышала его голос: — Вкусно пахнет, Грейс.

Он вошел в кухню и потрепал меня по затылку. Глаза его за стеклами очков казались усталыми, но он улыбался.

— А где мама? Рисует?

Он бросил куртку на спинку кресла.

— А что, она может быть занята еще чем-то? — Я нахмурилась, глядя на куртку. — Надеюсь, ты не собираешься оставить ее здесь?

Он с веселой улыбкой забрал куртку и крикнул, чтобы слышно было на втором этаже:

— Тряпочкин, пора ужинать!

Он назвал маму ее прозвищем; это означало, что он в хорошем расположении духа.

Не прошло и двух секунд, как мама нарисовалась на нашей желтой кухоньке. Сбежав по лестнице, она успела запыхаться, поскольку никуда не ходила пешком; щека у нее была в зеленой краске.

Папа поцеловал ее, стараясь не измазаться.

— Ну, рыбка моя, ты хорошо себя вела?

Мама похлопала ресницами. Судя по выражению ее лица, она уже знала, что он хочет сказать.

— Лучше всех.

— А ты, Грейс?

— Еще лучше, чем мама.

Папа откашлялся.

— Дамы и господа, с пятницы меня повышают в должности, так что...

Мама захлопала в ладоши и закружилась, глядя на себя в зеркало.

— Я смогу снять ту студию в центре! — почти пропела она.

Папа с улыбкой кивнул.

— А у тебя, малышка Грейс, будет новая машина вместо твоей развалюхи, как только я выкрою время свозить тебя в салон. Мне надоело ремонтировать эту колымагу.

Мама весело рассмеялась и снова захлопала в ладоши. Пританцовывая, она двинулась на кухню. Если она снимет студию в городе, я не буду видеть не только папу, но и маму. Ну разве что во время ужина. Ради еды они обычно отрывались от своих занятий.

Впрочем, все это меркло в сравнении с перспективой получить действующее средство передвижения.

— Правда?! У меня будет машина? Нормальная машина?

— Чуть менее паршивая, — пообещал папа. — Не раскатывай губу.

Я обняла его. Машина, даже такая, означала свободу.

В ту ночь я лежала у себя в комнате с закрытыми глазами и пыталась уснуть. Мир за моим окном казался безмолвным, как после снегопада. Снегу было еще рано, но все звуки казались приглушенными. Было слишком тихо.

Я затаила дыхание и напрягла слух, прислушиваясь, не шелохнется ли что-нибудь в безмолвной темноте.

До меня не сразу дошло, что снаружи доносится какой-то негромкий повторяющийся звук. Больше всего он был похож на стук когтей по дощатому настилу террасы. Волк? Или енот? Снова раздалось то же негромкое постукивание, потом рык. Значит, не енот. По коже у меня побежали мурашки.

Накинув на плечи одеяло, я выбралась из постели и прошлепала по залитому лунным светом полу к окну. На миг я замешкалась, решив, что все это могло мне почудиться, но тут звук послышался вновь. Я приподняла штору и выглянула на террасу. Во дворе никого не было. Вдали за домом высились частоколом угольно-черные стволы деревьев.

Внезапно прямо передо мной возникла волчья морда, так что я чуть не подскочила от неожиданности. На террасе, положив передние лапы на подоконник, стояла белая волчица. Она была так близко, что я различила капельки влаги, поблескивавшие на ее мохнатой шкуре. Ее сапфирово-синие глаза в упор взглянули на меня, точно бросая вызов: ну, кто первый отведет взгляд? Стекло сотряс негромкий рык, и я явственно, как будто он был написан на стекле, прочитала заложенный в него смысл: оставь его в покое, он не твой.

Я ответила ей таким же пристальным взглядом, а потом, повинувшись бездумному порыву, оскалила зубы и зарычала. Рык, который у меня вырвался, стал неожиданностью для нас обеих, и волчица отскочила от окна. С недобрым видом оглянувшись на меня, она пометила угол террасы и потрусил в лес.

Я закусила губу, чтобы стереть с лица звериный оскал, подобрала с пола свитер и забралась обратно в постель. Отодвинув в сторону подушку, я свернула свитер и прижалась к нему виском.

Запах моего волка убаюкал меня. Сосновая хвоя, холодный дождь, терпкий аромат духов, колючая шерсть под моей щекой.

Как будто он рядом со мной.

Глава 7

Сэм

42 °F

От моей шерсти до сих пор пахло ею. Ее запах не давал мне покоя, воспоминание об ином мире.

Я упивался им, ее ароматом. Я подошел слишком близко, хотя все мои инстинкты восставали против этого, в особенности когда я вспомнил, какая судьба постигла того парнишку.

Ее пахнувшая летом кожа, смутно знакомая тональность ее голоса, прикосновение ее пальцев к моей шкуре. Каждая клеточка моего тела ликovala при воспоминании о ее близости.

Она была слишком близко.

Я не мог удержаться.

Глава 8

Грейс

65 °F

Всю следующую неделю я витала в облаках, на уроках была невнимательна и почти ничего не записывала. Я могла думать лишь об ощущении колючей волчьей шерсти под моими ладонями и о белоснежной оскаленной волчьей пасти у меня под окном. Однако когда перед уроком по основам безопасности миссис Румински завела в класс полицейского, я очнулась от своих грез.

Она оставила его одного перед классом; мне подумалось, что это довольно жестоко с ее стороны, поскольку шел седьмой урок и большинству отчаянно хотелось домой. Очевидно, она решила, что с горсткой старшеклассников блюститель порядка точно справится. Вот только преступника хотя бы можно пристрелить, в отличие от целого класса юнцов, у которых не закрываются рты.

— Привет, — произнес полицейский.

Он оказался совсем молоденьким, хоть и был весь обвешан кобурами, баллончиками со слезоточивым газом и прочим разнообразным вооружением, очевидно, для придания облику солидности. Он покосился на миссис Румински, которая молчаливо возвышалась на пороге класса, и провел пальцем по сверкающему жетону с именем на груди. «Уильям Кениг». Миссис Румински упомянула, что он выпускник нашей замечательной школы, но ни его имя, ни лицо ни о чем мне не говорили.

— Моя фамилия Кениг, я из полиции. Ваша учительница, миссис Румински, на прошлой неделе попросила меня прийти к ней на урок.

Я покосилась на Оливию, которая сидела за одной партой со мной, чтобы выяснить, что она об этом думает. Оливия, как обычно, была сама аккуратность, воплощенная отличница. Ее темные волосы были заплетены в идеальную французскую косу, строгая блузка безукоризненно отутюжена. Из речей Оливии никогда нельзя было узнать истинные ее мысли. Чтобы догадаться о них, нужно было заглянуть ей в глаза.

— А он симпатичный, — шепнула Оливия. — Люблю бритых. Думаешь, мама называет его Уиллом?

Я пока что не научилась реагировать на интерес к противоположному полу, который Оливия начала проявлять совсем недавно, зато не скрываясь, поэтому просто закатила глаза. Он был симпатичный, но не в моем вкусе. Наверное, я пока и сама толком не понимала, какой он, мой вкус.

— Я поступил на службу в полицию сразу же после школы, — продолжал между тем Уилл. Он произнес это очень серьезно, в духе «служить и защищать». — Это именно то дело, которым я всегда хотел заниматься и которое считаю своим призванием.

— Оно и видно, — шепнула я Оливии.

По-моему, его мама все-таки не называла его Уиллом. Уильям Кениг покосился на нас и положил ладонь на рукоять пистолета. Наверное, это была просто дань привычке, но выглядел его жест так, как будто он раздумывает, не пристрелить ли нас за шушуканье. Оливия нырнула под парту, несколько девчонок захихикали.

— Это прекрасная возможность сделать карьеру, к тому же одна из немногих, не

требующих обучения в колледже, — продолжал он. — Никто из вас... э-э... не задумывался о том, чтобы поступить на службу в полицию?

Это «э-э» его и сгубило. Если бы он не заколебался, думаю, наш класс удержался бы в рамках приличий.

Чья-то рука взметнулась вверх. Элизабет, одна из тех, кто до сих пор ходил в черном после гибели Джека, спросила:

— А правда, что тело Джека Калпепера похитили из морга?

В классе немедленно зашумели, и вид у Кенига стал такой, как будто у него и в самом деле появилась веская причина пристрелить дерзкую девчонку.

— Я не имею права разглашать обстоятельства дела, расследование которого еще не завершено.

— Значит, идет расследование? — послышался откуда-то с передних рядов мальчишеский голос.

— Моя мама слышала об этом от диспетчера, — перебила его Элизабет. — Это правда? Зачем кому-то похищать тело?

Версии посыпались одна за другой.

— Для отвода глаз. Прикрыть самоубийство.

— Для контрабанды наркотиков!

— Для медицинских экспериментов!

Кто-то из парней предположил:

— Я слышал, у родителей Джека в доме стоит чучело белого медведя. Может, они решили из Джека тоже сделать чучело.

Остряк немедленно схлопотал подзатыльник: злословить о Джеке и его родных было еще неприлично.

Кениг ошеломленно возрился на миссис Румински, которая все это время стояла в дверях. Она с серьезным выражением посмотрела на него, потом рявкнула на нас:

— А ну тихо!

Мы притихли.

— Так его тело действительно похищено? — спросила она у Кенига.

— Я не имею права разглашать обстоятельства дела, расследование которого еще не завершено, — повторил он, однако на сей раз эта фраза прозвучала совсем беспомощно, скорее с вопросительной, нежели с утвердительной интонацией.

— Офицер Кениг, — заявила миссис Румински. — Джека у нас все любили.

Это была неприкрытая ложь. Впрочем, гибель магическим образом обелила репутацию Джека. Видимо, все остальные смогли позабыть, как он впадал в бешенство на переменах, а иногда и прямо посреди урока. Но я ничего не забыла. В Мерси-Фоллз слухи распространяются быстро, а про Джека поговаривали, что взрывной характер достался ему в наследство от отца. Не знаю, конечно, но, по-моему, человек сам выбирает, каким быть, и неважно, какие у него родители.

— Мы до сих пор в трауре, — добавила миссис Румински, кивнув на полкласса в черном. — Расследование — не главное. Главное — дать всем тем, кто его любил, чувство завершенности.

— Бог ты мой, — шепнула мне Оливия.

Я покачала головой. С ума сойти.

Офицер Кениг скрестил руки на груди и сразу же стал похож на ершистого ребенка,

которого заставляют что-то сделать.

— Это правда. Мы занимаемся этим делом. Я понимаю, когда кто-то гибнет в таком юном возрасте, — и это говорил человек, которому можно было самому дать от силы двадцать, — это очень сильно действует на его окружение, но я прошу всех с уважением отнестись к горю семьи и тайне следствия.

Он явно был настроен непреклонно.

Элизабет снова вскинула руку.

— Как вы считаете, волки опасны? Вы получаете много жалоб на них? Моя мама говорит, что много.

Офицер Кениг снова взглянул на миссис Румински; впрочем, он, наверное, уже понял, что любопытство мучило ее ничуть не меньше, чем Элизабет.

— Я думаю, что волки не представляют угрозы для населения. Я — и все мои коллеги тоже — полагаем, что это был единичный инцидент.

— Но на нее тоже напали, — не унималась Элизабет.

Вот счастье-то. Я не видела, как Элизабет указывала на меня, но она определенно это сделала, поскольку все лица немедленно обернулись в мою сторону. Я закусила губу. Всеобщее внимание не досаждало мне, но каждый раз, когда кто-то вытаскивал на свет божий историю о том, как волки утащили меня с качелей, все немедленно вспоминали, что это может случиться с каждым. Мне не давал покоя вопрос, как скоро эти воспоминания побудят их начать охоту на волков.

На моего волка.

Вот почему я не могла простить Джеку его гибели. Учитывая это и его неоднозначный послужной список в школе, я считала лицемерием идти вместе со всей школой на траурную церемонию. Проигноировать ее, впрочем, мне тоже казалось неправильным; я не понимала, каких чувств от меня ожидают.

— Это было давным-давно, — возразила я, и Кениг явно вздохнул с облегчением, когда я добавила: — Много лет назад. И вообще, может, это были собаки.

Я соврала. Все равно никто не смог бы мне возразить.

— Вот именно, — решительно произнес Кениг. — Вот именно. Не стоит делать из диких зверей чудовищ из-за одного случайного происшествия. И разводить панику на ровном месте тоже. Паника ведет к неосторожности, а неосторожность — к несчастным случаям.

Он высказал мои мысли. Меня охватила смутная симпатия к этому чересчур серьезному полицейскому, который между тем вновь заговорил о карьере в правоохранительных органах.

На перемене одноклассники снова завели разговор про Джека, но мы с Оливией ускользнули к нашим шкафчикам.

Кто-то легонько подергал меня за волосы, и, обернувшись, я увидела Рейчел: она стояла у меня за спиной и печально смотрела на нас обеих.

— Девчонки, сегодняшнее сборище отменяется. Моя психованная мачеха затеяла семейную поездку в Дулут. Если она хочет, чтобы я ее любила, придется ей раскошелиться мне на новые туфли. Давайте перенесем все на завтра, например?

Едва я успела кивнуть, как Рейчел ослепительно улыбнулась нам обеим и умчалась прочь.

— Хочешь, пойдём ко мне? — спросила я Оливию.

Необходимость задавать этот вопрос все еще вводила меня в ступор. Раньше мы с ней и

Рейчел каждый день торчали дома у кого-нибудь из нас троих, так сложилось само собой. Но когда у Рейчел появился парень, все почему-то изменилось и наша беззаботная дружба дала трещину.

— Конечно, — сказала Оливия и, подхватив свои пещи, двинулась за мной по коридору, но потом вдруг ухватила меня за локоть. — Смотри.

Она указана на Изабел, младшую сестру Джека, учившуюся в нашем классе; природа щедро наделила ее фамильной калпеперовской красотой и копной ангельских белокурых кудрей. Изабел разъезжала на белом джипе и была обладательницей карманной собачки, которую одевала в тон собственным нарядам. Меня очень интересовал вопрос, когда она наконец заметит, что живет в Мерси-Фоллз, где подобные вещи просто-напросто не приняты.

В настоящий момент Изабел таращилась на содержимое своего шкафчика с таким видом, как будто обнаружила там инопланетянина.

— Она не в черном, — заметила Оливия.

Изабел очнулась от транса и смерила нас злобным взглядом, как будто почувствовала, что мы говорим о ней. Я поспешно отвернулась, но она продолжала буравить меня взглядом.

— Наверное, она уже сняла траур, — предположила я, когда мы отошли на достаточное расстояние.

Оливия открыла передо мной дверь.

— Наверное, она единственная его оплакивала.

Дома я приготовила кофе с клюквенными булочками, и мы уселись за кухонным столом под желтой лампой смотреть кипу свежих снимков, сделанных Оливией. Для Оливии фотография была чем-то сродни религии; она чуть не молилась на свою камеру и штудировала методы фотосъемки, словно они были правилами, по которым следовало строить жизненный уклад. Глядя на ее снимки, я почти испытывала желание тоже обратиться в адепты ее религии. При взгляде на них возникало такое чувство, как будто ты сам присутствуешь при происходящем.

— Он действительно был симпатичный. И не говори мне, что это не так, — заявила она.

— Все никак не забудешь этого офицера? Что на тебя нашло? — Я покачала головой и взяла из стопки следующую фотографию. — Никогда не видела, чтобы тебя так переклинило на настоящем живом человеке.

Оливия ухмыльнулась и склонилась ко мне с дымящейся кружкой в руке. Она откусила кусок булочки и, прикрыв рот ладонью, чтобы на меня не летели крошки, сказала:

— По-моему, я превращаюсь в одну из тех девиц, которые неровно дышат к мужчинам в форме. Нет, ты правда считаешь, что он не симпатичный? По-моему... По-моему, мне нужно завести себе парня. Надо будет как-нибудь заказать пиццу с доставкой. Рейчел говорила, у них там в доставке работает один симпатичный мальчик.

Я снова закатила глаза.

— С чего тебе вдруг приспичило завести парня?

Оливия делала вид, будто внимательно изучает фотографии, однако у меня возникло такое чувство, что она напряженно дожидалась моего ответа.

— А тебе не хочется?

— Ну, наверное... когда появится подходящая кандидатура, — пробормотала я.

— Но как ты узнаешь об этом, если даже ни на кого не смотришь?

— Можно подумать, у тебя хватило мужества заговорить хоть с одним парнем. За исключением плаката с твоим любимым Джеймсом Дином. — Эти слова прозвучали более воинственно, чем я хотела, и я попыталась смягчить их смешком.

Оливия насупилась, но ничего не сказала. Мы долго сидели молча, разглядывая фотографии.

Мое внимание привлек снятый крупным планом кадр, на котором мы с Рейчел и Оливией были запечатлены втроем; снимок сделала мать Оливии перед самым началом учебного года. Рейчел с широченной улыбкой на веснушчатом лице одной рукой крепко обнимала за плечи Оливию, другой — меня, словно пытаясь втиснуть нас обеих в кадр. Это она всегда была той связующей силой, на которой держалась наша дружба, именно ее общительная натура много лет удерживала вместе нашу троицу.

На фотографии Оливия, с ее загорелой оливковой кожей и яркими зелеными глазами, словно вышла из лета. Безукоризненно белые зубы сверкали в улыбке, на щеках играли ямочки. Рядом с ними обеими я казалась воплощением зимы: темно-русые волосы и серьезные карие глаза, да и вообще внешность у меня была какая-то блеклая, точно прихваченная холодком. Я всегда считала, что мы с Оливией родственные души: обе необщительные, вечно погружены в книги. Однако теперь я начала понимать, что мое одиночество — добровольное, тогда как Оливия просто болезненно застенчива. Чем больше времени мы проводили вместе, тем сложнее нам было оставаться подругами.

— Я тут похожа на дуру, — заметила Оливия. — Рейчел — на сумасшедшую. А ты на злючку.

На мой взгляд, у меня был вид человека, который ни в чем не потерпит отказа — я бы даже сказала, нахальный. И мне это нравилось.

— И вовсе ты не похожа на дуру. Ты похожа на принцессу, а я на людоеда.

— Да не похожа ты на людоеда.

— Уж и помечтать нельзя.

— А Рейчел?

— Так ты сама все сказала. У нее тут и правда безумный вид. Ну или будто она, как обычно, перепила кофе.

Я снова взглянула на снимок. Рейчел в самом деле походила на солнце, яркое и лучистое, а мы — на две луны, удерживаемые на орбите исключительно силой ее воли.

— А эту ты видела? — Оливия вклинилась в мои мысли и указала на другую фотографию. На ней мой волк был снят в чаще леса, наполовину скрытый стволом дерева. Однако ей удалось поймать в фокус кусочек морды; его взгляд был устремлен прямо на меня. — Можешь взять ее себе. И вообще, забирай всю пачку. Можно потом будет вставить удачные в альбом.

— Спасибо, — ответила я; Оливия едва ли подозревала, насколько я ей благодарна. Я показала на фотографию: — Это снято на прошлой неделе?

Она кивнула. Я взглянула на снимок — поразительный, однако безжизненный и не идущий ни в какое сравнение с оригиналом. Я легонько погладила его пальцем, как будто ожидала почувствовать на ощупь колючую шерсть. У меня защемило сердце. Я ощутила на себе взгляд Оливии, и от этого мне только стало еще хуже, на меня накатило одиночество. Когда-то давно, может быть, я и стала бы говорить с ней об этом, но теперь это было слишком личное. Что-то изменилось; пожалуй, это была я.

Оливия протянула мне тоненькую пачку снимков, которую она отложила в сторону.

— А это моя гордость.

Я принялась рассеянно просматривать фотографии. Там было на что посмотреть: опавший лист в луже, детские лица, отражающиеся в окошках школьного автобуса, художественно размытый черно-белый автопортрет Оливии. Я поохала и поохала, а потом снова принялась любоваться фотографией моего волка.

Оливия досадливо фыркнула.

Я поспешно переключилась на лист в луже и нахмурилась, пытаюсь представить, что могла бы сказать о каком-нибудь произведении искусства моя мама.

— Очень даже ничего, — выдавила я наконец. — Отлично переданы... цвета.

Она выхватила фотографии у меня из рук и с такой силой швырнула мне обратно снимок моего волка, что он отскочил от моей груди и упал на пол.

— Угу. Знаешь, Грейс, иногда я вообще не понимаю, какого черта...

Она не закончила предложение, лишь покачала головой. Я была в замешательстве. Она что, хотела, чтобы я сделала вид, будто остальные фотографии нравятся мне больше, чем снимок моего волка?

— Эй! Есть кто-нибудь дома?

Это был Джон, старший брат Оливии. Его появление спасло меня от гнева его сестры: не знаю уж, чем вызванного. Он улыбнулся мне с порога и закрыл за собой дверь.

— Привет, красотка.

Оливия одарила его ледяным взглядом со своего места за столом.

— Надеюсь, это ты обо мне?

— Ну разумеется, — отозвался Джон, глядя на меня. Он был красив в традиционном понимании этого слова: высокий, с темными, как у сестры, волосами, только с улыбчивым и открытым лицом. — Было бы очень дурным тоном клеиться к лучшей подруге моей сестры. Ладно. Уже четыре часа. До чего же быстро летит время, когда... — он помолчал, глядя на Оливию, склонившуюся над пачкой фотографий на столе, и на меня — с другой такой же пачкой напротив, — бездельничаешь. Вы что, не можете бездельничать порознь?

Оливия молча выровняла свою стопку, а я пояснила:

— Мы интроверты. Нам нравится бездельничать вместе. Одна болтовня, никаких действий.

— Звучит заманчиво. Оливия, если хочешь успеть на урок, надо идти. — Он легонько ткнул меня кулаком. — Слушай, Грейс, а не хочешь пойти вместе с нами? Твои родители дома?

— Ты смеешься? — фыркнула я. — Я сама себе родитель. Жаль, я не плачу налогов, а не то мне полагалась бы льгота как главе семьи.

Джон рассмеялся, хотя шутка вышла так себе, а Оливия метнула на меня взгляд, полный такого яда, что его вполне хватило бы, чтобы убить какое-нибудь небольшое животное. Я прикусила язык.

— Давай, Олив, — сказал Джон, словно и не замечая молний, которые метали глаза его сестры. — За твоё занятие придется платить, даже если ты на него не явишься. Ты идешь, Грейс?

Я выглянула в окно и впервые за много месяцев представила, как скрываюсь в чаще и бегу, пока не наткнусь в лесу на моего волка.

— Как-нибудь в другой раз. Договорились?

Джон криво ухмыльнулся.

— Угу. Идем, Олив. Пока, красотка. Ты знаешь, кому звонить, если тебе надоест болтовня и захочется действия.

Оливия запустила в него рюкзаком, однако недовольный ее взгляд достался мне, как будто я поощряла заигрывания Джона.

— Иди уже. Пока, Грейс.

Я проводила их до двери и бесцельно вернулась в кухню. Хорошо поставленный равнодушный голос диктора напомнил название классической пьесы, которую я только что прослушала, и объявил следующую: папа забыл выключить радио в своем кабинете, примыкавшем к кухне. Почему-то проявления родительского присутствия лишь сильнее подчеркивали их отсутствие. Зная, что на ужин придется есть консервированную фасоль, если я ничего не приготовлю, я порылась в холодильнике и поставила кастрюлю со вчерашним супом на плиту разогреваться к приходу родителей.

Я стояла на кухне, озаренная косыми лучами вечернего солнца, льющимися сквозь боковую дверь, и испытывала острую жалость к себе, больше даже из-за той фотографии, чем из-за пустого дома. Я не видела моего волка живьем с того самого дня, когда прикоснулась к нему, то есть уже почти неделю, и хотя понимала, что расстраиваться совершенно бесполезно, сердце у меня разрывалось от тоски. Я знала, что это глупо, но когда его тень не маячила на опушке, мне чего-то не хватало. И поделать с этим я ничего не могла.

Я подошла к задней двери и открыла ее — хотелось ощутить запах леса. Как была, в одних носках, прошлепала по террасе и облокотилась на перила.

Не выйди я тогда из дома, наверное, я не услышала бы крик.

Глава 9

Грейс

58 °F

Откуда-то из леса снова донесся крик. На миг мне показалось, что это был вой, потом я различила слова:

— Помогите! Помогите!

Я могла бы поклясться, что голос принадлежал Джеку Калпеперу.

Но это было невозможно. Он просто мне чудился, я не раз слышала его в кафетерии, где он вечно перекрывал все остальные голоса, когда его обладатель улюлюкал вслед проходящим по коридору девчонкам.

Тем не менее я бросилась на этот голос, пересекла двор и нырнула в заросли деревьев. Влажная земля колола ноги; без обуви бежать было неудобно. Хруст палой листвы под ногами и шорох спутанных ветвей заглушали все остальные звуки. Я застыла на месте, прислушиваясь. Крик умолк, сменившись поскуливанием, издавать которое мог только дикий зверь, потом наступила тишина.

Наш относительно безопасный двор остался далеко позади. Я долго стояла, пытаюсь определить, откуда донесся самый первый крик. Он не послышался мне, я была в этом уверена.

Однако все было тихо. В тишине запах леса просачивался под кожу и напоминал мне о моем волке. Пахло сосновой хвоей, прелью и древесным дымом.

Плывать, что я поступаю по-идиотски. Раз уж я все равно забралась в самую чащу леса, не будет большой беды, если я зайду чуть подальше и попытаюсь еще разок увидеть моего волка. Я заскочила в дом за обувью и вновь вернулась в вечерний осенний лес. В ветерке уже угадывалось леденящее дыхание зимы, но солнце светило ярко, и под кронами деревьев воздух был теплым, напоминая о недавней жаркой поре.

Повсюду вокруг полыхала золотом и багрянцем умирающая листва, в вышине хрипло каркали вороны. Я не заходила так далеко в лес с того самого дня, когда меня, одиннадцатилетнюю, окружила стая волков, но, как ни странно, страшно мне не было.

Я осторожно пробиралась между деревьями, обходя ручейки, змеившиеся через подлесок. Территория была незнакомая, однако чувствовала я себя вполне уверенно.словно ведомая каким-то непонятным шестым чувством, я бесшумно двигалась волчьей тропой.

Разумеется, я понимала, что на самом деле никакое это не шестое чувство. Меня вело мое собственное чутье, просто обычно я не давала ему воли. А сейчас я положила на него, и оно вышло на передний план, обострилось до предела. Ветер заменял мне сотню карт, повествуя о том, какие животные проходили здесь и какое время назад. Мои уши улавливали мельчайшие звуки, на которые я прежде и внимания не обращала: вот хрустнула веточка в гнезде какой-то птицы, вот переступил с ноги на ногу олень в нескольких десятках футов от меня.

Я была дома.

Лес огласил непонятный крик, чужой, не принадлежащий к этому миру. Я замерла, прислушиваясь. И вновь раздалось то же поскуливание, только на этот раз громче.

Я обогнула сосну и увидела его источник, трех волков. Среди них были белая волчица и

черный вожак; при виде волчицы под ложечкой у меня похолодело от волнения. Они вдвоем нападали на третьего волка, кудлатого молодого самца. мех у него был с каким-то сизым отливом, а лопатку пересекала жуткая затягивающаяся рана. Два других волка прижимали его к усыпанной листвою земле, демонстрируя свое превосходство; при виде меня все трое замерли. Прижатый к земле самец вывернул шею и устремил на меня молящий взгляд. Сердце у меня ухнуло куда-то вниз. Я узнала эти глаза. Я видела их в школе; я видела их в местных новостях.

— Джек? — прошептала я.

Волк издал жалобный звук. Я не могла оторваться от его глаз. Они были карие. Разве у волков бывают карие глаза? Может, и бывают. Вот только с этими глазами что-то было не так. Я смотрела в них, и в мозгу у меня неотступно билось: человек, человек, человек.

Зарывав на меня, волчица отпустила его, потом щелкнула зубами и принялась теснить его прочь. Все это время она не сводила с меня глаз, точно хотела, чтобы я попробовала ее остановить, и какой-то голосок у меня внутри подзуживал сделать это. Однако к тому времени, когда голова перестала идти кругом и я вспомнила, что в кармане джинсов у меня есть нож, волки уже превратились в три темные тени вдалеке за деревьями.

Теперь оставалось лишь гадать, померещилось мне сходство волчьих глаз с глазами Джека или нет. В конце концов, в последний раз я видела Джека живьем две недели назад, к тому же я никогда особенно к нему не приглядывалась. Моя память вполне могла сыграть со мной злую шутку. И вообще, что я напридумывала? Что он превратился в волка?

Я ахнула. Вообще-то именно так я и думала. Не могла я забыть глаза Джека. И его голос тоже. И человеческий крик, равно как и отчаянный вой, мне не слышался. Я просто знала, что это Джек, как знала, в какой стороне остался мой дом.

В животе у меня стыл тяжелый ком. Тревога. Предвкушение. Мне было известно, что Джек — не единственная тайна, которую скрывает лес.

В ту ночь я лежала в постели и из окна смотрела в ночное небо. Бесчисленные огоньки звезд жгли мое сознание, наполняли душу тоской. Я могла часами смотреть на звезды, их бескрайняя россыпь в невообразимой дали заставляла меня погружаться в ту часть меня, которую я обходила вниманием в дневное время.

Где-то далеко в лесу протяжно завыл волк, за ним еще один. Все новые и новые голоса присоединялись к этому жуткому и прекрасному хору: одни негромкие и заунывные, другие пронзительные и отрывистые. Я узнала вой моего волка; низкий и звучный, он перекрывал все остальные голоса, точно волк молил, чтобы я узнала его.

У меня защемило сердце; я разрывалась между желанием, чтобы они умолкли и чтобы этот вой звучал вечно. Я воображала себя рядом с ними там, в золотом лесу, я стояла и смотрела, как они скидывают головы и воют под бескрайним звездным небом. Я сморгнула слезинку, чувствуя себя жалкой и глупой, но уснула, лишь когда умолк последний из волков.

Глава 10

Грейс

60 °F

— Как ты думаешь, нам обязательно тащить эту книгу домой? Ну, про кишки, как там она называется? — спросила я у Оливии. — Или можно оставить ее здесь?

Оливия плечом захлопнула дверцу шкафчика; руки у нее были заняты книгами. На носу у Оливии пристроились очки на цепочке, чтобы можно было носить их на шее. Каким-то образом ее это не портило, наоборот, придавало милое сходство с библиотекаршей.

— Там нужно кучу всего читать. Я беру ее с собой.

Я полезла обратно в шкафчик за учебником. В коридоре было шумно: занятия окончились и ученики собирались расходиться по домам. Весь день я пыталась собраться с духом и рассказать Оливии о волках. Раньше я сделала бы это не задумываясь, но после того как мы с ней вчера чуть не поругались, удобный момент как-то не подворачивался. Я набрала в грудь побольше воздуха.

— Я вчера видела волков.

Оливия рассеянно проглядывала книгу, лежавшую в ее стопке на самом верху, даже не подозревая о важности моего признания.

— Каких?

— Ту противную белую волчицу, черного, и еще одного, нового.

Я поколебалась, решая, рассказывать ей или нет. Но она интересовалась волками куда больше, чем Рейчел, а я не знала, с кем еще поговорить. То, что я собиралась сказать, звучало дико даже для меня самой. Однако со вчерашнего вечера я жила в атмосфере тайны, она сковывала мне грудь и перехватывала горло.

— Оливия, я понимаю, что это звучит глупо, — выдавила я негромко. — Этот новый волк... я думаю, когда волки напали на Джека, что-то произошло.

Она вытаращилась на меня.

— На Джека Калпепера, — уточнила я.

— Я поняла.

Оливия нахмурилась, стоя перед шкафчиком.

При виде ее сведенных бровей я пожалела, что завела этот разговор.

— Мне показалось, что в лесу я видела его, — сказала я со вздохом. — Джека. В облике...

Я запнулась.

— Волка? — Оливия щелкнула каблуками — я никогда не думала, что кто-то помимо героев «Волшебника страны Оз» делает так в действительности, — и обернулась ко мне лицом, вскинув одну бровь. — Ты спятила. Ну, то есть это забавная фантазия, и я вполне понимаю, почему тебе хочется в нее верить, но ты спятила. Извини.

В коридоре стоял такой гвалт, что мне приходилось напрягать слух, чтобы услышать ее слова. Я наклонилась к ней поближе.

— Олив, я знаю, что мне это не почудилось. У него были глаза Джека. И его голос. — Разумеется, ее недоверие заронило в мою душу сомнение, но я не собиралась в этом признаваться. — Я думаю, что волки превратили его в одного из них. Постой... что ты имела

в виду? Когда сказала, что мне хочется в это верить?

Оливия ответила мне долгим взглядом, потом двинулась к нашему кабинету.

— Честное слово, Грейс, не надо думать, что я ничего не вижу.

— А что ты видишь?

— По-твоему, они все оборотни?

— Что? Вся стая? Не знаю. Я об этом не задумывалась.

Такое просто не приходило мне в голову. Должно было бы прийти, но не пришло. С ума сойти. Выходит, долгие периоды отсутствия объясняются тем, что мой волк принимает человеческий облик? Мысль об этом мгновенно стала непереносимой, так отчаянно мне захотелось, чтобы она оказалась правдой.

— Ну разумеется. Тебе не кажется, что твой сдвиг уже немного выходит за рамки нормальности, а, Грейс?

— Нет у меня никакого сдвига, — против воли ощетижилась я.

На внезапно остановившуюся посреди коридора Оливию тут же стали наталкиваться другие ученики. Некоторые отпускали раздраженные замечания.

— Да? Ты только об этом думаешь, только об этом говоришь и хочешь, чтобы и мы тоже только об этом говорили. Как, по-твоему, такое называется? Вот именно! Навязчивая идея!

— Мне просто интересно, — огрызнулась я. — Я думала, что и вам тоже.

— Мне тоже интересно. Но только этот интерес не затмевает для меня все остальное. И я не мечтаю о том, чтобы превратиться в одну из них. — Ее глаза сузились за стеклами очков. — Нам уже давно не тринадцать, только ты, похоже, до сих пор этого не поняла.

Я ничего не сказала. Ее слова показались мне чудовищно несправедливыми, но говорить ей об этом не хотелось. Мне вообще не хотелось с ней говорить. Хотелось уйти прочь и оставить ее стоять посреди коридора. Но я этого не сделала.

— Прости, что так долго докучала тебе всякой ерундой, — сказала я ровным тоном. — И как ты, бедная, столько времени выдерживала?

Оливия поморщилась.

— Серьезно, Грейс, ты только не обижайся, но с тобой в последнее время просто невозможно.

— Ну что ты, какие обиды, ты просто говоришь мне, что я сдвинулась на том, что для меня важно. Это очень... — я слишком долго подыскивала нужное слово, и это свело на нет весь эффект, — великодушно с твоей стороны. Спасибо за понимание.

— Ой, когда ты уже повзрослеешь, — бросила Оливия и, протиснувшись мимо меня, ушла.

В коридоре стало как-то слишком тихо; щеки у меня пылали. Вместо того чтобы пойти домой, я вернулась в пустой класс, плюхнулась на стул и обхватила голову руками. Я и не помню, когда мы с Оливией в последний раз ссорились. Она показывала мне все свои фотографии, изливала бесконечные жалобы на родных и на то, как все ждут от нее выдающихся достижений. Могла бы в ответ хотя бы выслушать меня.

Мои мысли были прерваны скрипом чьих-то подошв. Запах дорогих духов ударил мне в нос за миг до того, как я вскинула голову и увидела рядом с моей партой Изабел.

— Я слышала, вы вчера разговаривали с полицейским про волков, — произнесла она дружелюбно, однако выражение ее лица совершенно не вязалось с тоном. Сочувствие, которое вызвало у меня ее появление, немедленно улетучилось, стоило ей заговорить. — Очень надеюсь, что ты не полная идиотка, а просто заблуждаешься по наивности. Я

слышала, ты твердишь, что волки не доставляют никому никаких проблем. Так вот, если ты не слушаешь новости, к твоему сведению: эти твари загрызли моего брата.

— Мне очень жаль Джека, — сказала я, подавив привычное желание броситься на защиту моего волка. Мне вспомнились глаза Джека, и я на миг задумалась, что будет, если я откроюсь Изабел, но практически сразу же отмела эту идею. Если уж Оливия решила, что я чокнулась, раз верю в оборотней, Изабел, наверное, кинется звонить в психушку еще до того, как я закончу предложение.

— Заткнись, — прервала мои мысли Изабел. — Я знаю, сейчас ты начнешь доказывать мне, что волки не опасны. Так вот, это не так. И кто-то должен в конце концов положить этому конец.

В памяти у меня промелькнул тот разговор в классе про Тома Калпепера и чучела животных, и я немедленно вообразила себе моего волка, превращенного в чучело со стеклянными глазами.

— Откуда ты знаешь, что это волки? Вдруг это были... — Я запнулась. Джека убили волки, и я это знала. — Послушай, произошла ужасная трагедия. Но ведь это мог сделать кто-то один из волков. Все шансы за то, что остальная стая тут совершенно ни при...

— До чего приятно иметь дело с беспристрастным человеком, — бросила она и уставилась на меня долгим взглядом. Настолько долгим, что я задалась вопросом, о чем она думает. И тут она добавила: — Серьезно, советую тебе избавиться от своей слюнявой любви к волкам, и как можно скорее, потому что недолго еще им здесь ошиваться, хочешь ты того или нет.

— Зачем ты мне все это говоришь? — звенящим голосом спросила я.

— Противно слушать твои рассказы о том, какие они безобидные. Они загрызли моего брата. А знаешь что? Конец этому безобразию. Сегодня. — Изабел хлопнула по парте перед моим носом. — Все.

Не успела она развернуться, как я схватила ее за запястье; в руке у меня очутилась куча дорогах браслетов.

— Что ты имеешь в виду?

Изабел посмотрела на мою ладонь у себя на запястье, но руку не вырвала. Она хотела, чтобы я задала этот вопрос.

— То, что произошло с Джеком, больше не повторится. Волков уже уничтожают. Сейчас. В эту самую минуту.

Она выдернула руку из моих ослабевших пальцев и скрылась за дверью.

Какое-то время я сидела за партой с пылающими щеками, пытаюсь разложить ее слова на составляющие и вновь собрать их в единое целое, а потом вскочила с места с такой скоростью, что конспекты разлетелись в разные стороны, точно вспугнутые птицы. Я оставила их лежать на полу и бросилась к машине.

К тому моменту, когда очутилась за рулем, я совершенно запыхалась; слова Изабел продолжали звучать у меня в ушах. Я никогда не считала волков беззащитными, но едва мне представилось, на что способен захолустный прокурор и махровый эгоист вроде Тома Калпепера, подхлестываемый долго сдерживаемыми горем и яростью и вдобавок богатый и влиятельный, как я осознала угрожающую стае чудовищную опасность.

Я вставила ключ в зажигание, и машина неохотно ожила. Я смотрела на желтую вереницу школьных автобусов у обочины и стайки шумных школьников, которые все еще

толклись на тротуаре, а видела белые березы за нашим домом. Неужели волков начали отстреливать? Сейчас, в эту самую минуту?

Мне необходимо было попасть домой. Нога у меня дрогнула на педали сцепления, и двигатель заглох.

— Черт, — выругалась я и огляделась по сторонам, чтобы посмотреть, много ли народу видело, как моя машина позорно заглохла. Конечно, в последнее время, когда начал барахлить датчик температуры, машина у меня глохла на ровном месте, но обычно мне все же удавалось победить зажигание и выехать на дорогу, не подставляясь под насмешки. Я закусила губу, взяла себя в руки и завела мотор заново.

Домой из школы можно было добраться двумя путями. Один был короче, зато включал в себя несколько светофоров и знаков остановки — непреодолимых для меня сейчас, я была слишком на взводе, чтобы отвлекаться на машину. У меня не было времени стоять, выжидая разрешающего сигнала. Другой маршрут был несколько длиннее, зато знаков остановки на нем было всего два. Вдобавок он пролегал вдоль Пограничного леса, где обитали волки.

Я гнала машину вперед, а внутри у меня все ходуном ходило от напряжения. Мотор зловеще зарычал. Я взглянула на приборы: двигатель начал перегреваться. Чертова колымага! Если бы отец отвез меня в автосалон, а не продолжал кормить обещаниями!

Небо на горизонте окрасилось сверкающим багрянцем, отчего перистые облака над деревьями стали походить на кровоподтеки; стук сердца эхом отдавался в ушах, по коже разбегались колющие электрические мурашки. Каждая моя клеточка кричала: что-то не так. Я не понимала, что беспокоит меня сильнее всего: то ли нервы, от которых у меня тряслись руки, то ли желание оскалить зубы и драться.

Далеко впереди показалась вереница пикапов, припаркованных у обочины. Их аварийные огни мигали в скудеющем свете, время от времени выхватывая из полумрака ближайший к дороге кусок леса. Рядом с последним фургоном стоял человек, держа в руках что-то непонятное, что я с такого расстояния не могла распознать. К горлу снова подступила волна тошноты, я на миг отпустила педаль газа, и машина, чихнув, заглохла. Повисла зловещая тишина.

Я повернула ключ, но руки у меня тряслись, а датчик нагрева подмигивал красным индикатором, и двигатель под капотом взревел, но так и не завелся. Надо было съездить в автосалон самой. У меня ведь была отцовская чековая книжка.

Зарычав от досады, я нажала на тормоз, и машина медленно подкатилась к стоящим автомобилям. Я набрала с мобильного номер маминой студии, но никто не взял трубку; должно быть, она уже ушла на открытие галереи. Как я вернусь домой, меня не особенно волновало; здесь было не слишком далеко, можно дойти пешком. Куда больше меня беспокоили пикапы. Выходит, Изабел говорила правду.

Я выбралась на обочину и сразу же узнала парня, который стоял у пикапа. Это был офицер Кениг в штатском. Он барабанил пальцами по капоту. Когда я приблизилась, сдерживая дурноту, он вскинул глаза, и пальцы его замерли. На нем была ярко-оранжевая бейсболка; под мышкой он держал ружье.

— Неполадки с машиной? — спросил он.

За спиной у меня хлопнула дверца, и я резко обернулась. Подъехал еще один пикап, из него выскочили двое охотников в оранжевых бейсболках и двинулись вдоль обочины. Я взглянула в ту сторону, куда они направлялись, и ахнула. На обочине толклись несколько десятков охотников с ружьями; явно взбудораженные, они о чем-то негромко

переговаривались. В темнеющем за неглубокой канавой лесу тоже там и сям виднелись оранжевые бейсболки; лес просто кишел ими.

Охота началась.

Я обернулась к Кенигу и кивнула на ружье у него под мышкой.

— Это на волков?

Кениг взглянул на оружие с таким видом, как будто совершенно о нем забыл.

— Это...

В лесу у него за спиной что-то громко хлопнуло, и мы оба вздрогнули от неожиданности. Толпа на обочине дороги разразилась радостными возгласами.

— Что это было? — спросила я. Впрочем, я и сама прекрасно понимала, что это такое. Это был выстрел. В Пограничном лесу. К моему собственному удивлению, мой голос прозвучал спокойно. — Они отстреливают волков?

— При всем моем уважении, мисс, — сказал Кениг, — вам лучше посидеть в машине. Я могу отвезти вас домой, но вам придется немного подождать.

Из леса донеслись крики, потом еще один хлопок, на этот раз дальше. Господи. Волки. Мой волк. Я схватила Кенига за локоть.

— Вы должны их остановить! Там нельзя стрелять.

Кениг отступил назад и выдернул руку.

— Мисс...

Раздался новый хлопок, негромкий, ничего не значащий. Перед глазами у меня встала картина: волк, катающийся по земле с зияющей раной в боку, его стекленеющие глаза. Я не успела подумать, слова вырвались сами собой.

— У вас есть телефон. Пожалуйста, позвоните им и скажите, чтобы прекратили. Там моя подруга! Она сегодня собиралась пойти фотографировать. В лесу. Пожалуйста, позвоните им!

— Что? — ахнул Кениг. — Там кто-то есть? Вы уверены?

— Да, — сказала я, потому что была совершенно в этом уверена. — Пожалуйста. Позвоните им!

Я возблагодарила Бога за чрезмерную серьезность Кенига, поскольку выпытывать у меня дальнейшие подробности он не стал. Вытащив из кармана мобильный телефон, он быстро набрал номер и приложил телефон к уху. Брови его сошлись в напряженную прямую линию; через секунду он оторвал трубку от уха и уставился на экран.

— Прием, — пробормотал он и повторил попытку.

Я стояла у пикапа, обхватив себя руками, чтобы не дрожать от холода, и смотрела, как солнце садится за деревья и дорога погружается в сизые сумерки. Когда стемнеет, они неминуемо должны будут закончить. Но что-то подсказывало мне, что, хотя у обочины и стоит полицейский, то, чем они заняты, от этого не становится законным.

Кениг снова взглянул на телефон и покачал головой.

— Не работает. Погодите. Все будет в порядке, они осторожны, уверен, они не станут стрелять в человека. Но я пойду и предупрежу их. Только ружье отнесу в кабину. Секундочку.

Он двинулся к машине, и тут в лесу грянул еще один выстрел. В душе у меня что-то перевернулось. Я просто не могла больше ждать. Я прыжком преодолела канаву и бросилась в чащу леса, оставив Кенига позади. Он закричал что-то мне вслед, но я была уже далеко. Я должна была помешать им... предупредить моего волка... сделать хоть что-нибудь.

Я бежала, петляя между деревьями и перескакивая через буреломы, но в мозгу у меня неотступно билось: слишком поздно.

Глава 11

Сэм

50 °F

Мы бежали, молчаливые капли темной воды, продираясь сквозь колючие кусты и огибая стволы деревьев, а люди гнали нас все дальше и дальше.

Лес, который я знал, лес, который всегда защищал меня, пропитывали их резкие запахи и оглашали крики. Бурелом и кусты казались незнакомыми, я не спотыкался лишь потому, что перелетал через них — бесконечными широкими скачками, лишь на миг касаясь земли.

Я не понимал, где нахожусь, и это пугало.

Мы обменивались простыми образами на нашем безмолвном языке: темные фигуры, преследующие нас, фигуры с яркими пятнами наверху; неподвижные, холодные тела волков, запах смерти, бьющий в нос.

Громкий хлопок оглушил меня, выбил из равновесия. Сзади послышался негромкий визг. Я понял, кто это был, даже не оборачиваясь. Останавливаться времени не было, а даже если бы и было, я все равно ничем не смог бы помочь.

Новый запах ударил в ноздри: запах прели и стоялой воды. Озеро. Нас гнали к озеру. Я нарисовал в своем воображении четкий образ, и в тот же миг то же самое сделал Пол, вожак нашей стаи. Ленивая зыбь на воде, жидкие чахлые сосенки, кое-как укоренившиеся на бесплодной прибрежной почве, водная гладь, простирающаяся без конца и края в обе стороны.

Стая волков, сбившаяся на берегу. Загнанная в угол.

Нас травили. Мы бежали от них, призрачные серые тени, и падали, и драться было бесполезно.

Стая продолжала бежать к озеру.

А я остановился.

Глава 12

Грейс

49 °F

Это был совсем не тот лес, по которому я гуляла всего несколько дней тому назад, одетый в яркие краски осени. Это была непроходимая чаща, стена из тысяч темных стволов, которые в сумерках казались черными. Тогда я воображала, что меня ведет шестое чувство, но сейчас оно упорно молчало; все знакомые тропки затоптала толпа охотников в оранжевых бейсболках. Я совершенно запуталась и вынуждена была то и дело останавливаться и прислушиваться к крикам и хрусту сухих листьев под ногами охотников.

Когда я увидела вдалеке первую оранжевую бейсболку, огоньком вспыхнувшую вдали в сгущающихся сумерках, легкие у меня готовы были взорваться. Я закричала, но бейсболка даже не повернулась; ее хозяин был слишком далеко, чтобы меня услышать. Потом я увидела остальных: оранжевые точки, мелькающие там и сям между деревьев, медленно, но верно двигались в одном направлении. Производили оглушительный шум. Гнали перед собой волков.

— Стойте! — закричала я.

Я уже различала силуэт ближайшего ко мне охотника с ружьем в руках. Я устала, ноги у меня заплетались, но я все же преодолела разделявшее нас расстояние.

Он остановился и обернулся, изумленный, и стал ждать, когда я приближусь. Мне пришлось подойти практически вплотную, чтобы разглядеть его лицо; в лесу было темно, почти как ночью. Его лицо, пожилое и морщинистое, показалось мне смутно знакомым, хотя я не смогла вспомнить, где его видела. Охотник странно нахмурился; мне показалось, что вид у него виноватый, но, возможно, это была всего лишь игра моего воображения.

— Эй, что вы тут делаете?

Я заговорила и лишь тогда поняла, насколько выбилась из сил: язык отказывался мне повиноваться. Прошло несколько секунд, прежде чем я смогла перевести дух и выдать:

— Вы... должны... остановиться. Там, в лесу, моя подруга. Она собиралась фотографировать.

Он пристально посмотрел на меня, потом кивнул на почти погруженный в темноту лес.

— Сейчас?!

— Да, сейчас! — ответила я, стараясь не сорваться на крик. На поясе у него я заметила черную коробочку — портативную рацию. — Вы должны связаться с ними и сказать, чтобы они остановились. Уже почти стемнело. Они ее не увидят.

Охотник мучительно долгий миг смотрел на меня, прежде чем кивнуть. Потом протянул руку, отстегнул рацию, взял в руку и поднес ко рту. У меня было такое ощущение, что все происходит как в замедленной киносъемке.

— Скорее!

От страха у меня болезненно сжималось все внутри.

Охотник нажал на кнопку.

Внезапно где-то неподалеку раздалось несколько выстрелов подряд. Это были не те негромкие хлопки, какими они казались с дороги, а грохочущий фейерверк, который невозможно было спутать ни с чем другим. В ушах у меня зазвенело.

Я вдруг ощутила какую-то непонятную отстраненность, как будто наблюдала за всем происходящим откуда-то извне моего тела. Я чувствовала, как невеста почему ослабли и подкосились колени, как отчаянно заколотилось сердце; глаза заволокло малиновой пеленой. Все было как во сне. Как в чудовищно отчетливом предсмертном кошмаре.

Во рту у меня появился настолько убедительный металлический привкус, что я потрогала губы, ожидая ощутить под пальцами кровь. Однако крови не было. И боли тоже. Только полное отсутствие всяких чувств.

— Там, в лесу, девушка, — сказал охотник в рацию, как будто не замечал, что часть меня умирает.

Мой волк. Мой волк. Я не могла думать ни о чем, кроме его глаз.

— Эй, барышня! — Голос был более молодой, и рука, сжавшая мое плечо, была твердой. — Вы что, с ума сошли? — строго продолжал Кениг. — Тут стреляют!

Прежде чем я успела что-либо ответить, Кениг напустился на охотника.

— Я слышал выстрелы. И уверен, что и в Мерси-Фоллз все тоже их слышали. Одно дело устроить нес это, — он кивнул на ружье в руках у охотника, — И совсем другое — выставлять это напоказ.

Я попыталась вывернуться из пальцев Кенига, он автоматически усилил хватку, но отпустил меня, когда осознал, что делает.

— Я видел тебя в школе. Как тебя зовут?

— Грейс Брисбен.

Охотник нахмурился, припоминая что-то.

— Дочка Льюиса Брисбена?

Кениг покосился на него.

— Брисбены живут тут неподалеку. У опушки леса.

Охотник махнул в направлении нашего дома. За черной массой деревьев его было не различить.

Кениг немедленно ухватился за эту информацию.

— Я провожу тебя домой, а потом вернусь и выясню, что с твоей подругой. Ральф, передайте им, чтобы прекратили отстреливать этих тварей.

— Мне не нужен провожатый, — заявила я, но Кениг все равно зашагал рядом со мной, оставив Ральфа разговаривать по рации.

Как только зашло солнце, резко похолодало, и щеки у меня начало пощипывать. Я чувствовала себя заледеневшей не только снаружи, но и изнутри. Перед глазами до сих пор стояла красная пелена, в ушах звенели выстрелы.

Я всей кожей чувствовала, что мой волк был там.

На опушке леса я остановилась и посмотрела на темную террасу. Весь дом казался мрачным, необитаемым, и Кениг неуверенно предложил:

— Может, тебя нужно...

— Я доберусь сама. Спасибо.

Он переминался с ноги на ногу, пока я не очутилась во дворе, а потом я услышала, как он бросился обратно в лес. Я долго стояла в тихих сумерках, прислушиваясь к далеким голосам в лесу и шороху сухой листвы на ветру.

Стояла я так, пока до меня вдруг не начало доходить, что тишина на самом деле не тишина, и я начала различать множество звуков. Я слышала, как крадутся в лесу звери и хрусткая палая листва переворачивается под их лапами. Слышала, как вдалеке на шоссе

ревут грузовики.

И как кто-то часто и прерывисто дышит.

Я замерла. И перестала дышать сама.

Но судорожные вздохи не прекратились.

Я двинулась на этот звук, осторожно поднялась на крыльцо, болезненно морщась про себя, когда под моей тяжестью скрипела очередная ступенька.

Я почувствовала его еще до того, как увидела, и сердце у меня оглушительно заколотилось. Мой волк. Тут сработал детектор движения, и террасу залил желтый электрический свет. Он действительно оказался там: не то полусидел, не то полулежал у стеклянной задней двери.

Я нерешительно приблизилась; у меня болезненно перехватило горло. На нем не было его роскошной шкуры, и он был обнажен, но я поняла, что это МОЙ волк, еще до того, как он открыл глаза. Эти желтые глаза, такие знакомые, распахнулись при звуке моих шагов, однако он не сдвинулся с места. Всю его шею от уха до отчаянно человеческих плеч покрывало что-то красное — жестокая боевая раскраска.

Не знаю, как я поняла, что это он, но у меня не возникло ни минутного сомнения.

Оборотней не существует.

Хотя я и сказала Оливии, что видела Джека, на самом деле я в это не верила. Не верила до конца.

Порыв ветра донес до меня знакомый запах, и я опустилась на землю. Это была кровь. Я попусту тратила драгоценное время.

Я вытащила ключи и, потянувшись через него, отперла заднюю дверь. И запоздало заметила его протянутую руку, цепляющуюся за воздух. Он завалился в дверной проем, оставив на двери красный след.

— Прости, — сказала я.

Не знаю, слышал ли он меня. Я переступила через него и бросилась в кухню, на ходу включив свет. Я вытащила из ящика стопку кухонных полотенец и тут заметила на столе ключи от отцовской машины, в спешке брошенные поверх кипы рабочих бумаг. Значит, если понадобится, можно будет взять папину машину.

Я бросилась обратно к двери. Мне было страшно, что парень исчез и все это было лишь плодом моего воображения, однако он лежал на том же самом месте, на пороге, и его била крупная дрожь.

Не думая, я подхватила его под мышки и втащила в дом, чтобы можно было закрыть дверь. В свете, льющемся из кухни и освещавшем кровавый след на полу, он казался пугающе реальным.

Я быстро присела рядом с ним.

— Что случилось? — шепнула я еле слышно. Я знала ответ, но мне хотелось услышать его голос.

Костяшки его руки, зажимавшей рану в шее, побелели, между пальцев струилась ослепительная алая кровь.

— Меня подстрелили.

У меня засосало под ложечкой — не от того, что он сказал, а от голоса, которым это было сказано. Это был человеческий язык, не волчий вой, но тембр — тот самый. Это был он.

— Позволь мне взглянуть.

Мне пришлось оторвать его руки от шеи. Кровь мешала разглядеть рану, поэтому я

просто прижала к зияющей от подбородка до ключицы алой дыре полотенце. Этим мои познания по части оказания первой медицинской помощи исчерпывались.

— Держи.

Я почувствовала на себе взгляд его глаз, таких знакомых и все же еле уловимо изменившихся. В них мерцало осмысленное выражение, которого не было прежде.

— Я не хочу обратно. — В его словах прозвучала такая боль, что в мозгу у меня мгновенно всплыло воспоминание: волк, в безмолвном горе стоящий передо мной. Тело его дернулось; движение было странным, неестественным, об этом больно было даже думать. — Не давай... не давай мне превратиться.

Я принесла еще одно полотенце, побольше, и тщательно укутала парня, всего покрытого гусиной кожей. При любых других обстоятельствах его нагота смутила бы меня, но здесь, весь грязный и окровавленный, он вызывал у меня лишь огромную жалость.

— Как тебя зовут? — спросила я тихо, как будто он мог вскочить на ноги и убежать.

Он негромко простонал; рука, которой он прижимал к шее полотенце, еле заметно тряслась. Плотная ткань уже насквозь пропиталась кровью, тонкая красная струйка тянулась у него по щеке и капала на пол. Он медленно опустился на пол, прижался щекой к половицам, от его дыхания полированное дерево затуманилось.

— Сэм.

Он прикрыл глаза.

— Сэм, — повторила я. — А меня — Грейс. Я схожу заведу папину машину. Тебе нужно в больницу.

Он передернулся. Мне пришлось наклониться совсем близко к нему, чтобы расслышать, что он говорит.

— Грейс... Грейс... я...

Всего секунду я ждала, когда он закончит. Так и не дождавшись, я вскочила и схватила со стола ключи. Мне до сих пор не верилось до конца, что он не моя выдумка, моя многолетняя ожившая мечта. Впрочем, как бы там ни было, он находился рядом со мной, и я не намерена была его потерять.

Глава 13

Сэм

45 °F

Я перестал быть волком, но и Сэмом тоже пока не стал.

Я был утробой, готовой вот-вот исторгнуть на свет предвестие сознательных мыслей: промерзший лес далеко позади, девочка на качелях из старой крыши, пальцы, цепляющиеся за железную цепь. Прошлое и будущее, сплавленные воедино, снег, лето и снова снег.

Обрывки разноцветной паутины, вмерзшей в лед, невыразимая печаль.

— Сэм, — повторила девчонка. — Сэм.

Она была прошлое, настоящее и будущее в одном лице. Я хотел ответить, но был не в силах.

Глава 14

Грейс

45 °F

Глазеть на людей невежливо, но, когда глазеешь на человека под наркозом, прелесть в том, что он ни о чем не узнает. Да, по правде говоря, я и не могла перестать разглядывать Сэма. Если бы он ходил в нашу школу, его, наверное, принимали бы за эмо или за давно потерянного участника «Битлз». У него были черные взлохмаченные волосы и нос той своеобразной формы, которую никогда бы не простили девчонке. В нем не было ничего волчьего, и одновременно в каждой его черте сквозил мой волк. Даже сейчас, когда его желтые глаза были закрыты, я не могла опомниться от иррациональной радости, снова и снова повторяя про себя: это он!

— Ой, детка, ты еще здесь? Я думала, ты уже ушла.

Я обернулась; перед кроватью, раздвинув зеленые шторы, появилась широкоплечая медсестра. На груди у нее висел значок с именем «Санни».

— Я останусь, пока он не очнется.

Я вцепилась в край больничной кровати, как будто кто-то собирался меня выгнать и мне необходимо было продемонстрировать свою решимость остаться.

Санни сочувственно улыбнулась.

— Ему дали сильное снотворное, малышка. Он очнется не раньше утра.

— Значит, я останусь до утра, — улыбнулась я ей в ответ, и голос мой прозвучал твердо. Я уже просидела в больнице несколько часов, пока удаляли пулю и зашивали рану; сейчас, наверное, было уже глубоко за полночь. Я все ждала, когда меня начнет клонить в сон, но напряжение не отпускало. Каждый раз, взглядывая на него, я ощущала какой-то толчок. В голову мне пришла запоздавшая мысль, что родители не удосужились даже позвонить мне на мобильный, вернувшись с открытия маминой галереи. Они небось вообще не заметили ни окровавленного полотенца, которым я наспех затерла лужу на полу, ни того, что папиной машины нет перед домом. Хотя, возможно, они еще не вернулись. Для них полночь детское время. Санни и бровью не повела.

— Ну ладно, — сказала она. — Знаешь, он просто в рубашке родился. Пуля только слегка его задела. Ты не в курсе, зачем он это сделал?

Я нахмурилась, под ложечкой у меня засосало.

— Что «это»? Пошел в лес?

— Детка, мы с тобой обе прекрасно понимаем, что ни в каком лесу он не был.

Я вскинула бровь, дожидаясь продолжения, но его не последовало.

— Э-э... нет. Он там был. Его случайно подстрелил кто-то из охотников.

Это была чистая правда. Ну, за исключением слова «случайно». Я была совершенно уверена, что это не случайность.

Санни залилась квохчущим смехом.

— Послушай... Грейс. Ты его девушка?

Я неопределенно хмыкнула, что можно было истолковать как положительный или как отрицательный ответ — в зависимости от желания моей собеседницы.

Санни истолковала его положительно.

— Я понимаю, ты тоже замешана в эту историю, но ему действительно нужна помощь.

И тут до меня начало доходить. Я с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться.

— Вы решили, что он пытался застрелиться? Послушайте... Санни. Вы ошибаетесь.

Сестра сощурилась.

— Ты нас тут за дураков держишь? Думала, мы этого не заметим? — Она взяла безвольные руки Сэма и развернула их ладонями вверх, точно в безмолвной мольбе. Оба его запястья пересекали шрамы, следы глубоких ран, которые должны были быть смертельными.

Я смотрела на них, но они, точно слова чужого языка, ни о чем мне не говорили.

— Это случилось еще до меня, — пожала я плечами. — Говорю вам, сегодня он вовсе не пытался застрелиться. Это какой-то придурочный охотник.

— Конечно-конечно. Как скажешь. Если что-нибудь понадобится, позови.

Санни одарила меня пристальным взглядом, прежде чем уйти и оставить наедине с Сэмом.

Щеки у меня пылали, я тряхнула головой и уставилась на побелевшие от напряжения костяшки пальцев, сжимавших край кровати. Терпеть не могу этот снисходительный тон у взрослых.

Ровно через секунду после того, как Санни ушла, веки Сэма дрогнули и поднялись. Я подскочила от неожиданности, сердце у меня грохотало где-то в ушах. Я очень долго не сводила с него взгляда, прежде чем пульс у меня начал немного успокаиваться. Разум подсказывал мне, что глаза у него орехового цвета, светло-карие, но честное слово, они по-прежнему были желтые, и взгляд их определенно был устремлен на меня.

Мой голос прозвучал куда тише, чем я ожидала.

— Ты должен спать.

— Кто ты такая? — произнес он, и я уловила те самые сложные, трагические нотки, которые врезались мне в память с того раза, когда я слышала его вой. Он сощурился. — У тебя знакомый голос.

У меня защемило сердце. Мне и в голову не приходило, что он может не помнить своего существования в теле волка. Я не знала, как должно быть. Сэм протянул ко мне руку, и я машинально положила его ладонь на свою. С легкой виноватой улыбкой он поднес мою руку к носу и принюхался. Улыбка его стала шире, хотя и осталась робкой. Это было настолько восхитительно, что у меня перехватило дыхание.

— Этот запах я помню. Я тебя не узнал, ты очень изменилась. Прости. Так глупо, что я тебя не вспомнил. Мне обычно нужно пару часов, чтобы вернуться... ну, то есть моему мозгу.

Он не выпускал мою руку, а я не отбирала ее, хотя сосредоточиться, когда его кожа касалась моей, было трудно.

— Откуда вернуться?

— Оттуда, где я был...

Сэм запнулся. Он хотел, чтобы эти слова произнесла я. Как ни странно, это оказалось сложнее, чем я думала, — высказать все вслух.

— Где ты был волком, — прошептала я. — Почему ты здесь?

— Потому что меня подстрелили, — весело сказал он.

— Я имела в виду, в таком виде.

Я кивнула на его тело, такое отчетливо человеческое в дурацкой больничной пижаме.

Он захлопал глазами.

— А-а. Потому что сейчас весна. И тепло. Тепло превращает меня в меня. В Сэма.

Я наконец высвободила руку из его пальцев и закрыла глаза, пытаюсь сохранить остатки здравого рассудка. Когда я вновь открыла глаза и заговорила, то произнесла самым что ни на есть будничным тоном:

— Сейчас не весна. На дворе сентябрь.

Я не самый тонкий психолог, но мне показалось, что в глазах у него промелькнуло беспокойство, прежде чем они вновь стали непроницаемыми.

— Это не очень хорошо, — заметил он. — Могу я попросить тебя об одной услуге?

Я снова невольно закрыла глаза, потому что его голос не должен был быть мне знаком, однако же был и затрагивал во мне какие-то глубокие струны, точно так же, как и его глаза в волчьем обличье. Принять это оказалось куда сложнее, чем я себе представляла. Я открыла глаза. Он никуда не делся. Я сделала еще одну попытку закрыть глаза и снова открыть их. Он оставался все на том же месте.

Сэм рассмеялся.

— У тебя что, эпилептический припадок? Может, тебе стоит прилечь рядышком?

Я сердито взглянула на него, и он до ушей покраснел, сообразив, насколько двусмысленно прозвучали его слова. Я поспешила сгладить неловкость, ответив на его вопрос.

— Что за услуга?

— Мне... э-э... нужна какая-нибудь одежда. Я должен убраться отсюда, пока они не обнаружили, что я не обычный человек.

— Каким образом? Хвоста я у тебя не вижу.

Сэм поднял руку и затеребил повязку на шее.

— Ты с ума сошел?

Я попыталась перехватить его руку, но не успела. Он стянул бинты, и под ними обнаружилось несколько свежих швов, тонкой ниточкой пересекавших затянувшийся рубец на коже. Ни кровоточащей раны, ни каких-либо следов выстрела — лишь блестящий розовый рубец. У меня отвисла челюсть.

Сэм улыбнулся, явно довольный произведенным впечатлением.

— Ну как, ты все еще считаешь, что они ничего не заподозрят?

— Но было же столько крови...

— Угу. Пока текла кровь, кожа просто не могла затянуться. А как только рану зашили... — Он пожал плечами и сделал странный жест, как будто открывал небольшую книжку. — Загадка природы. В моем положении есть свои плюсы. — Тон его был легкомысленным, но в глазах сквозило беспокойство, он следил за мной, ожидая, как я отреагирую. Как я отнесусь к тому, что он существует.

— Дай-ка взглянуть, — сказала я. — Я просто хочу...

Я приблизилась к нему и кончиками пальцев коснулась рубца у него на шее. Прикосновение к нежной твердой коже почему-то немедленно убедило меня в том, в чем не могли до конца убедить слова. Сэм взглянул мне в лицо и отвел глаза, не понимая, куда смотреть, пока я ощупываю бугристый шрам под грубыми черными стежками. Мои пальцы чуть дольше необходимого задержались на его шее, не на шраме — на гладкой, пахнущей волком коже рядом с ним.

— Ну да. Значит, тебе нужно свалить отсюда, пока они этого не увидели. Но если ты уйдешь под расписку или просто сбежишь, тебя попытаются выследить.

Он состроил скептическую гримасу.

— Не попытаются. Решат, что я какой-нибудь маргинал, у которого нет страховки. Собственно, так и есть. Во всяком случае, что касается страховки.

Я решила пойти напролом.

— Нет, они решат, что ты сбежал, чтобы тебя не отправили к психиатру. Они считают, что ты пытался застрелиться из-за...

На лице Сэма отразилось недоумение.

Я кивнула на его запястье.

— А, из-за этого. Это не я.

Я снова нахмурилась. Мне не хотелось говорить что-нибудь вроде «Тут нечего стесняться, тебя можно понять» или «Ты можешь все мне рассказать, я не стану тебя осуждать», потому что, честное слово, чем я тогда лучше Санни, которая решила, что он пытался покончить с собой. Но такие шрамы нельзя получить, просто споткнувшись на лестнице.

Он задумчиво потер запястье большим пальцем.

— Этот оставила моя мама. А другой — отец. Я помню, как они считали, чтобы сделать это одновременно. Я до сих пор не могу спокойно смотреть на ванны.

Смысл его слов дошел до меня не сразу. Не знаю, что стало причиной: его ровный бесстрастный тон, эта сцена, которую нарисовало мое воображение, или просто потрясение, вызванное событиями этого вечера, — только голова у меня внезапно закружилась. В глазах у меня потемнело, сердце заколотилось где-то в горле, и я мешком осела на липкий линолеум.

Не знаю, сколько времени я провела в отключке, — очнулась в тот момент, когда шторка отодвинулась, и заметила, как Сэм плюхнулся обратно в кровать, поспешно прикрыв шею повязкой. Надо мной склонился медбрат, помог мне сесть.

— Тебе нехорошо?

Я упала в обморок. Ни разу в жизни не падала в обмороки. Я похлопала глазами, пока у медбрата не осталась одна голова вместо трех, покачивающихся друг рядом с другом. И тогда я принялась врать.

— Просто я вспомнила, сколько было крови, когда я его нашла... ох...

Перед глазами у меня до сих пор все плыло, так что мое «ох» прозвучало вполне убедительно.

— Не думай об этом, — велел медбрат и ласково улыбнулся.

Мне показалось, что для случайного прикосновения его рука находится подозрительно близко к моей груди, и это обстоятельство укрепило мою решимость исполнить унижительный план, который только что пришел мне в голову.

— Я... мне так неудобно вас просить, но... — пробормотала я, чувствуя, как запылали у меня щеки. Это было почти так же ужасно, как если бы то, что я собиралась произнести, было правдой. — Не найдется ли у вас во что переодеться? Я... э-э... мои штаны...

— О! — воскликнул бедный медбрат. Похоже, его смущение усугублялось недавней попыткой пофлиртовать со мной. — Да-да. Конечно. Я сейчас.

Верный своему слову, он вернулся через несколько минут со сложенным медицинским костюмом тошнотворно зеленого цвета.

— Возможно, он будет немного великоват, но там есть веревочки, которые можно... в общем, разберешься.

— Спасибо, — буркнула я. — Вы не возражаете, если я переоденусь здесь? Он все равно

сейчас ничего не видит.

Я кивнула на Сэма, который весьма убедительно притворялся спящим.

Медбрат скрылся за шторами. Сэм вновь открыл глаза, явно забавляясь.

— Ты что, сказала ему, что обмочилась? — прошептал он.

— Молчи уж, — прошипела я в ответ и запустила кулаком ему в голову. — Давай живее, пока они не обнаружили, что я их обманула. И учти: ты передо мной в большом долгу.

Он ухмыльнулся и принялся натягивать штаны под тонким больничным одеялом, потом стащил с шеи повязку и отстегнул с руки манжету для измерения давления. Избавившись от манжеты, он высвободился из больничной рубашки и влез в куртку от костюма. Монитор возмущенно запищал, по экрану поползла тонкая линия, возвещающая медперсоналу о смерти пациента.

— Пора сматываться, — сказал он и двинулся к выходу из палаты, прячась за занавесками.

Пока он озирался по сторонам, я услышала, как в занавешенный отсек ворвались медсестры.

— Ему же дали снотворное, — донесся до меня голос Санни.

Сэм схватил меня за руку — жеста естественней и придумать было нельзя — и потянул за собой в ярко освещенный коридор. Теперь, когда он был одет, да еще и в медицинский костюм, и не был весь в крови, никто и бровью не повел, когда он, миновав сестринский пост, двинулся к выходу. Все это время я чувствовала, как его волчий разум просчитывает ситуацию. Наклон его головы подсказывал мне, к чему он прислушивается, а вскинутый подбородок намекал на запахи, которые он улавливал. Проворный, несмотря на свою долговязую расхлябанную фигуру, он ловко пробирался по загроможденному коридору, пока мы не очутились в вестибюле.

Из динамиков лилась приглушенная приторная песенка в стиле кантри, перекрывая скрип подошв моих кроссовок; босые ноги Сэма ступали совершенно бесшумно. По причине позднего времени в вестибюле было безлюдно, пустовала даже стойка регистратора. Адреналин так ударил мне в голову, что, казалось, я могла бы долететь до папиной машины. Вечно прагматичный внутренний голос напомнил мне, что нужно позвонить в автосервис, чтобы мою машину отбуксировали обратно к дому. Впрочем, машина сейчас меня не слишком заботила, поскольку я не могла думать ни о чем, кроме Сэма. Мой волк оказался классным парнем, и сейчас он держал меня за руку. Жизнь удалась.

И тут я ощутила, что Сэм колеблется. Он остановился, не сводя глаз с темноты за стеклянной дверью.

— Какая температура сейчас на улице?

— Думаю, не стало сильно холоднее с тех пор, как я привезла тебя сюда. А почему.. какая тебе разница?

Сэм помрачнел.

— Температура на грани. Терпеть не могу это время года. Никогда не знаешь, кем окажешься.

Я уловила в его голосе муку.

— Превращаться больно?

Он отвел глаза.

— Сейчас я хочу быть человеком.

Я тоже этого хотела.

— Я пойду заведу машину и включу печку. Тогда ты пробудешь на холоде совсем недолго.

Вид у него был слегка растерянный.

— Но я не знаю, куда пойти.

— А где ты обычно живешь?

Я очень боялась, что он назовет какое-нибудь жалкое место вроде ночлежки для бездомных в центре города. Едва ли он жил с родителями, которые пытались перерезать ему вены.

— Бек... один из волков... когда он превращается в человека, многие наши живут у него дома, но если он сейчас волк, там, скорее всего, не работает отопление. Я могу...

Я покачала головой и отпустила его руку.

— Нет. Сейчас я схожу за машиной и отвезу тебя к себе.

Его глаза расширились.

— Но твои родители...

— Меньше знают — крепче спят, — бросила я, толкнув дверь.

В вестибюль ворвался холодный ночной воздух, и Сэм, поморщившись, отошел подальше и обхватил себя руками. Но, несмотря на то что дрожал от холода, он закусил губу и робко улыбнулся мне.

Я двинулась к темной стоянке, чувствуя себя живой, счастливой и перепуганной как никогда.

Глава 15

Грейс

43 °F

— Спишь? — прошептал Сэм еле слышно, но в темной комнате, где он был чужой, шепот показался криком.

Я передвинулась на край постели. Он лежал на полу, темный силуэт в коконе из одеял и подушек. Его присутствие, такое непривычное и чудесное, словно заполняло комнату и постоянно напоминало о себе. Мне казалось, я никогда больше не смогу заснуть.

— Нет.

— Можно задать тебе один вопрос?

— Уже задал.

Он задумался.

— Тогда можно задать тебе два вопроса?

— Уже задал.

Сэм простонал и запустил в мою сторону маленькой диванной подушкой. Она описала небольшую дугу, в лунном свете похожая на черный снаряд, и, не причинив мне никакого вреда, шлепнулась рядом с моей головой.

— Тоже мне, самая умная выискалась.

Я ухмыльнулась в темноте.

— Ну ладно, вопрос так вопрос. Что ты хотел спросить?

— Тебя укусили.

Впрочем, это не был вопрос. Через всю комнату я чувствовала его любопытство, ощущала, как напряжено его тело. Я нырнула под одеяло, скрываясь от того, что он сказал.

— Я не знаю.

Сэм чуть возвысил голос.

— Как ты можешь этого не знать?

Я пожала плечами, хотя он не мог этого увидеть.

— Я была совсем маленькая.

— И я тоже. Я понимал, что происходит. — Я ничего не ответила, и он спросил: — Ты поэтому так покорно лежала? Ты не понимала, что они собираются тебя убить?

Я смотрела на темный прямоугольник ночного неба за окном и вспоминала Сэма в волчьем обличье. Волчья стая окружала меня, скаля зубы и высунув языки, рыча и наскакивая. Один из них, с обындивевшей шерстью, щетинившейся на загривке, стоял поодаль и дрожал, глядя на меня на снегу. А я лежала под меркнувшим белым небом и не сводила с него глаз. Он был прекрасен: дикий и мрачный, с желтыми глазами, таящими в себе глубины, которых мне не дано было постичь. И запах у него был точно такой же, как и у всех остальных волков, которые меня окружали: густой, первобытный, мускусный. Даже сейчас, когда он лежал в моей комнате, я чуяла этот волчий запах, хотя на Сэме были медицинский костюм и новая кожа.

За окном завыл волк, негромко и пронзительно, за ним еще один. Ночной хор звучал все громче и громче, в нем недоставало скорбного голоса Сэма, но он все равно был великолепен. Сердце у меня защемило от непонятной тоски, а Сэм на полу негромко

заскулил. Этот рвущий душу звук, застрявший где-то посередине между миром людей и миром волков, заставил меня очнуться.

— Ты скучаешь по ним? — прошептала я.

Сэм выбрался из своей импровизированной постели и остановился у окна, обхватив себя руками, — незнакомый силуэт на темном фоне.

— Нет. Да. Не знаю. Мне от этого... тошно. Как будто я здесь чужой.

Как это знакомо. Я попыталась выдавить из себя что-то такое, что могло бы его ободрить, но так и не придумала ничего, что прозвучало бы искренне.

— Но я такой, какой есть, — с вызовом произнес он, вздернув подбородок. Не знаю, кого он хотел убедить, меня или себя.

Он стоял у окна, пока волчий вой не достиг своего крещендо, и на глазах у меня выступили слезы.

— Иди сюда, поговорим, — сказала я, чтобы отвлечься самой и отвлечь Сэма. Он обернулся, но я не могла разглядеть его лица. — На полу холодно, спину застудишь. Давай забирайся ко мне.

— А как же твои родители? — спросил он, в точности как тогда в больнице. Я совсем почти уже собралась поинтересоваться, почему они так его волнуют, как вспомнила историю, которую он рассказал мне о своих родителях, и нежные бугристые рубцы у него на запястьях.

— Ты не знаешь моих предков.

— Где они, кстати? — спросил Сэм.

— Наверное, на вечеринке по случаю открытия галереи. Моя мама художница.

— Сейчас три часа ночи, — с сомнением в голосе напомнил он.

— Забирайся давай, — громче, чем намеревалась, сказала я. — Надеюсь, ты будешь хорошо себя вести. И не вздумай отбирать у меня одеяло. — Он все еще колебался, и я попросила: — Поторопись, пока не рассвело.

Он послушно поднял с пола подушку, но перед кроватью снова замялся. В темноте я с трудом различила мрачное выражение, с которым он обзревал запретную территорию кровати. Я не знала, то ли умилиться его нежеланию разделить постель с девушкой, то ли возмутиться, что я, очевидно, кажусь ему недостаточно привлекательной, раз в ответ на мое предложение он не бросился тут же на матрас рядом со мной.

В конце концов он все же забрался в постель. Под его тяжестью кровать заскрипела, и он, поморщившись, пристроился на самом дальнем от меня краешке, даже не под одеялом. Теперь его слабый волчий запах чувствовался сильнее, и я вздохнула, до странности довольная.

Сэм тоже вздохнул.

— Спасибо, — сказал он. Довольно чопорно, учитывая, что он лежал в моей постели.

— Не за что.

На меня вдруг навалилось осознание всего происходящего. Я лежала в постели с оборотнем. И не просто с оборотнем, а с моим волком. Снова и снова я воскрешала в памяти тот миг, когда на террасе вспыхнул свет и я увидела его. Меня охватила странная смесь возбуждения и нервозности.

Сэм повернул ко мне голову, словно почувствовал мое волнение. Его глаза поблескивали в темноте как будто совсем рядом.

— Они тебя укусили. Ты должна была тоже стать оборотнем.

В моих воспоминаниях волки обступили лежащее на снегу тело, они скалили зубы и рычали, и морды у них были в крови. Один из них, Сэм, потащил тело прочь от круга волков. Он нес его на двух ногах, оставляя за собой человеческий след. Я чувствовала, что начинаю проваливаться в сон, и усилием воли заставила себя встряхнуться; не помню, ответила я Сэму или нет.

— Иногда мне жаль, что этого не случилось, — сказала я.

Он закрыл глаза, бесконечно далекий на другом конце кровати.

— Мне иногда тоже.

Глава 16

Сэм
42 °F

Проснулся я как от толчка и какое-то время лежал, хлопая глазами, и пытался сообразить, что меня разбудило. События вчерашнего вечера разом нахлынули на меня, и я понял, что разбудил меня не шум, а ощущение: ладонь, лежащая на моем локте. Грейс перевернулась во сне, и я не мог отвести глаз от ее пальцев на моей коже.

Здесь, рядом с девушкой, которая спасла мне жизнь, моя человеческая суть казалась величайшей победой.

Я повернулся на бок и стал смотреть, как она спит; спутанные волосы, падающие на лицо, колыхались от ее мерного дыхания. Во сне она казалась абсолютно уверенной в том, что ей ничто не грозит, абсолютно безмятежной, как будто мое соседство ничуть ее не беспокоило. И это тоже была крошечная победа.

Я услышал, как по дому начал ходить ее отец, и замер, готовый в любой миг соскочить с кровати, если он придет будить Грейс в школу. Сердце у меня колотилось стремительно и бесшумно. Однако он ушел на работу, благоухая лосьоном после бритья: можжевельниковый запах ударил мне в нос из-под двери. Следом за отцом собралась уходить и мать; она оглушительно гроыхала чем-то на кухне и нежным голосом чертыхнулась, прежде чем захлопнуть за собой дверь. У меня в голове не укладывалось, что ни один из них не заглянул к Грейс, чтобы убедиться, что их дочь жива и здорова, тем более что накануне они вернулись домой глубокой ночью и не видели ее. Однако дверь оставалась закрытой.

Как бы там ни было, в медицинском костюме я чувствовал себя по-дурацки, к тому же в эту ужасную погоду, какая бывает в межсезонье, толку от него все равно никакого не было, так что, пока Грейс спала, я выскользнул из комнаты; она даже не пошевелилась. Очутившись на заднем крыльце, я остановился, нерешительно глядя на серебристую от инея траву. Хотя я позаимствовал у ее отца пару резиновых сапог, холодный утренний воздух все равно пощипывал через голенища мои голые лодыжки. Меня немедленно накрыло тошнотворным предчувствием превращения.

«Сэм, — сказал я себе, надеясь, что мое тело поверит в это. — Ты — Сэм».

Мне нельзя было замерзнуть, я вернулся в дом за чем-нибудь теплым. Чертова погода. Куда подевалось лето? В захлавленном шкафу, пропахшем старьем и нафталином, я откопал ярко-голубую дутую куртку, в которой стал немедленно похож на дирижабль, и уже с большей уверенностью вышел во двор. Ножищи у отца Грейс были как у йети, так что я пошлепал в лес с грацией белого медведя, попавшего в кукольный домик.

Несмотря на холодный воздух, от которого дыхание белым облаком стыло у меня перед носом, я не мог не восхищаться лесом, одетым в насыщенные краски осени, поразительно красной и желтой листвой, яркой лазурью неба. Волком я никогда не обращал внимания на такие мелочи. Однако едва я начал пробираться к тайнику, где хранил свою одежду, как немедленно пожалел о тех возможностях, которые стали недоступны для меня в человеческом обличье. Хотя все мои чувства остались обостренными, я уже не мог отыскать по запаху многочисленные звериные тропы и почуять во влажном воздухе признаки того, что днем должно потеплеть. Обычно я слышал механическую симфонию мчащихся по шоссе

легковых автомобилей и грузовиков и мог определить размер и скорость каждой машины. Но теперь я чувствовал лишь дымный запах осени, горячей палой листвы и полумертвых деревьев и улавливал лишь низкий, еле различимый гул моторов где-то вдалеке.

В обличье волка я почуял бы приближение Шелби еще задолго до того, как она показалась мне на глаза. Сейчас же она подобралась ко мне практически вплотную, прежде чем я почувствовал чье-то приближение. Волоски на шее встали дыбом, и меня охватило тревожное ощущение, будто кто-то дышит мне в такт. Я обернулся и увидел ее; она была крупная для самки, а ее белый мех при дневном свете казался обыденно желтоватым. Похоже, она спаслась из вчерашней бойни без единой царапинки. Слегка прижав уши, она склонила голову и оглядела мой комичный наряд.

— Чшш, — произнес я вслух и протянул руку раскрытой ладонью вверх, чтобы она могла обнюхать меня. — Это я.

Она с отвращением скривилась и медленно попятилась — должно быть, учуяла исходящий от меня запах Грейс. Я тоже его чувствовал; даже сейчас от волос, соприкасавшихся с ее подушкой, и от руки там, где кожи касались ее пальцы, исходил слабый аромат мыла.

Глаза Шелби настороженно сверкнули, совсем как когда она бывала в человеческом обличье. Такие уж у нас с Шелби были отношения; даже не помню, ссорились ли мы когда-нибудь. Я, как утопающий, цеплялся за свою человеческую суть — и за свою одержимость Грейс, — тогда как Шелби, облачившись в волчью шкуру, с радостью забывала все человеческое. Разумеется, на то у нее было множество причин.

Сейчас мы с ней стояли в этом сентябрьском лесу и наблюдали друг за другом. Она повела ушами, вбирая десятки звуков, недоступных моему человеческому слуху, и ноздри ее затрепетали: она пыталась определить, где я побывал. Я поймал себя на том, что вспоминаю ощущение палой листвы под лапами и терпкий, густой, дремотный запах осеннего леса, какими воспринимал их в волчьем обличье.

Шелби заглянула мне в глаза — поступок очень человеческий, учитывая, что мой ранг в стае был очень высок и такой вызов мне бросить могли только Пол или Бек, — и мне послышался ее человеческий голос, спрашивавший, как много раз прежде: «Неужели ты не скучаешь по всему этому?»

Я закрыл глаза, отгородившись от ее горящего взгляда и от собственных воспоминаний о своей волчьей ипостаси, и стал вспоминать Грейс, оставшуюся в доме. Ничто за всю мою жизнь в волчьем обличье не могло сравниться с прикосновением руки Грейс к моей руке. Я немедленно облек эту мысль в слова, а слова сами собой сложились в стихи:

*Ты — моя смена времен года,
Ты — моя осень, зима и лето.
Весной я теряю себя с тобой,
Но как прекрасна утрата эта!*^[2]

За ту секунду, которая ушла у меня на то, чтобы сочинить эту строфу и придумать к ней музыку, Шелби бесшумно скрылась в чаще.

Ее исчезновение, такое же неслышное, как и появление, напомнило мне о том, насколько я уязвим, и я поспешно поковылял к сарайчику, где хранилась моя одежда. Много лет назад мы с Бексом по бревнышку перетащили старый сарай с его заднего двора на

небольшую полянку в чаще леса.

Внутри хранился обогреватель, лодочный аккумулятор и несколько пластмассовых контейнеров, на каждом из которых значилось чье-то имя. Я открыл контейнер с моим именем и вытащил из него набитый рюкзак. В других контейнерах хранились еда, одеяла и запасные аккумуляторы — снаряжение, позволяющее какое-то время прожить в этой хижине, пока не примут человеческий облик все остальные члены стаи, — я же хранил в своем все необходимое для побега. Все, что было в этом рюкзаке, предназначалось для того, чтобы помочь мне как можно быстрее вернуться к человеческой жизни, и вот за это Шелби и не могла меня простить.

Я торопливо натянул одну поверх другой несколько футболок с длинным рукавом и джинсы; чересчур большие сапоги, позаимствованные у отца Грейс, сменил на шерстяные носки и стоптанные кожаные ботинки, сунул в карман кошелек с заработанными за лето деньгами, а все остальное запихнул в рюкзак. Я закрывал за собой дверь, когда краешком глаза заметил промелькнувший рядом темный силуэт.

— Пол, — сказал я, но черный волк, вожак нашей стаи, уже исчез. Сомневаюсь, чтобы он вообще меня узнал: для него я теперь был всего лишь еще одним человеком в нашем лесу, несмотря на смутно знакомый запах. У меня защипало в носу. В прошлом году Пол превратился в человека только в конце августа. Может, в этом году он вообще не превращался.

Я знал, что мне самому оставалось считаное число превращений. В прошлом году я превратился в человека в июне, хотя в позапрошлом это случилось ранней весной, еще до того, как сошел снег. А в этом году? Сколько еще мне пришлось бы ждать возвращения в собственное тело, не подстрели меня Том Калпепер? Я и сам толком не понимал, каким образом это помогло мне обрести человеческий облик в такую прохладную погоду. Я помнил, как было холодно, когда надо мной склонилась Грейс с полотенцем в руках. Лета не было уже давным-давно.

Буйство осенних красок повсюду вокруг хижины показалось мне теперь издевательством — свидетельство того, что миновал целый год, а я даже не заметил. Я вдруг с внезапной ужасающей уверенностью понял, что это мой последний год.

То, что я лишь сейчас познакомился с Грейс, казалось жестокой насмешкой судьбы.

Думать об этом не хотелось. Я бегом вернулся к дому, удостоверился, что машин родителей Грейс по-прежнему нет на месте. Войдя в дом, я на миг задержался перед дверью в спальню, потом долго слонялся по кухне, заглядывая в шкафчики, хотя есть мне на самом деле не особенно хотелось.

«Признайся. Тебе просто страшно туда возвращаться».

Мне отчаянно хотелось снова ее увидеть, этот непреклонный призрак, который долгие годы не давал мне покоя в лесу. Но я боялся, что, когда я окажусь с ней лицом к лицу в беспощадном свете дня, все изменится. Или, того хуже, ничего не изменится. Вчера вечером я истекал кровью у нее на крыльце. Спасти меня мог кто угодно, не обязательно она. Сегодня же мне было нужно нечто большее. А вдруг я для нее просто жалкая ошибка природы?

«Ты мерзкая тварь. Ты отвратителен. Ты исчадие ада. Где мой сын? Что ты с ним сделал?»

Я закрыл глаза, не понимая, почему, думая о всем том, что потерял, я не вспоминал о моих родителях.

— Сэм?

Услышав собственное имя, я подскочил от неожиданности. Грейс снова позвала меня из своей комнаты, еле слышно, почти шепотом, недоумеваю, куда я мог подеваться. В голосе у нее не было страха.

Я открыл дверь и оглядел комнату. В ярком свете позднего утра стало понятно, что это комната взрослой девушки. Ни намек на розовый цвет, никаких мягких игрушек, даже если когда-то они у нее и были. Фотографии деревьев на стенах, все в строгих черных рамках. Черная мебель, прямоугольная и очень практичная на вид. Несколько полотенец, сложенных аккуратно стопочкой на комодке рядом с часами, тоже черно-белыми, в обтекаемом корпусе, и куча библиотечных книг, в большинстве своем документалистика и детективы, судя по названиям. Сложенных не то в алфавитном порядке, не то по толщине.

До меня вдруг дошло, насколько мы разные. Мне подумалось, что если бы мы с Грейс были предметами, она была бы точнейшими электронными часами, идущими по лондонскому времени, а я — стеклянным шаром со снежинками внутри, тронь — всколыхнутся непрошенные воспоминания.

Я попытался выдавить из себя что-нибудь, что не прозвучало бы как приветствие навязчивого поклонника из животного мира.

— Доброе утро, — произнес я наконец.

Грейс уселась в постели; волосы у нее с одной стороны курчавились, с другой были прямыми, в темных глазах светилась неприкрытая радость.

— Ты все еще здесь! Ой, ты успел одеться! То есть переодеться.

— Я сходил за одеждой, пока ты спала.

— А сколько сейчас времени? Ой-ой-ой. Я проспала школу.

— Сейчас одиннадцать.

Грейс охнула, потом пожала плечами.

— Представляешь, с тех пор как я перешла из начальной школы в среднюю, я ни одного урока не пропустила. В прошлом году мне даже грамоту за это дали.

Она выбралась из постели; в ярком солнечном свете я не мог не заметить, какая на ней облегающая и невыносимо сексуальная маечка. Я отвернулся.

— Знаешь, вовсе не обязательно так скромничать. Я же не голая. — Остановившись перед шкафом, она подозрительно оглянулась на меня. — Ты ведь не видел меня голой?

— Нет! — ответил я чересчур поспешно.

Она ухмыльнулась моей лжи и вытащила из шкафа джинсы.

— Что ж, если ты не планируешь увидеть это еще раз, советую отвернуться.

Я упал на кровать и уткнулся лицом в прохладные подушки, пахнувшие ею. Я слушал, как она одевается, и сердце у меня колотилось как ненормальное. Я виновато вздохнул, не в силах прикидываться дальше.

— Я не нарочно.

Заскрипели пружины матраса, и она плюхнулась рядом со мной.

— Ты всегда такой совестливый?

— Я хочу, чтобы ты считала меня приличным человеком, — буркнул я в подушку. — Если я скажу, что видел тебя голой, когда еще был волком, это не поможет мне достигнуть цели.

Она рассмеялась.

— Так уж и быть, я тебя прощаю. Сама виновата. Надо было задерживать занавески.

Повисло долгое молчание, наполненное тысячей невысказанных слов. Я чувствовал ее напряжение, мурашками разбегавшееся по коже, слышал, как часто-часто колотится у нее сердце. Так просто было преодолеть те несколько дюймов, что отделяли мои губы от ее губ. Мне показалось, что я улавливаю в ее сердцебиении призыв: «Ну давай же, поцелуй меня». Обычно я хорошо чувствую чужое настроение, но с Грейс я не мог отделить то, что, как мне казалось, она думает, от того, чего хотелось мне самому.

Она негромко прыснула; это было ужасно мило и совершенно не вязалось с моим о ней представлением.

— Я умираю с голоду, — сказала она наконец. — Пойдем поищем что-нибудь на завтрак, а то уже обед скоро.

Я выбрался из постели, Грейс — следом за мной. Я остро чувствовал ее ладони на моей спине, подталкивающие меня к выходу из комнаты. Вместе мы дошлепали до кухни. Яркий солнечный свет бил в стеклянную дверь террасы и отражался от белых столешниц и кафеля на стенах, заливая и то и другое белым сиянием. Поскольку я уже успел побывать на кухне и разведать, где что лежит, я начал выкладывать из шкафчиков продукты.

Все это время Грейс хвостом ходила за мной, то касалась моего локтя, то как бы ненароком проводила ладонью по моей спине. Краешком глаза я видел, как она жадно разглядывает меня, когда думает, что я на нее не смотрю. Все было так, как будто я никогда и не превращался в человека, а все так же следил за ней из чащи леса, а она все так же сидела на качелях и смотрела на меня с восхищением в глазах.

*В каком бы обличье я ни предстал,
Глаза не меняются никогда.
В них видно то, что таится в сердце, —
Ты моя и только моя навсегда.*

— О чем ты думаешь?

Я разбил яйцо в сковороду и налил ей стакан сока человеческими пальцами, которые внезапно стали для меня драгоценностью.

Грейс рассмеялась.

— О том, что ты готовишь мне завтрак.

Это был слишком простой ответ; я не знал, можно ли ему верить. У меня самого в голове теснилась тысяча мыслей.

— А еще о чем?

— О том, что это ужасно мило с твоей стороны. О том, что ты, надеюсь, умеешь готовить яичницу. — Тут ее взгляд на миг перепорхнул со сковороды на мои губы, и я понял, что на уме у нее отнюдь не одна яичница. Она поспешно отвернулась и опустила жалюзи, мгновенно изменив атмосферу в кухне. — Что-то свет глаза режет.

Солнечные лучи просачивались сквозь жалюзи, горизонтальными полосами прочерчивали широко расставленные карие глаза Грейс и четко обрисованную линию ее губ.

Только я снял с огня сковороду и разложил яичницу по тарелкам, как из тостера выскочил поджаренный хлеб. Я потянулся за ним одновременно с Грейс, и получился один из тех идеальных киношных моментов, когда герои случайно соприкасаются руками и всем становится понятно, что сейчас они будут целоваться. Только в нашем случае, когда я наклонился за тостом, Грейс каким-то образом оказалась в кольце моих рук, зажата между

столом и краем холодильника. Донельзя смущенный собственной неловкостью, я сообразил, что это тот самый идеальный момент, только когда увидел запрокинутую голову Грейс и ее закрытые глаза.

Я поцеловал ее. Легонько коснулся губами ее губ, ничего животного. Даже в такой миг я разобрал поцелуй по косточкам: ее возможные реакции, ее возможные интерпретации, мурашки, разбежавшиеся у меня по коже, несколько секунд, прошедшие от момента, когда я коснулся ее губ, до того, как она открыла глаза.

Грейс улыбнулась.

— И это все? — поддразнила она меня, но нежный голос не вязался с колкими словами.

Я снова нашел ее губы своими, и на сей раз поцелуй был совсем иным. Стоило ждать этого поцелуя шесть лет, чтобы ощутить сейчас, как оживают под моими губами ее губы, пахнущие апельсином и желанием. Ее пальцы пробежали по моим волосам, сомкнулись у меня на шее, такие живые и прохладные на моей разгоряченной коже. Я был как зверь, дикий и укрощенный одновременно, от меня остались одни клочья, и в то же время я никогда не был целостней. Впервые за всю свою человеческую жизнь я не пытался ни параллельно складывать слова в стихи, ни сохранить этот миг в памяти, чтобы обдумать впоследствии.

Впервые за всю свою жизнь
я находился здесь
и больше нигде.

А потом я открыл глаза, и остались лишь Грейс и я, Грейс и я — и ничего больше. Она, плотно сжимающая губы, словно пыталась сохранить мой поцелуй внутри, и я, силящийся удержать этот миг, как будто он был хрупкой птахой в моих ладонях.

Глава 17

Сэм

60 °F

Бывают дни, похожие на витражные окна, когда сотни маленьких кусочков, различающихся по цвету и настроению, собранные вместе, складываются в завершённую картину. Последние сутки были из их числа. Ночь в больнице — один участок, болезненно-зеленый и мерцающий. Темные предрассветные часы, которые я провел в постели Грейс, составляли второй, пурпурный и дымчатый. Затем морозно-голубое напоминание о моей другой жизни сегодня утром, и наконец сверкающий прозрачный участок — наш поцелуй.

На теперешнем участке мы сидели на потертом сиденье выдавшего виды «форда-бронко» на краю заброшенной, заросшей автостоянки на окраине города. Смутно начинала вырисовываться общая картина, зыбкий портрет чего-то такого, что я всегда считал для себя недоступным.

Грейс задумчиво погладила руль и обернулась ко мне.

— Давай сыграем в «Двадцать вопросов».

Я удобно устроился на пассажирском сиденье с закрытыми глазами, греясь в лучах послеполуденного солнца, бивших сквозь лобовое стекло. Мне было хорошо.

— А ты разве не собираешься посмотреть на машины? Вообще-то, когда идешь что-то покупать, не мешает для начала рассмотреть все, что предлагают. Это правило любого шопинга.

— Я в шопинге не спец, — сказала Грейс. — Обычно я вижу то, что мне нужно, и беру это.

Мне стало смешно. Я уже начинал понимать, насколько подобное заявление в духе Грейс.

Она шутливо насупилась и скрестила руки на груди.

— Вернемся к вопросам. Это даже не обсуждается.

Я оглядел площадку, чтобы убедиться, что ее владелец еще не успел отбуксировать из леса машину Грейс, — здесь, в Мерси-Фоллз, буксировкой и продажей подержанных автомобилей занималась одна и та же компания.

— Ладно. Только, чур, неудобных вопросов не задавать.

Грейс придвинулась ко мне поближе и чуть сгорбилась, застыв в позе, которая была зеркальным отражением моей собственной. Судя по всему, это и был первый вопрос: ее бедро, прижатое к моему бедру, ее плечо, соприкасающееся с моим плечом, ее туго зашнурованная кроссовка поверх моего поношенного ботинка. Сердце у меня заколотилось, дав ей ответ лучше всяких слов.

Голос Грейс прозвучал по-деловому, как будто она понятия не имела, что со мной делает.

— Я хочу узнать, из-за чего ты превращаешься в волка.

Это было просто.

— Когда температура снижается, я становлюсь волком. Пока холодно только по ночам, а днем тепло, я чувствую приближение превращения, а потом холодает окончательно, и я превращаюсь в волка до самой весны.

— И все остальные тоже?

Я кивнул.

— Чем дольше ты волк, тем теплее должно быть, чтобы ты превратился в человека. — Я немного помолчал, решая, говорить ей сейчас об этом или нет. — Никто не знает, сколько лет будет превращаться туда-сюда. Для каждого волка этот срок свой.

Грейс молча смотрела на меня — точно с таким же выражением она смотрела на меня шесть лет назад, лежа на снегу. Сейчас я мог расшифровать его не больше, чем тогда. Горло у меня перехватило в ожидании ее ответа, но, к счастью для меня, она задала следующий вопрос.

— И сколько вас таких?

Я не мог назвать ей точную цифру, потому что многие из нас больше не были людьми.

— Около двадцати.

— Чем ты питаешься?

— Крольчатами. — Она нахмурилась, и я с ухмылкой добавил: — И взрослыми кроликами тоже. Я против дискриминации кроликов по возрастному признаку!

Следующий вопрос проследовал без промедления.

— Что было у тебя на морде в тот вечер, когда ты позволил мне прикоснуться к тебе?

Голос у нее не изменился, но глаза чуть сузились, как будто она не была уверена, хочет ли узнать ответ.

Мне пришлось напрячься, чтобы вспомнить ту ночь: ее пальцы, погруженные в мой мех, ее дыхание, от которого колыхались тонкие волоски у меня на морде, приправленное чувством вины удовольствие находиться так близко к ней. Парнишка! Тот самый, которого укусили. Вот о чем она спрашивала на самом деле.

— Ты хочешь сказать, что у меня на морде была кровь?

Грейс кивнула.

Я испытал легкий укол обиды за то, что она задала этот вопрос, но не задать его она не могла. У нее были все причины не доверять мне.

— Она была не его... не того парнишки.

— Не Джека, — уточнила она.

— Не Джека, — повторил я. — Я знал о нападении, но не участвовал в нем.

Мне пришлось глубже погрузиться в собственную память, чтобы вспомнить, откуда взялась кровь у меня на морде. Мой человеческий рассудок услужливо подсовывал логичные ответы: кролик, олень, сбита машиной на шоссе мелкая живность, — и все они начинали немедленно перевешивать мои действительные волчьи воспоминания. В конце концов я извлек из глубин своей памяти настоящий ответ, хотя поводов гордиться собой он мне не давал.

— Она была кошачья. Кровь. Я поймал кота.

Грейс перевела дух.

— Ты не расстроилась, что это был кот? — спросил я.

— Тебе же нужно было что-то есть. Если это был не Джек, мне все равно, кто это, хоть валлаби, — пожала плечами она.

Однако я видел, что Джек по-прежнему занимает ее мысли. Я попытался извлечь из памяти те крохи, которые были мне известны о нападении; мне ужасно не хотелось, чтобы она плохо думала о моей стае.

— Вообще-то он сам их спровоцировал, — сказал я.

— Что-что он сделал? Ты же сказал, что тебя там не было!

Я покачал головой и попытался объяснить ей.

— Мы не можем... когда мы волки... когда мы общаемся, это обмен образами. Ничего сложного. И только на небольших расстояниях. Но если мы находимся неподалеку друг от друга, то можем передать другому волку какой-то образ. В общем, те волки, которые напали на Джека, показали мне, как это было.

— Вы умеете читать мысли друг друга? — с недоверием в голосе переспросила Грейс.

Я решительно покачал головой.

— Нет. Я... это трудно объяснить, когда я челове... когда я — это я. В общем, когда мы превращаемся в волков, наше сознание тоже изменяется. У нас нет абстрактных понятий. Речь не идет о вещах вроде времени, имен и сложных чувств. Это все исключительно для охоты или для того, чтобы предупреждать друг друга об опасности.

— И что ты видел про Джека?

Я опустил глаза. Это было очень странное ощущение — пытаться воскресить волчьи воспоминания в человеческом рассудке. Я принялся перебирать смутные образы, сохранившиеся в моей памяти, и лишь сейчас до меня дошло, что красные кляксы на волчьих шкурах были пулевыми ранами, а пятна у них на мордах — кровью Джека.

— Некоторые волки передали мне картины, как он их ранит. Из... из ружья? Видимо, у него было пневматическое ружье. Он был в красной рубахе. Волки плохо распознают цвета, но красный мы различаем.

— Но зачем ему это понадобилось?

Я покачал головой.

— Не знаю. Подобные вещи мы не обсуждаем.

Грейс молчала; наверно, все еще думала про Джека. Мы сидели в напряженной тишине, пока я не начал беспокоиться, не расстроилась ли она. И тут она произнесла:

— Значит, получить подарки на Рождество тебе не удастся.

Я смотрел на нее, не зная, что ответить. Рождество существовало где-то в другой жизни — в той, которая была у меня до волков.

Грейс уткнулась взглядом в руль.

— Просто я подумала, что на лето ты все время куда-то исчезал, и я всегда любила Рождество, потому что знала, что ты точно объявишься. В лесу. В волчьем обличье. Наверное, это потому, что зимой холодно. Но это значит, что ты никогда не получаешь подарков на Рождество.

Я покачал головой. Я превращался в волка еще даже до того, как магазины начинали украшать к праздникам.

Грейс нахмурилась.

— Ты думаешь обо мне, когда превращаешься и волка?

Когда я превращался в волка, то становился воспоминанием о человеке, способным лишь тщетно цепляться за обрывки бессмысленных слов. Мне не хотелось говорить ей правду о том, что я не мог даже удержать в памяти ее имя.

— Я думаю о том, как ты пахнешь, — сказал я то, что было правдой.

Я протянул руку и поднес к носу несколько прядей ее волос. Запах ее шампуня напомнил мне о том, как пахнет ее кожа. Я сглотнул и отпустил ее волосы.

Грейс проследила взглядом за моей рукой и тоже сглотнула. Сам собой напрашивающийся вопрос — когда я снова превращусь в волка — висел в воздухе между

нами, но ни она, ни я не произнесли его вслух. Я пока не был готов говорить об этом. При мысли о том, что я лишусь всего этого, у меня щемило сердце.

— Понятно, — произнесла она наконец и положила руку на руль. — А ты умеешь водить машину?

Я достал из кармана джинсов бумажник и протянул ей.

— Власти штата Миннесота считают, что да.

Она вытащила мое водительское удостоверение, полюбовалась им с расстояния вытянутой руки и прочитала вслух:

— Сэмюэль Рот. Надо же, они даже действующие, — добавила она с каким-то изумлением в голосе, глядя на права. — Видимо, ты все-таки настоящий.

— Ты до сих пор в этом сомневаешься? — рассмеялся я.

Вместо ответа Грейс протянула мне бумажник и спросила:

— Это твое настоящее имя? Разве тебя не считают погибшим, как Джека?

Мне не слишком хотелось об этом говорить, но я все равно ответил.

— У меня немного другой случай. Меня покусали не так сильно, и кто-то из случайных прохожих меня отбил. В отличие от Джека меня не объявляли мертвым. Так что — да, это мое настоящее имя.

Грейс задумалась; я дорого бы дал, чтобы узнать, о чем. Потом она вдруг вскинула на меня внезапно помрачневшие глаза.

— Значит, твои родители в курсе про тебя? Поэтому они и...

Она осеклась и прикрыла глаза. Горло у нее дернулось.

— После укуса тебя несколько недель колбасит, — сказал я, избавив ее от необходимости договаривать. — Видимо, действие волчьего токсина. Он изменяет твоё тело. Я все время превращался в волка и обратно, вне зависимости от того, было мне тепло или холодно. — Я помолчал; картины прошлого мелькали у меня перед глазами, точно снимки, сделанные кем-то другим. — Они решили, что в меня вселились бесы. Потом потеплело, и мне стало лучше, ну, то есть я стабилизировался, а они решили, что я исцелился. Видимо, при помощи божественного вмешательства. До зимы. Какое-то время они пытались добиться от церковников, чтобы те что-нибудь со мной сделали, а потом решили действовать самостоятельно. Теперь оба отбывают пожизненные сроки. Нас убить сложнее, чем большинство обычных людей, но они об этом не подозревали.

Лицо у Грейс стало какого-то зеленоватого цвета, костяшки на руке, которой она сжимала руль, побелели.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Прости, — сказал я совершенно искренне. — Давай поговорим о машинах. Ты уже решила, что будешь брать эту? Ну, то есть если у нее с ходовой все в порядке.

Я ничего не понимаю в машинах, но могу хотя бы соорудить из себя знатока. «Все в порядке с ходовой» — примерно в таком духе мог бы выразиться человек, который разбирается в этом вопросе.

Она ухватилась за эту тему, поглаживая руль.

— Да, она мне нравится.

— Выглядит она по-уродски, — заявил я великодушно. — Зато, судя по всему, никакой снег ей нипочем. А если ты случайно собьешь оленя, она только чихнет и поедет дальше.

— К тому же у нее очень милое переднее сиденье, — подхватила Грейс. — То есть я могу просто... — Грейс придвинулась ко мне, легонько опершись ладонью на мое бедро, и

очутилась от меня на расстоянии дюйма, так близко, что я ощутил на губах ее дыхание. Так близко, что я почувствовал: она ждет, чтобы я тоже придвинулся к ней.

Перед глазами у меня промелькнула картина: Грейс у себя на заднем дворе, с протянутой рукой, подманивает меня к себе. Тогда я не мог подойти. Я находился в ином мире, в мире, который требовал от меня держать дистанцию. Теперь я против воли задался вопросом: а может, я до сих пор живу в этом мире, связанный по рукам и ногам его правилами? А человеческий облик — лишь насмешка, дразнящая меня надеждой на богатства, которые рассыплются в прах при первом же заморозке?

Я отодвинулся от нее и отвел взгляд, чтобы не видеть ее разочарования. В машине повисло гнетущее молчание.

— Расскажи, что было после того, как тебя укусили, — попросил я, чтобы что-то сказать. — Тебе было плохо?

Грейс со вздохом откинулась на спинку сиденья. Сколько же раз я ее разочаровывал?

— Не знаю. Это все было так давно. Да... наверное. Я помню, что сразу же заболела гриппом.

После того как меня укусили, я тоже думал, что у меня грипп. Я чувствовал слабость, меня бросало то в жар, то в холод, к горлу то и дело подкатывала тошнота, все тело ломило.

Грейс пожала плечами.

— В тот же год меня забыли в машине. Это случилось через месяц или два после нападения волков. Была весна, но стояла ужасная жара. Папа поехал куда-то по делам и взял меня с собой, потому что я была слишком маленькая, чтобы оставить меня дома.

Она покосилась на меня, проверяя, слушаю я или нет. Я слушал.

— В общем, я только что переболела гриппом, и меня все время одолевала сонливость. По пути домой меня сморило на заднем сиденье... а очнулась я в больнице. Видимо, папа приехал домой, выгрузил покупки, а про меня забыл. Оставил меня в запертой машине. Говорили, что я пыталась выбраться, но я этого совсем не помню. Я вообще ничего не помню до того, как пришла в себя в больнице. Медсестра как раз говорила, что тот день в Мерси-Фоллз была зарегистрирована рекордная для мая жара за все время наблюдений за погодой. Врач сказал папе, что от такого перегрева я неминуемо должна была умереть, так что я родилась в рубашке. Ну, как тебе мои родители?

Я покачал головой, не веря своим ушам. На миг воцарилось молчание, я заметил промелькнувшую в ее глазах боль и вспомнил, как несколько минут назад искренне жалел, что так и не решился ее поцеловать. Мне пришла в голову мысль попросить ее уточнить, что она имела в виду, когда сказала, что ей нравится переднее сиденье, но я не мог заставить себя произнести эти слова вслух, поэтому лишь молча взял ее за руку и принялся водить пальцем по ладони, по ее складочкам и линиям, всей кожей впитывая ощущения от прикосновений.

Грейс еле слышно вздохнула и закрыла глаза, а мои пальцы продолжили кружить по ее ладони. Это каким-то образом оказалось даже почти лучше, чем целоваться.

Кто-то побарабанил по стеклу с моей стороны машины, и мы отпрянули друг от друга. Перед машиной стоял водитель эвакуатора, он же владелец стоянки, и таращился на нас.

— Ну как, вы сделали свой выбор? — послышался его приглушенный стеклом голос.

Грейс протянула руку и опустила стекло.

— Окончательно и бесповоротно, — ответила она ему, но ее пристальный взгляд был устремлен на меня.

Глава 18

Грейс

38 °F

В тот вечер Сэм снова остался в моей постели, целомудренно притулившись на самом дальнем краешке матраса, однако за ночь наши тела каким-то образом перекочевали друг к другу. Рано утром, задолго до рассвета, я на миг вынырнула из сна и обнаружила, что прижимаюсь к спине Сэма, сложив руки на груди, как мумия. В бледном свете луны смутно угадывался темный силуэт его плеча, и что-то в его очертаниях, во всей его позе вдруг всколыхнуло во мне острую, нестерпимую нежность. Он был такой теплый и так хорошо пах — волком, деревьями, домом, — что я уткнулась лицом в его плечо и снова закрыла глаза. Он негромко что-то пробормотал во сне и чуть пошевелился, крепче прижимаясь ко мне.

Когда я совсем уже засыпала, убаюканная его мерным дыханием, в мозгу у меня ослепительной молнией промелькнула мысль: «Я не смогу без всего этого жить».

Должен быть способ что-то сделать.

Глава 19

Грейс

72 °F

Следующий день выдался не по сезону погожим, жаль было тратить его на учебу, но я не могла два дня подряд прогуливать занятия без веской причины. Отстать я не опасалась, просто когда довольно долго учишься без единого пропуска, твое отсутствие невольно начинает бросаться людям в глаза. Рейчел и так уже дважды мне звонила и оставила на автоответчике злое «Ты выбрала неудачный день, чтобы прогуливать занятия, Грейс Брисбен!». Оливия же ни разу не позвонила с нашей стычки в школьном коридоре, поэтому я решила, что она со мной больше не разговаривает.

Пока Сэм вез меня в школу на «бронко», я торопливо заканчивала домашнее задание по английскому, которое не сделала накануне. Как только он затормозил, я распахнула дверцу, и в салон ворвался не по-осеннему теплый воздух. Сэм подставил лицо ему навстречу и блаженно зажмурился.

— Люблю такую погоду. Чувствую себя собой.

Я смотрела, как он нежится на солнышке, и мне казалось, что зима где-то далеко-далеко, и мысль о том, что он покинет меня, не укладывалась в голову. Мне хотелось запечатлеть в памяти его горбоносый профиль, чтобы потом воскрешать его в своих грезах. Меня вдруг вопреки всякой логике кольнула совесть за то, что чувства к Сэму потихоньку вытесняют то, что я испытывала к моему волку, — но тут я вспомнила, что он и есть мой волк. И снова при мысли о том, что он существует, меня охватило странное ощущение, как будто земля уходит у меня из-под ног, однако на смену ему немедленно пришло облегчение. Мое наваждение стало таким... таким простым. Надо было только придумать, как объяснить друзьям, откуда взялся мой новый парень.

— Мне пора идти, — сказала я. — До чего же не хочется.

Сэм открыл глаза и повернулся ко мне.

— Когда ты вернешься, я буду здесь, обещаю. Ты не позволишь мне воспользоваться твоей машиной? — добавил он очень чопорно. — Хочу съездить посмотреть, Бек еще человек или уже нет, а если нет, что у него дома с отоплением.

Я кивнула, надеясь про себя, что отопление дома у Бека не работает. Мне нужно было, чтобы Сэм вернулся в мою постель, только так я могла быть уверена, что он не растает, как сон. Я выбралась из машины, волоча за собой рюкзак.

— Смотри только не гони, а не то оштрафуют.

Я обогнула машину, и тут Сэм опустил стекло.

— Эй!

— Что?

— Иди сюда, Грейс, — робко сказал он.

Он с таким выражением произнес мое имя, что я улыбнулась и вернулась обратно, а когда поняла, что у него на уме, то заулыбалась еще шире. Его осторожный поцелуй не обманул меня; как только я чуть приоткрыла губы, он со вздохом отстранился.

— Ты в школу опоздаешь.

Я ухмыльнулась. Я была на седьмом небе от блаженства.

— К трем вернешься?

— Обязательно.

Я смотрела ему вслед, пока он не выехал со стоянки, и предстоящий школьный день уже казался мне нескончаемым.

Кто-то хлопнул меня по плечу тетрадью.

— Что это было?

Обернувшись, я увидела Рейчел и попыталась выдумать что-нибудь попроще, чем правда.

— Моя тачка?

Рейчел не стала углубляться в этот вопрос главным образом потому, что мысли ее явно были заняты чем-то иным. Она подхватила меня под локоть и потащила к школе. Нет, определенно мне полагалась какая-то награда от мироздания за то, что в такой день я отправилась в школу. Рейчел подергала меня за руку, чтобы привлечь внимание.

— Грейс. Хватит витать в облаках. Вчера перед школой видели волка. На парковке. Уроки как раз закончились, так что его видели все.

— Что?! — Я оглянулась назад, пытаюсь представить себе волка среди машин. Редкие сосны, окаймлявшие парковочную площадку, не соединялись с Пограничным лесом; чтобы добраться до площадки, волку необходимо было преодолеть несколько улиц и дворов. — Как он выглядел?

Рейчел как-то странно на меня посмотрела.

— Волк?

Я кивнула.

— Обыкновенно. Серый такой. — Я метнула на Рейчел испепеляющий взгляд, и она пожала плечами. — Не знаю я, Грейс. Сизый. С драным загривком. Ужасно грязный.

Значит, это был Джек. Больше некому.

— Представляю, какой переполох поднялся, — заметила я.

— Да, жаль, тебя тут не было, любительница волков. Нет, правда. Слава богу, никто не пострадал, но Оливия перепсиховала. Да вся школа перепсиховала. Изабел билась в истерике и вообще устроила сцену. — Рейчел сжала мой локоть. — Кстати, почему ты не отвечала на мои звонки?

Мы вошли в школу; двери были распахнуты, чтобы впустить в помещение теплый воздух.

— Аккумулятор сдох.

Рейчел состроила гримаску и возвысила голос, чтобы перекрыть шум в школьном коридоре.

— Ты что, заболела? Вот уж не думала, что доживу до дня, когда ты не явишься в школу. Мало того что по парковке бродят дикие звери, так еще и ты не пришла на занятия. Я уж решила, что наступил конец света. Стала ждать, когда небо обрушится на землю.

— Да, похоже, вирус какой-то подхватила, — отозвалась я.

— Э-э... а ну, не дыши на меня!

Однако вместо того чтобы отодвинуться, Рейчел с усмешкой ткнула меня локтем. Я рассмеялась, отпихнула ее и тут увидела Изабел Калпепер. Улыбка сползла у меня с лица. Сестра Джека стояла, привалившись к стене у питьевого фонтанчика и сгорбившись. Сначала я решила, что она разглядывает что-то у себя на мобильнике, но потом до меня дошло, что в руках у нее ничего нет и она смотрит в пол. Если бы она вечно не строила из

себя Снежную королеву, я подумала бы, что она плачет. Я заколебалась, решая, подойти к ней или нет.

Точно прочитав мои мысли, Изабел вскинула голову и взглянула на меня. В ее глазах, так похожих на глаза Джека, явственно читался вызов: ну, что пялишься?

Я поспешно отвела глаза и пошла дальше с Рейчел, но неприятное чувство недоговоренности осталось.

Глава 20

Сэм

39 °F

В ту ночь, в постели с Грейс, я лежал без сна, взбудораженный новостью о появлении у школы Джека, и смотрел в темноту, единственным светлым пятном в которой был зыбкий ореол ее волос на подушке. Я думал о волках, которые вели себя не как волки. И о Кристе Болманн.

Я давным-давно и думать забыл про Кристу, но когда Грейс, хмурясь, рассказала мне про то, что Джека видели там, куда соваться ему не следовало, на меня нахлынули воспоминания.

Мне вспомнилось, как в последний день, когда я ее видел, Криста с Бекон ругались на кухне, в гостиной, в передней, снова на кухне, рыча и крича друг на друга, точно сцепившиеся волки. Мне тогда было лет восемь, и Бек казался мне великаном — разгневанным божеством, едва сдерживающим свою ярость. Они кружили по дому, он и Криста, крупная молодая женщина с лицом, пятнистым от злости.

«Ты убила двух человек, Криста. Когда ты намерена взглянуть правде в глаза?»

«Убила? Убила? — Ее пронзительный голос напоминал скрип ногтей по стеклу. — А как же я? Взгляни на меня. Моя жизнь кончена».

«Ничего она не кончена, — отрезал Бек. — Ты дышишь? У тебя бьется сердце? А вот про двух твоих жертв того же не скажешь».

Помню, как я сжался, услышав ответ Кристи — хриплый, практически нечленораздельный крик.

«Это не жизнь!»

Бек принялся возмущаться ее себялюбием и безответственностью, а она ответила ему такой отборной бранью, что я оторопел; таких слов я никогда прежде не слышал.

«А тот парень в подвале? — рявкнул Бек. Из своего укрытия в передней я видел лишь его спину. — Ты укусила его, Криста. Ты сломала ему жизнь. И убила еще двоих. Просто потому, что они тебя оскорбили. Я не вижу, чтобы ты раскаивалась. Мне нужны гарантии, что такого не повторится».

«А почему я должна что-то тебе гарантировать? Я от тебя хоть раз что-нибудь получила? — оскалилась Криста. Плечи у нее ходили ходуном. — Вы называете себя стаей? Вы — шайка. Убожество. Секта. Я буду делать то, что захочу. И вести себя так, как хочу».

Голос Бека был пугающе спокоен. Помню, мне вдруг стало очень жалко Кристу, потому что обычно Бек начинал говорить спокойным тоном, когда был вне себя от ярости.

«Дай слово, что это больше не повторится».

Она в упор взглянула на меня — вернее, даже не на меня. Сквозь меня. Ее мысли блуждали где-то очень далеко, в стороне от реальности, в которой ее тело изменяло форму. На лбу у нее вздулась вена, ногти превратились в когти.

«Я ничего тебе не должна. Катись к черту!»

«Убирайся из моего дома», — негромко произнес Бек.

Криста так и сделала. Она изо всех сил хлопнула стеклянной дверью; в кухне задребезжала посуда. Несколько секунд спустя дверь открылась и закрылась снова, на этот

раз куда тише: Бек двинулся за ней.

Помнится, тогда уже было достаточно холодно, и я боялся, что Бек превратится в волка на всю зиму, а я останусь один в доме. Страх заставил меня проскользнуть из передней в гостиную, и в этот миг раздался громкий хлопок.

В дом, дрожа от холода и страха превратиться в волка, тихо вернулся Бек и осторожно, точно стеклянное, положил на стол ружье. И тут он увидел меня. Я стоял в гостиной, обхватив себя руками.

В ушах у меня до сих пор звучал его голос, когда он произнес: «Не трогай это, Сэм».

Голос был глухой. Вымученный. Он ушел к себе в кабинет и до вечера просидел за столом, положив голову на руки. Когда стемнело, они с Ульриком отправились на улицу, о чем-то вполголоса приглушенно переговариваясь; в окно я видел, как Ульрик отправился в гараж за лопатой.

И вот теперь я лежал в постели с Грейс, а где-то там, на улице, бродил Джек. Из вспыльчивых людей не выходит хороших оборотней.

Пока Грейс была в школе, я съездил к Беку. Перед домом не было машины, и в окнах не горел свет; у меня не хватило духу зайти внутрь и посмотреть, давно ли он пустует. В отсутствие Бека, который всегда обеспечивал безопасность стаи, кто мог держать Джека в узде?

У меня перехватило горло от непрошеного чувства ответственности. У Бека был сотовый телефон, но я не смог вспомнить номер, как ни напрягал память. Я уткнулся лицом в подушку и взмолился про себя, чтобы Джек никого не покусал, потому что боялся, что, если он станет угрозой, у меня не хватит духу сделать то, что нужно.

Глава 21

Сэм

57 °F

Когда на следующее утро зазвонил будильник, который Грейс завела на без четверти семь, чтобы не опоздать в школу, я мгновенно подскочил на постели, как и накануне, разбуженный его мерзким электронным писком. В голове у меня перепутались обрывки снов: волки, люди, окровавленные челюсти.

Грейс безмятежно промычала что-то нечленораздельное и по шее натянула на себя одеяло.

— Отключи его, ладно? Я сейчас встану. Еще секундочку.

Она перевернулась на другой бок, так что из-под одеяла осталась торчать лишь ее макушка, и преспокойно продолжила спать, как будто приросла к матрасу.

Ну вот. Я проснулся, а она нет.

Я прислонился к спинке кровати и замер, наслаждаясь тем, что она, такая сонная и теплая, лежит рядом. Я осторожно погладил ее по волосам, начиная от лба, вокруг уха и заканчивая основанием длинной шеи, где волосы походили не на волосы, а скорее на младенческий пух, торчащий в разные стороны. Этот мягкий пушок, которому еще только предстояло превратиться в волосы, заворачивал меня. Ужасно хотелось наклониться и легонько, совсем легонько куснуть ее за шею, чтобы она проснулась и можно было ее поцеловать, и тогда она опоздала бы в школу, но из головы у меня не шли Джек с Кристой и остальные люди, из которых вышли плохие оборотни. Интересно, если я пойду к школе, получится у меня выследить Джека с моим ослабшим нюхом?

— Грейс, — прошептал я. — Просыпайся.

Она негромко засопела, что, видимо, можно было истолковать как «отвяжись».

— Пора вставать, — повторил я и пальцем пощекотал ее за ухом.

Грейс взвизгнула и шлепнула меня по руке. Проснулась.

Наше совместное утреннее времяпрепровождение уже становилось уютно привычным. Пока сонная Грейс ходила в душ, я засунул в тостер по рогалику для каждого из нас и с горем пополам запустил кофеварку, а сам вернулся в спальню. Слушая, как Грейс фальшиво поет в душе, я натянул джинсы и принялся рыться в комод в поисках не слишком девчачьих носков, которые можно было бы позаимствовать.

И тут я непроизвольно ахнул. Под аккуратно сложенными носками лежали фотографии. Снимки волков. Нас. Я осторожно вытащил из ящика всю пачку и вернулся к кровати. Спинай повернувшись к двери, как будто был занят чем-то предосудительным, я дрожащими пальцами принялся перебирать фотографии. Видеть их глазами человека было странно. Кое-кого из них я даже мог соотнести с их человеческими именами: тех, что были постарше, они всегда превращались раньше меня. Бек, крупный, крепкий, серо-сизый. Пол, черный и аккуратный. Серый с буроватым отливом Ульрик. Корноухий Салем с вечно слезящимся глазом. Я вздохнул, хотя и сам не понимал почему.

Дверь у меня за спиной распахнулась, впусив в комнату клубы пара, пахнущего мылом Грейс. Вошла и сама Грейс, она положила голову мне на плечо, и я ощутил ее запах.

— Что, себя разглядываешь? — спросила она.

Мои пальцы, перебирающие фотографии, застыли.

— А что, я тут тоже есть?

Грейс обошла кровать и присела лицом ко мне.

— Ну конечно. Тут в основном ты и есть. Неужели не узнал? Ох. Ну конечно, ты и не мог. Расскажи мне, кто есть кто.

Я принялся медленно проглядывать снимки по второму разу. Грейс перебралась поближе ко мне; кровать заскрипела под тяжестью ее тела.

— Это Бек. Он всегда заботился о новых волках. — Впрочем, после меня свежеиспеченных волков в стае было всего двое: Криста и тот волк, которого она инициировала, Дерек. И вообще, я не привык к новичкам младше меня: обычно стая разрасталась за счет других, более старших волков, которые сами находили нас, а не благодаря варварски инициированным новообращенным вроде Джека. — Бек мне как отец.

Мне самому странно было слышать из собственных уст такие слова, несмотря на то, что это была чистая правда. Прежде у меня не было необходимости никому ничего объяснять. Бек взял меня под крылышко, когда я сбежал из дома, и по кусочкам заново собрал мою искалеченную психику.

— Я понимаю, что ты к нему испытываешь, — сказала Грейс, изумляясь собственной интуиции. — У тебя даже голос меняется, когда ты о нем говоришь.

— Правда? — Теперь настала моя очередь изумляться. — И как же?

Она пожала плечами; вид у нее стал слегка смущенный.

— Не знаю. Ты говоришь о нем как-то... с гордостью, что ли. Мне кажется, это очень трогательно. А это кто?

— Шелби, — ответил я без намека на гордость в голосе. — Я тебе о ней рассказывал.

Грейс пристально следила за моим лицом.

При воспоминании о нашей с Шелби последней встрече под ложечкой у меня неприятно засосало.

— Мы с ней по-разному смотрим на вещи. Она считает, что быть волком — подарок судьбы.

Грейс молча кивнула, я был ей очень благодарен, что она не стала углубляться в эту тему.

Следующие несколько фотографий, на которых были сняты Шелби и Бек, я проглядел мельком; потом дошел до фотографии с черным силуэтом Пола.

— А это Пол. Он наш вожак, когда мы волки. Рядом с ним — Ульрик. — Я указал на серого с буроватым отливом волка рядом с Полом. — Ульрик — что-то вроде чудаковатого дядюшки. Он немец. Любит сквернословить.

— Здорово.

— Он прикольный.

Вообще-то следовало сказать «он был прикольный». Я не знал точно, был ли это последний его год или в запасе у него оставалось еще одно лето. Мне вспомнился его смех, похожий на карканье стаи вспугнутых ворон, и то, как упорно он цеплялся за свой немецкий акцент, как будто боялся, что без него перестанет быть Ульриком.

— Тебе нехорошо? — испугалась Грейс.

Я покачал головой, глядя на волков на фотографиях; с точки зрения человека, они казались самыми обычными животными. Моя семья. Я. Мое будущее. Эти фотографии каким-то образом размыли ту грань, которую я пока что не готов был переступить.

Грейс обняла меня за плечи, прижалась щекой, пытаясь утешить, хотя, наверное, даже не понимала, что меня тревожит.

— Как бы мне хотелось, — сказал я, — чтобы ты могла познакомиться с ними в их человеческом облике.

Я не знал, как объяснить ей, какое огромное место они занимают в моей жизни, их голоса и лица в человеческом облике, их запахи и силуэты — в волчьем. Каким потерянным чувствовал я себя сейчас, единственный из всех в человеческой шкуре.

— Расскажи мне о них, — попросила Грейс; она стояла, уткнувшись лицом в мое плечо, и голос ее прозвучал глухо.

Я погрузился в воспоминания.

— Когда мне было восемь, Бек стал учить меня охотиться. Я ненавидел это занятие.

Мне вспомнилось, как я стоял в гостиной у Бека и смотрел на первые обледенелые сучья, блестящие и переливающиеся на утреннем солнце. Двор казался мне чужой планетой, полной опасностей.

— Почему? — спросила Грейс.

— Я не любил вида крови. Мне не нравилось обижать других. Мне было восемь.

В моих воспоминаниях я был маленький, жилистый, простодушный. Все предыдущее лето я наивно полагал, что этой зимой, с Беком, все будет по-другому, что я не превращусь в волка и буду до скончания века питаться яйцами, которые варил мне Бек. Но когда ночи стали холоднее и даже после самой короткой вылазки на улицу мышцы у меня сводила дрожь, я понял, что очень скоро превращение неизбежно произойдет, да и Бек будет варить мне яйца немногим дольше. Но это не означало, что такая перспектива вызывала у меня радость.

— Но зачем надо было охотиться? — спросила Грейс со своей всегдашней логикой. — Почему нельзя было оставить себе еду на улице?

— Ха. Я задал Беку тот же самый вопрос, и Ульрик сказал: «Я, и енотам с опоссумами тоже?»

Грейс рассмеялась; моя жалкая пародия на немецкий акцент ужасно ей понравилась.

Моим щекам стало тепло; до чего же здорово было разговаривать с ней про стаю. Мне нравилось, как горят у нее глаза, как подрагивает от любопытства уголок ее губ: она знала, кто я такой, и хотела знать больше. Но это не значило, что я имею право все рассказать ей, ведь она не была одной из нас. Бек всегда повторял: «Единственные люди, которых мы должны защищать, это мы сами». Но Бек не знал Грейс. А Грейс была не просто человеком. Может, она не стала оборотнем, но ее укусили. В душе она была волчицей. Не могла не быть.

— И что произошло? — подстегнула меня Грейс. — На кого ты охотился?

— На кроликов, разумеется, — ответил я. — Бек повел меня в лес, а Пол ждал в фургоне, чтобы забрать потом, если я буду нестабилен и превращусь обратно в человека.

Я не мог забыть, как Бек остановил меня перед дверью и, наклонившись, заглянул мне в лицо. Я стоял неподвижно, изо всех сил стараясь не думать о превращении и о том, как будет хрустеть кроличья шея у меня на зубах. О том, что придется прощаться с Беком на зиму. Он взял меня за худое плечико и сказал: «Прости, Сэм. Не бойся».

Я ничего не ответил, потому что думал, что на улице холодно и Бек после охоты не превратится обратно в человека, так что не останется больше никого, кто знает, как правильно варить мне яйца. Бек отменно варил яйца. Но самое главное, благодаря Беку я остался Сэмом. Когда шрамы у меня на запястьях едва успели затянуться, я был опасно

близок к превращению в нечто такое, что не было ни человеком, ни волком.

— О чем ты задумался? — спросила Грейс. — Ты замолчал.

Я вскинул глаза; я и сам не заметил, как отвел от нее взгляд.

— О превращении.

Подбородок Грейс уперся в мое плечо; она глянула мне в лицо, голос ее прозвучал нерешительно. Грейс задала вопрос, который уже задавала прежде:

— Это больно?

В памяти у меня прокрутился медленный, мучительный процесс превращения, когда корежались мышцы, лопается кожа, трещат кости. Взрослые всегда старались скрыть свои превращения от меня, пытаюсь уберечь от потрясения. Но не зрелище их преображения пугало меня — оно вызывало у меня одну только жалость, потому что даже Бек стонал от боли. Меня приводила в ужас мысль о том, что я изменюсь сам. Перестану быть Сэмом.

Я не умею врать, так что не стал и пытаться.

— Да, больно.

— Мне грустно думать, что тебе в детстве пришлось столько всего перенести, — сказала Грейс. Брови у нее изломились, глаза подозрительно блестели. — Мне ужасно тебя жалко. Бедный Сэм.

Она коснулась моего подбородка пальцем, и я прижался щекой к ее ладони.

Помню, я был страшно горд, что не кричал, когда превращался в волка на этот раз, в отличие от прошлого, когда я был младше и родители смотрели на меня круглыми от ужаса глазами. Помню, как Бек, уже волк, скачками повел меня в чащу, помню теплый, терпкий вкус моей первой крови. Я превратился обратно в человека после того, как Пол, закутанный в пальто и шляпу, забрал меня. Уже на обратном пути домой, в фургоне, меня настигло ужасающее ощущение одиночества. Я остался один; в том году Бек не собирался больше превращаться в человека.

И теперь я вновь стал тем восьмилетним мальчиком, одиноким и истерзанным. В груди у меня защемило, внезапно кончился воздух.

— Покажи мне, как я выгляжу, — попросил я Грейс, протягивая ей фотографии. — Пожалуйста.

Она забрала у меня пачку снимков и принялась сосредоточенно перебирать их в поисках какого-то; внезапно лицо ее просияло.

— Вот. Моя любимая.

Я взглянул на фотографию, которую она мне протянула. На меня смотрел волк с моими глазами, он настороженно выглядывал из чащи, и мех его вылачивал солнечный свет. Я смотрел и смотрел, пытаюсь найти в своей душе какой-то отклик. Ожидая, когда что-нибудь шелохнется в памяти. Несправедливо, что всех остальных волков я узнал на фотографиях, а сам для себя остался чужим. Что такого было в этом снимке, в этом волке, от чего у Грейс так засияли глаза?

А вдруг это был не я? Вдруг она влюбилась в какого-то другого волка и приняла меня за него? Откуда мне знать?

Грейс не подозревала о моих сомнениях и приняла мое молчание за восхищение. Она спустила ноги на пол и встала лицом ко мне, потом провела рукой по моим волосам и, поднеся ладонь к носу, с силой втянула в себя воздух.

— Знаешь, ты до сих пор пахнешь так же, как в волчьем обличье.

Сама того не ведая, она сказала, пожалуй, ту единственную вещь, которая способна

была заставить меня приободриться. Я протянул ей снимок.

Грейс остановилась на пороге, серый силуэт в тусклом утреннем свете, и так посмотрела на меня: на мои глаза, мой рот, мои руки — что внутри у меня что-то мучительно сжалось и лопнуло.

Я считал, что я чужой здесь, в ее мире, мальчишка, застрявший между двумя жизнями и несущий с собой все опасности волчьего мира, но когда она произнесла мое имя, явно ожидая, что я пойду за ней, понял, что отдам все на свете, лишь бы остаться с Грейс.

Высадив Грейс, я слишком долго кружил по парковке, злясь на Джека, на дождь, на ограниченные возможности моего человеческого тела. Я догадывался, что здесь побывал волк, чуял его еле уловимый мускусный запах, но не мог ни определить направление, ни сказать точно, Джек это или нет. Я словно лишился зрения.

В конце концов я плюнул на все и, посидев в машине несколько минут, решил двинуть к дому Бека. Никаких других мыслей по поводу того, откуда начать поиски Джека, у меня все равно не было, а в лесу за домом ожидать встречи с волками было логично. Так что я направился обратно к моему старому летнему жилищу.

Я не знал, принимал ли в этом году вообще Бек человеческий облик, да и свои собственные летние месяцы помнил совсем смутно. Воспоминания сливались друг с другом, превращаясь в мешанину времен года и запахов, источники которых я не помнил.

Бек пробыл оборотнем дольше, чем я, поэтому казалось маловероятным, чтобы он превращался в этом году в человека, если не превращался даже я. Однако у меня было такое чувство, что превращений мне было отпущено больше, чем я уже израсходовал. Не так уж долго я был оборотнем. Куда же тогда подевались мои лета?

Мне нужен был Бек. Я нуждался в его руководстве. Я должен был узнать, отчего попавшая в меня пуля сделала меня человеком. И сколько времени оставалось у нас с Грейс. Я хотел знать, конец это или нет.

«Ты — лучший из них», — сказал он мне как-то раз, и выражение его лица до сих пор стояло у меня перед глазами. Честное, открытое, серьезное. Надежный якорь в бурном море. Я понимал, что он имеет в виду. Из всей стаи во мне оставалось больше всего человеческого. Это случилось после того, как они утащили Грейс с качелей.

Но когда я подъехал к дому, в нем по-прежнему было темно и пусто, и все мои надежды растаяли. Я подумал, что все остальные, должно быть, уже превратились в волков на зиму; молодых волков в стае оставалось не так уж и много. Если не считать Джека. Почтовый ящик был до отказа набит конвертами и почтовыми извещениями, призывающими Бека забрать остальную корреспонденцию на почте. Я выгреб их все и отнес в машину. У меня был ключ от его ящика на почте, но туда я собирался заехать позже.

Я отказывался верить, что никогда больше не увижу Бека. Однако факт оставался фактом: если Бека не было, никто не объяснил Джеку, что к чему. Кто-то должен был убрать его подальше от школы и цивилизации, пока не закончатся спонтанные превращения туда-обратно, которыми всегда страдали новообращенные волки. Его гибель и без того принесла стае достаточно бед. Не хватало только, чтобы он выдал нас, изменив облик на глазах у людей или покусав еще кого-нибудь.

Поскольку Джек уже нанес визит в школу, я решил исходить из предположения, что домой он тоже пытался наведаться, поэтому поехал к Калпеперам. Адрес их не был ни для кого секретом; все в городе знали громадный особняк в стиле Тюдоров, который был виден аж с шоссе. Единственный особняк во всем Мерси-Фоллз. В такое время едва ли кто-то был дома, но на всякий случай я все же оставил машину Грейс в полумиле от особняка и пошел

через сосняк пешком.

Особняк, как я и предполагал, оказался безлюден; он нависал надо мной, точно старинный замок из какой-нибудь сказки. Быстрое обследование дверей выявило несомненное присутствие волчьего запаха.

Я не мог сказать, удалось ли Джеку проникнуть в дом или, подобно мне, он побывал здесь в отсутствие своих родных и уже вернулся обратно в лес. Я вдруг вспомнил, насколько уязвим в своем человеческом теле, и, обернувшись, принялся, чтобы определить, не скрывается ли кто-нибудь в соснах. Там никого не оказалось. Во всяком случае, на таком расстоянии, с которого мой человеческий нюх мог это уловить.

Для порядка я забрался в дом, чтобы удостовериться, что Джек не сидит там, запертый в специальную комнату для чудовищ. Заботиться о том, чтобы не оставить следов взлома, я не стал, просто разбил кирпичом стекло в задней двери и открыл замок изнутри.

Очутившись в доме, я снова принялся. Мне показалось, что я уловил волчий запах, но слабый и какой-то застарелый. Я не знал, почему от Джека так пахнет, однако двинулся на этот запах. След привел меня к массивным дубовым дверям; запах определенно исходил из-за них.

Я осторожно приоткрыл их и с силой втянул носом воздух.

Просторный зал был заполнен дикими зверями. Вернее, чучелами зверей. И не самых безобидных. Под высокими сумеречными сводами царила атмосфера не то выставки зоологического музея, не то какого-то храма смерти. Я попытался облечь свои чувства в стихи, но получилась всего одна строчка: «Скаля мертвые зубы, глядим в пустоту».

Меня передернуло.

В тусклом свете, сочившемся сквозь круглые окошки высоко над головой, казалось, что здесь хватило бы животных населить Ноев ковчег. Лисица сжимала в зубах чучело перепелки. Черный медведь тянул ко мне когтистые лапы. Рысь затаилась в вечной засаде у бревна. Белый медведь стоял на задних лапах, держа в передних чучело рыбы. Неужели из рыб тоже делают чучела? Мне такое и в голову никогда не приходило.

И тут, посреди стада оленей разнообразных форм и размеров, я увидел источник того самого запаха, который уловил раньше. На меня, повернув голову, смотрел волк. Зубы его были оскалены, взгляд стеклянных глаз казался угрожающим. Я подошел к нему, коснулся рукой жесткого меха. От моего прикосновения застарелый запах усилился, выдавая свои секреты, и я узнал неповторимый дух нашего леса. Руки у меня против воли сжались в кулаки, по коже побежали мурашки, и я поспешно отступил от чучела. Он был одним из наших. А может, и нет. Может, это был просто волк. Вот только я никогда раньше не встречал в нашем лесу обыкновенных волков.

— Кто ты? — прошептал я.

Единственное, что сохранялось у оборотня неизменным в обеих его ипостасях — глаза, — давным-давно заменили стекляшками. Неужели и Дерек, которого изрешетили пулями в ту ночь, когда подстрелили меня, тоже займет свое место в этом жутком зверинце? При мысли об этом меня замутило.

Я в последний раз обвел зал взглядом и двинулся к выходу. Все, что оставалось во мне звериного, кричало: прочь отсюда, от этого тусклого запаха смерти, пропитывающего зал. Джека здесь не было. Остаться здесь дольше было незачем.

Глава 23

Грейс

52 °F

— Доброе утро. — Папа оторвался от термокружки, в которую наливал кофе, и взглянул на меня. Для субботы он был одет слишком строго; очевидно, собирался на встречу с каким-нибудь богатым инвестором. — Мы с Ральфом договорились встретиться в офисе в половине девятого. По поводу базы отдыха в Виндхейвене.

Я похлопала глазами, пытаюсь проморгаться. Тело казалось затекшим и неповоротливым со сна.

— Не разговаривай со мной сейчас. Я еще не проснулась.

Сквозь сонный туман я почувствовала укол совести за свою не приветливость; мы с ним практически не виделись несколько дней, где уж было толком пообщаться. Накануне мы с Сэмом весь вечер говорили про странный зал с чучелами в особняке Калпеперов и с постоянным раздражением, точно от кусачего свитера, ломали голову в догадках, где Джек появится в следующий раз. Самое обычное утро с папой казалось внезапным возвращением к моей жизни до Сэма.

Папа протянул мне кофейник.

— Будешь?

Я подставила ему сложенные ковшом руки.

— Лей прямо сюда. Я хоть умоюсь, что ли. А где мама?

Наверху было подозрительно тихо. Обычно, когда мама собиралась куда-нибудь, из родительской спальни доносился слабоидентифицируемый грохот и цоканье каблучков по полу.

— Уехала в какую-то галерею в Миннеаполис.

— В такую рань? Сейчас же практически вчера.

Отец ничего не ответил; взгляд его был направлен вверх моей головы на экран телевизора, на котором мелькали кадры какого-то утреннего ток-шоу. Гость программы, одетый в подобие военной формы, был окружен разнообразными зверятами в клетках и коробках. Я немедленно вспомнила про зал с чучелами, о котором рассказывал Сэм. Одна из пары ведущих опасливо погладила детеныша опоссума, тот зашипел, и папа нахмурился, глядя на экран.

— Папа. Прием! Налей мне чашку кофе, а не то я умру. Кто тогда будет убирать мой труп?

Папа, не отрываясь от телевизора, принялся шарить в шкафчике в поисках кружки. Нащупав мою любимую — зеленовато-голубую, которую сделала одна из маминых подруг, — он придвинул ее ко мне вместе с кофейником. Я налила себе кофе, и пар ударил мне в лицо.

— Ну, Грейс, как у тебя дела в школе? — поинтересовалась я у самой себя.

Папа кивнул, наблюдая за детенышем коалы, который пытался вырваться из рук хозяина.

— Все в полном порядке, — ответила я на свой вопрос, и папа с отсутствующим видом поддакнул. — Только кто-то притащил в школу стаю панд, — добавила я, — а учителя

отдали нас на съедение племени каннибалов. — Я сделала паузу, чтобы посмотреть, дошли до него мои слова или нет, потом продолжила: — Все здание загорелось, потом я завалила экзамен по драматическому мастерству, а потом секс-секс-секс-секс.

Отсутствующее выражение внезапно исчезло из папиных глаз, он обернулся ко мне и нахмурился.

— Чему, ты говоришь, вас учат в школе?

Что ж, по крайней мере, из моей речи он уловил больше, чем я предполагала.

— Да так, ничему интересному. На английском учимся писать рассказы. Терпеть их не могу. Писателя из меня не выйдет.

— Рассказы про секс? — с сомнением уточнил папа.

Я покачала головой.

— Поезжай на работу, папа, а то опоздаешь.

Отец почесал подбородок; бреясь, он пропустил небольшой островок щетины.

— Да, кстати. Нужно отдать Тому состав для чистки ружья. Ты его не видела?

— Какой еще состав?

— Для чистки ружья. По-моему, я оставил его на столешнице. Или, может, под раковиной...

Он присел на корточки и принялся рыться в шкафчике под раковиной.

Я нахмурилась.

— Зачем тебе понадобился состав для чистки ружья?

Он махнул в сторону своего кабинета.

— Чтобы почистить ружье.

В мозгу у меня прозвенел тревожный звоночек. Я знала, что у папы есть ружье; оно висело в кабинете на стене. Но на моей памяти он ни разу его не чистил. Ружья ведь полагается чистить после использования?

— Зачем ты брал очиститель?

— Том одолжил его мне, чтобы я почистил ружье после нашей вылазки. Я знаю, надо бы чистить его почаще, но когда я им не пользуюсь, это совершенно вылетает у меня из головы.

— Том Калпепер? — уточнила я.

Отец выбрался из шкафчика с бутылкой в руке.

— Ну да.

— Ты ходил стрелять с Томом Калпепером? Пару дней назад?

Я почувствовала, как горят у меня щеки. Господи, только бы он ответил «нет»!

Отец посмотрел на меня. С таким выражением он обычно смотрел, когда хотел сказать что-то вроде «Грейс, ты же умная девочка».

— Надо было что-то делать, Грейс.

— Ты тоже участвовал в облаве? На волков? — набросилась на него я. — У меня в голове не укладывается, что ты...

Я вдруг живо представила, как мой папа крадется по лесу с ружьем в руке, гоня перед собой волков, и мне стало так тошно, что я не договорила.

— Грейс, я пошел на это и ради тебя тоже, — сказал он.

— Ты в кого-нибудь попал? — очень тихо спросила я.

Он, похоже, понял, что это очень важный вопрос.

— Я стрелял только в воздух, — ответил он.

Не знаю, правда это была или ложь, но разговаривать с ним мне расхотелось. Я покачала головой и отвернулась.

— Ну, не дуйся, — сказал отец. Он поцеловал меня в щеку — я даже не шелохнулась, — взял термокружку и портфель. — Будь паинькой. Пока.

Я стояла в кухне, обеими руками обхватив голубую кружку, и слушала, как отцовский «таурус», взревев, отъезжает от дома. Когда шум мотора затих, дом погрузился в знакомую тишину, такую уютную и тоскливую одновременно. Это могло быть любое утро — та же тишина и та же чашка кофе в моих руках — однако же не было. Слова папы «Я стрелял только в воздух» до сих пор висели в воздухе.

Он знал, как я отношусь к волкам, и все равно у меня за спиной пошел на облаву вместе с Томом Калпепером.

Мне было больно от предательства.

Негромкий шум от двери привлек мое внимание. Сэм, с мокрыми и торчащими после душа волосами, стоял в коридоре и смотрел на меня. В глазах у него застыл вопрос, но я не стала ничего говорить. Я думала о том, как поступил бы папа, если бы узнал про Сэма.

Глава 24

Грейс

52 °F

Большую часть первой половины дня я провела, корпя над домашним заданием по английскому, а Сэм валялся на диване с книжкой в руках. Для меня пыткой было находиться с ним в одной комнате и в то же время быть надежно огражденной от него учебником по английскому. Спустя несколько часов, единственным светлым пятном на протяжении которых был краткий перерыв на обед, я поняла, что больше не могу.

— У меня такое ощущение, что я бездарно растрачиваю время, которое мы могли бы провести вместе, — пожаловалась я.

Сэм ничего не ответил, и я сообразила, что он меня не слышит. Я повторила свои слова еще раз, и он захлопал глазами, взгляд его перестал быть отсутствующим, как будто он вернулся откуда-то из другого мира.

— Я радуюсь тому, что могу просто быть рядом с тобой. Мне этого довольно.

Я пристально вгляделась ему в лицо, пытаюсь понять, серьезно он это сказал или нет.

Запомнив номер страницы, Сэм бережно закрыл книгу и сказал:

— Ты хочешь куда-нибудь сходить? Если ты сделала уроки, можно отправиться на разведку к дому Бека, посмотреть, не объявлялся ли там Джек.

Эта мысль пришлась мне по душе. С тех самых пор, как Джека видели у школы, мне не давал покоя вопрос, где и как он может появиться в следующий раз.

— Думаешь, он будет там?

— Не знаю. Новые волки всегда каким-то образом находили туда дорогу, и потом, стоя там и живет, в Пограничном лесу за домом, — сказал Сэм. — Приятно было бы узнать, что он наконец-то нашел свой путь в стаю. — На лице у него промелькнуло встревоженное выражение, однако причин его он не пояснил.

Я понимала, почему хочу, чтобы Джек прижился в стае: меня тревожило, не раскроет ли кто-нибудь истинную природу волков. Но Сэма, похоже, беспокоило что-то еще, что-то более важное и необъяснимое.

В золотистом свете уходящего дня я вела «бронко» к дому Бека; Сэм давал мне указания. Нам пришлось добрых тридцать пять минут петлять по извилистой дороге, огибавшей Пограничный лес. Я и не подозревала, как далеко простирается лес, пока мы с Сэмом не проехали вокруг него. Пожалуй, это было вполне логично; где еще можно спрятать целую стаю волков, если не в лесу, где на многие сотни акров вокруг нет ни одной живой души? Я свернула на подъездную дорожку к зданию, шурясь на кирпичный фасад. Темные окна походили на закрытые глаза; дом был пугающе безлюден. Сэм слегка приоткрыл дверцу со своей стороны, и в нос мне немедленно ударил пряный запах сосновой хвои.

— Симпатичный домик.

Я взглянула на высокие окна, поблескивающие в косых лучах солнца. Кирпичный дом такого размера легко мог бы подавлять своим величием, однако повсюду вокруг царила какая-то обезоруживающая атмосфера, быть может, благодаря разросшейся, неровно подстриженной живой изгороди спереди или выдавшей виды птичьей кормушке, которая

торчала прямо посреди лужайки, как будто там и выросла. Тут было уютно. Это было именно то место, где мог появиться на свет такой парень, как Сэм.

— Откуда он у Бека?

Сэм нахмурился.

— Дом-то? Раньше Бек был адвокатом у каких-то толстосумов, так что у него полно денег. Он купил этот дом специально для стаи.

— Ужасно великодушно с его стороны, — заметила я и захлопнула дверцу машины. — Черт!

Сэм облокотился на капот «бронко».

— Что случилось?

— Я только что заперла ключи в машине. Действовала на автопилоте.

Сэм беззаботно пожал плечами.

— У Бека где-то в доме есть отмычка. Поищем, когда вернемся из леса.

— Отмычка?! Вот это да! — ухмыльнулась я. — Люблю разносторонних людей.

— Ну, вот тебе еще один для коллекции. — Сэм кивнул в сторону зарослей на заднем дворе. — Ты как, готова идти?

Мысль об этом одновременно манила и страшила меня. Я не была в лесу с самой облавы, а до нее — с того вечера, когда увидела Джека, окруженного другими волками. Похоже, все мои воспоминания о лесе были связаны с насилием.

Сэм протянул мне руку.

— Ты что, боишься?

Я задумалась, можно ли принять его руку, не расписавшись в собственном страхе. Вернее, не в страхе. В какой-то иной эмоции, от которой по коже у меня бежали мурашки и волоски на всем теле вставали дыбом. Погода была просто прохладная, а не лютая зимняя стужа. Еды вокруг хватало, у волков не возникало необходимости нападать на нас. Волки ведь безобидные существа.

Сэм взял меня за руку; у него были крепкие пальцы и теплая ладонь. Его глаза изучали меня, большие и блестящие в свете заходящего солнца, и на миг я растворилась в его взгляде, вспомнив, как этими же глазами на меня смотрел волк.

— Не обязательно искать его прямо сейчас, — сказал он.

— Я хочу пойти.

Это была правда. Какая-то часть меня хотела увидеть, где Сэм жил в холодное время года, когда не рыскал перед нашим домом. А другая часть, та, которая погибала от тоски, слушая волчий вой в ночи, умоляла пуститься за стаей в лес по слабому следу. Все это перевешивало мои опасения. Чтобы доказать свою готовность, я двинулась к лесу на задворках, не выпуская руки Сэма.

— Они ничего нам не сделают, — сказал Сэм, как будто я еще нуждалась в убеждении. — Если кто-то и приблизится к нам, то это Джек.

Я вскинула бровь.

— Угу, и я о том же. Надеюсь, он не устроит нам тут фильм ужасов наяву?

— Превращение в оборотня не делает тебя чудовищем. Оно просто убирает тормоза, — сказал Сэм. — Он в школе часто затевал драки?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Как и все в школе, я слышала историю о том, как после какой-то вечеринки один парень по милости Джека угодил в больницу, и считала ее выдумкой, пока собственными глазами

не увидела того самого парня в школьном коридоре; лицо у него было похоже на опухшую багрово-синюю подушку. Чтобы превратиться в чудовище, Джеку не обязательно было становиться оборотнем.

Я состроила гримаску.

— Да, было дело.

— Если тебя это обрадует, — сказал Сэм, — я думаю, что его здесь нет. Но все равно надеюсь, что он здесь.

Мы углубились в лес. Это был совсем не тот лес, что подступал к двору моих родителей. Здесь деревья стояли вплотную друг к другу, а подлесок был таким густым, словно его напихали между древесными стволами, чтобы удержать их в вертикальном положении. Штанины моих джинсов цеплялись за кусты ежевики, и Сэм время от времени останавливался, чтобы извлечь из наших щиколоток колючки. Никаких следов Джека или других волков по пути мы не заметили. Откровенно говоря, я сомневалась, чтобы Сэм так уж тщательно отслеживал происходящее вокруг нас. Я демонстративно озиралась по сторонам, так что могла сделать вид, будто не замечаю его ежеминутных взглядов в мою сторону.

Очень скоро вся голова у меня была в колючках, а волосы превратились в воронье гнездо.

Сэм остановился и принялся выбирать шипы у меня из волос.

— Дальше будет легче, — пообещал он.

Наивный, он боялся, что я могу разозлиться и вернуться обратно в машину. Можно подумать, у меня было более интересное занятие, чем наслаждаться ощущением того, как бережно он выбирает колючки у меня из волос.

— Это все ерунда, — заверила я его. — Просто я боюсь, что мы никогда не узнаем, был здесь кто-нибудь или нет. Этому лесу конца-края нет.

Сэм провел рукой по моим волосам, якобы проверяя, не осталось ли в них колючек, хотя я прекрасно знала, что он вынул их все до одной, да и он сам, скорее всего, тоже об этом знал. Он замер, улыбаясь мне, потом сделал глубокий вдох.

— Судя по запаху, мы тут не одни.

Он взглянул на меня, и я поняла, что он ждет, чтобы я подтвердила, призналась, что могла бы, если бы попыталась, учуять запах, свидетельствующий о тайной жизни стаи вокруг нас. Я вместо этого снова взяла его за руку.

— Веди, ищейка.

Вид у Сэма сделался слегка задумчивый, однако он повел меня через подлесок вверх по отлогому холму. Как он и обещал, дорога стала легче. Колючие кусты поредели, деревья были выше и прямее, а ветви их больше не висели всего в нескольких футах у нас над головами. Белая шелушащаяся кора берез в косых лучах заходящего солнца казалась кремовой, листья отливали нежным золотом. Я взглянула на Сэма, и в его глазах отразилась та же самая ослепительная желтизна.

Я остановилась как вкопанная. Это был мой лес. Тот самый золотой лес, в который я всегда убегала в своих мечтах. Сэм взглянул на меня, выпустил мою руку и отступил на шаг, чтобы лучше меня видеть.

— Ну вот мы и дома, — сказал он.

По-моему, он ожидал от меня каких-то слов. Или не ожидал. Может быть, он понял все по моему лицу. Слова были ни к чему; я просто обвела взглядом листву на ветвях, в мерцающем свете похожую на перышки.

— Эй! — Сэм поймал меня за локоть и покосился на мое лицо, как будто ожидал увидеть слезы. — Ты какая-то грустная.

Я медленно обернулась; воздух, казалось, переливался и вибрировал.

— В детстве я всегда представляла, как прихожу сюда. Только не могу понять, откуда у меня в голове взялся образ этого места. — Наверное, это было глупо, но я продолжала говорить, пытаюсь разобраться с этой загадкой. — За домом у нас лес совсем не такой. Ни берез, ни желтых листьев. Не знаю, откуда я о нем узнала.

— Может, кто-нибудь тебе о нем рассказал.

— Думаю, я запомнила бы, если бы мне рассказали об этом лесе все до мельчайших подробностей, вплоть до цвета мерцающего воздуха. Не представляю, как кто-то мог бы описать мне все это.

— Это я тебе рассказал, — произнес Сэм. — У волков есть свои способы общения. Они передают друг другу образы, когда находятся близко друг к другу.

Я обернулась к нему, темному пятну, заслоняющему свет, и нахмурилась.

— Ты прекратишь или нет?

Сэм продолжал молча смотреть на меня своим волчьим взглядом, который я знала так хорошо, печальным и настойчивым.

— Почему ты вечно напоминаешь мне об этом?

— Тебя укусили.

Он принялся расхаживать вокруг меня, поддавая ботинками листву и время от времени взглядывая на меня из-под темных бровей.

— И что?

— А то, что с тобой все не так просто. Ты — одна из нас. Ты не опознала бы это место, если бы тоже не была волком, Грейс. Только наши способны видеть то, что я тебе показал. — Его голос звучал очень серьезно, взгляд прожигал меня насквозь. — Я не мог бы... не мог бы сейчас даже говорить с тобой, не будь ты из наших. Мы не должны распространяться о том, кто мы такие, с обычными людьми. Нельзя сказать, что мы живем по строгим правилам, но Бек предупредил меня, что это правило не нарушают.

Это показалось мне нелогичным.

— Но почему?

Сэм ничего не сказал, лишь коснулся шеи в том месте, где в нее вошла пуля, и я увидела на запястье у него глянцевиые бледные шрамы. Такой добрый человек, как Сэм, не должен был всю жизнь жить со следами человеческой жестокости, это было несправедливо. Вечерняя прохлада уже давала о себе знать, и я поежилась.

— Бек много чего мне рассказывал, — негромко сказал Сэм. — Люди убивают нас всевозможными бесчеловечными способами. Мы гибнем в лабораториях, умираем от пуль и от яда. Может, в наших превращениях виновата наука, но люди видят в этом лишь колдовство. Я верю Беку. Нельзя открываться тем, кто не такой, как мы.

— Но я же не превращаюсь в волчицу, Сэм, — возразила я. — Я тоже не такая, как вы.

В горле у меня стоял соленый ком.

Сэм ничего не ответил. Мы долго молчали, потом он вздохнул и снова заговорил.

— После того как тебя укусили, я знал, что должно произойти. Я каждую ночь ждал, когда ты превратишься в волчицу, чтобы отвести тебя обратно домой и защитить. — Порыв холодного ветра взметнул его волосы и осыпал водопадом желтой листвы. Он походил на темного ангела в вечно осеннем лесу. — Ты знаешь, что за каждый из них к твоей жизни

прибавляется один счастливый день?

Я не поняла, что он имеет в виду, даже после того, как он разжал кулак и показал мне лежащие на ладони смятые листья.

— Один счастливый день за каждый падающий лист, который ты поймаешь, — тихо пояснил Сэм.

Я смотрела, как листья у него на ладони медленно расправляются, трепеща на ветру.

— И долго ты ждал?

Было бы ужасно романтично, если бы у него хватило мужества сказать это, глядя мне в лицо, однако он опустил глаза и принялся ворошить носком ботинка опавшие листья — бесчисленные обещания счастливых дней.

— Я и сейчас жду.

Мне следовало бы сказать ему в ответ что-нибудь не менее романтичное, но у меня тоже не хватило духу. Поэтому я взглянула, как он, робко закусив губу, внимательно разглядывает листья под ногами, и произнесла:

— Наверное, это было ужасно скучно.

Сэм невесело усмехнулся.

— Ты много читала. И слишком много времени проводила у окна на кухне, откуда мне было не слишком хорошо тебя видно.

— Зато перед окном в спальне в чем мать родила появлялась недостаточно часто? — поддела я его.

Сэм залился краской.

— Это, — сказал он, — совершенно к теме нашего разговора не относится.

Он так мило смутился, что я не смогла удержаться от улыбки и зашагала дальше, поддавая ногами золотистые листья. Сбоку от меня зашуршала листва — Сэм двинулся за мной следом.

— А что тогда к ней относится?

— Все, проехали, — сказал Сэм. — Так тебе здесь нравится?

Я резко остановилась и стремительно обернулась к нему лицом.

— Эй, — ткнула я в него пальцем; он вскинул брови и замер. — Ты вовсе и не рассчитывал найти здесь Джека.

Его густые темные брови взлетели еще выше.

— Ты вообще собирался его искать или нет?

Сэм вскинул обе руки над головой, словно умоляя о пощаде.

— А что ты хочешь от меня услышать?

— Ты хотел посмотреть, узнаю ли я это место. — Я сделала еще шаг, сократив разделявшее нас расстояние. Даже не прикасаясь к нему, я чувствовала тепло его тела. — Это ты каким-то образом рассказал мне об этом лесе. Как тебе удалось?

— Я и пытаюсь тебе это объяснить, только ты не слушаешь. До чего же ты упертая. Мы так разговариваем. Это единственный язык, на котором мы можем общаться. Образы. Несложные образы. Ты превратилась в одну из нас, Грейс. Просто внешне осталась прежней. Пожалуйста, поверь мне.

Он продолжал стоять с поднятыми руками, но губы у него неудержимо растягивались в улыбке.

— Значит, ты притащил меня сюда только ради того, чтобы я это увидела.

Я сделала еще один шаг к нему, и он отступил назад.

— Тебе здесь нравится?

— Обманом, заметим, притащил.

Еще один шаг вперед и еще один — назад. Улыбка стала шире.

— Так нравится или нет?

— Прекрасно зная, что мы здесь никого не встретим.

Его зубы сверкнули в улыбке.

— Нравится?

Я ткнула кулаком ему в грудь.

— Ты ведь знаешь, что да. И с самого начала это знал.

Я попыталась ткнуть его еще раз, но он перехватил мои запястья. Какое-то время мы стояли и смотрели друг на друга: он сверху вниз на меня с застывшей на лице полуулыбкой, и я снизу вверх на него, этакая картина «Парень и девушка». Этот момент как нельзя лучше подходил для того, чтобы поцеловать меня, однако же он не поцеловал. Он просто стоял и молча смотрел на меня, и когда я сообразила, что вообще-то никто не мешает мне поцеловать его первой, улыбка уже сползла с его лица.

Сэм медленно вернул мои руки на место и выпустил мои запястья.

— Я рад, — произнес он очень тихо.

Я застыла в той же позе, в какой оставил меня стоять Сэм.

— Ты должен был меня поцеловать! — возмутилась я.

— Я думал об этом.

Я не могла оторвать глаз от его мягких, печальных губ, точно таких же мягких и печальных, как и его голос. Наверное, неприлично было так таращиться, но я просто не могла перестать думать о том, как сильно мне хочется, чтобы он меня поцеловал, и как глупо так отчаянно этого хотеть.

— И что же тебе мешает?

Он наклонил голову и легонько коснулся моих губ своими. Прохладные и сухие, они были безмерно деликатными, однако же их прикосновение сводило с ума.

— Мне нужно поскорее в тепло, — шепнул он. — Холодает.

Впервые за все время я обратила внимание на ледяной ветер, пронизывающий до костей. Резкий порыв подхватил с земли опавшие листья и взметнул их в воздух, и на миг мне показалось, что я чую волчий запах.

Сэм поежился.

Прищурившись, чтобы лучше видеть его лицо в сумеречном свете, я внезапно поняла, что в глазах у него застыл страх.

Глава 25

Сэм

37 °F

Мы не бросились бежать обратно к дому. Перейти на бег значило признать нечто такое, с чем я не готов был иметь дело у нее на глазах, — собственную суть. Вместо этого мы двинулись вперед гигантскими шагами, не разбирая дороги, так что палая листва и сучья затрещали под ногами, а наше собственное шумное дыхание заглушало все остальные звуки наступающего вечера. Холодный воздух забирался ко мне за шиворот, все тело покрылось гусиной кожей.

Если не выпускать ее руку, все будет хорошо.

Любой неверный поворот неминуемо увел бы нас далеко от дома, но я не мог заставить себя сосредоточиться на окружающей местности. Перед глазами у меня вспыхивали и гасли картины человеческих тел, превращающихся в волчьи, — за годы, проведенные в стае, я видел сотни таких превращений. Воспоминание о первом разе, когда я стал свидетелем превращения Бека, пламенело в моей памяти, куда более яркое и живое, чем багровеющий за деревьями закат. Я помнил безжизненный белый свет, льющийся в окна гостиной в доме Бека, и то, как тряслись его плечи, в то время как он сидел, вжавшись в диван.

Я стоял перед ним и смотрел на него с высоты своего небольшого роста, лишившись дара речи.

«Уведите его! — закричал Бек в направлении коридора, хотя глаза у него были полузакрыты. — Ульрик, заberi Сэма!»

Пальцы Ульрика больно впились мне в локоть, как сейчас впились в запястье пальцы Грейс; она тащила меня через лес обратно туда, откуда мы пришли. За деревьями притаилась ночь, только и ждущая, чтобы завладеть нами, непроглядная и ледяная. Но Грейс не сводила глаз с солнца, неумолимо клонящегося за горизонт на краю леса, и упрямо тянула меня вслед за ним.

Его сияющий ореол почти ослеплял меня, превращал деревья в темные силуэты, и внезапно я снова стал семилетним мальчишкой. В памяти так живо, совсем как наяву возник узор из звездочек на моем старом покрывале, что у меня подкосились ноги. Я цеплялся за плотную ткань, а она мялась и рвалась у меня в пальцах.

«Мама! — срывающимся голосом позвал я. — Мама, меня сейчас вырвет!»

Я корчился на полу в ворохе одеял, криках и рвоте, содрогаясь и хватаясь за пол в попытках уцепиться за что-то, когда в дверном проеме возник знакомый силуэт матери. Я вскинул на нее глаза, прижимаясь щекой к полу, и попытался позвать ее по имени, но не смог выдать ни звука.

Она упала на колени и смотрела, как я превращаюсь в волка.

— Ну наконец-то, — вздохнула Грейс, выдирая меня обратно в окружающую нас реальность леса. Она запыхалась, как будто мы бежали. — Пришли.

Я не мог допустить, чтобы Грейс увидела мое превращение. Я не мог превратиться в волка.

Я проследил за взглядом Грейс и увидел, как из ледяной вечерней синевы выступило теплое красно-бурое пятно — дом Бека.

Вот теперь я побежал.

В двух шагах от машины все мои надежды обогреться в «бронко» разбились в прах в тот самый миг, когда Грейс тщетно дернула запертую дверцу. Ключи, болтавшиеся в замке зажигания, заколыхались от ее рывка. Лицо Грейс исказилось от бессильной досады.

— Придется идти в дом, — сказала она.

К счастью, можно было обойтись без взлома. Бек всегда оставлял запасной ключ за косяком задней двери. Я попытался не думать о ключах, болтающихся в замке зажигания; если бы мы не захлопнули их в машине, я уже был бы в тепле. Трясущимися руками я вытащил запасной ключ из тайника и попытался вставить его в замок. Меня уже начинало ломать.

«Живее, идиот. Живее».

Меня неудержимо трясло.

Грейс осторожно забрала у меня ключ, не выказывая никаких признаков страха, хотя она не могла не понимать, что происходит. Одной теплой рукой она накрыла мои, ледяные и трясущиеся, а другой вставила ключ в замочную скважину и повернула его.

«Господи, только бы было электричество. Только бы работало отопление».

Держа за локоть, она втолкнула меня в темную кухню. Холод упрямо не желал отступать; казалось, каждая клеточка моего тела промерзла насквозь. У меня начало сводить мышцы, и я, сгорбившись, закрыл лицо ладонями.

— Нет, — сказала Грейс ровным и твердым тоном, как будто отвечала на какой-то незначительный вопрос. — Нет, идем.

Она оттеснила меня от двери и закрыла ее. Затем рука Грейс скользнула вдоль стены, нашаривая выключатель, и — о чудо! — лампа над головой загорелась резким люминесцентным светом. Грейс снова потянула меня за руку, увлекая прочь от двери, но я был не в силах сдвинуться с места. Мне хотелось сжаться в комочек и плюнуть на все.

— Я не могу, Грейс. Не могу.

Я не уверен, что произнес эти слова вслух, но даже если они и прозвучали, она не слушала. Вместо этого она усадила меня на пол, прямо на вентиляционное отверстие, и, стащив с себя куртку, укутала меня в нее с головой. Потом присела передо мной на корточки и прижала к себе мои холодные руки.

Я содрогнулся и сцепил зубы, чтобы не стучали, силясь сосредоточиться на ней, цепляясь за свою человеческую суть, за остатки тепла. Она что-то говорила, но я ее не понимал. Она говорила слишком громко. Вообще все было слишком громко. В кухне чем-то пахло. Грейс была так близко, что ее запах оглушал меня. Он причинял боль. Все вокруг причиняло боль. Я заскулил, совсем тихо.

Она вскочила и выбежала в коридор, по пути щелкая всеми выключателями, а потом исчезла. Я застонал и обхватил голову руками.

«Нет, нет, нет, нет».

Я вообще перестал понимать, с чем бороться. С болью? С дрожью?

Она вернулась. Руки у нее были мокрые. Она сжала мои запястья, и губы у нее зашевелились, зажурчала непонятная речь. Эти звуки предназначались не для моих ушей. Я уставился на нее.

И снова она потянула меня куда-то; она была сильнее, чем я думал. Ей удалось поднять меня на ноги; я оказался на удивление высоким. Меня так колотило, что ее куртка свалилась на пол. В грудь мне ударил холодный воздух, и на меня накатила новая волна дрожи, так что я едва не рухнул на колени.

Девчонка поудобней перехватила мои запястья и потащила за собой, что-то беспрерывно твердя. Голос был негромкий и успокаивающий, но за его обманчивой мягкостью чувствовалась сталь. Она втокнула меня в какое-то помещение, из которого пыхало жаром.

Боже, нет. Нет. Только не это. Я забился, пытаюсь вырваться из ее рук, но взгляд мой был прикован к дальней стенке этого маленького помещения, облицованного кафелем. Там, точно разверстая могила, белела ванна. От воды валил пар, исходило призывное тепло, но каждая клеточка моего тела противилась этому.

— Сэм, не вырывайся! Прости. Прости, я не знаю, что еще делать.

Не сводя глаз с ванны, я уцепился за край двери.

— Пожалуйста, — прошептал я.

В моих воспоминаниях чьи-то руки уложили меня в ванну, они пахли детством и уютом, объятиями и чистым бельем, да вообще всем, что я когда-либо знал. Они толкнули меня в воду. Вода была теплая, температуры моего тела. Голоса хором начали отсчет. Моего имени даже не прозвучало. Вот тебе. Вот тебе. Вот тебе. Вот тебе. Удары оставляли в моей коже дыру за дырой, выпуская наружу то, что было скрыто внутри. Тонкие алые струйки просочились в воду, окрашивая ее. Я забился, крича и захлебываясь. Они молчали. Женщина топила меня и плакала; ее слезы капали в воду. «Я Сэм, — твердил я им, вскидывая лицо над красной водой. — Я Сэм. Сэм. Я...»

— Сэм!

Девчонка оторвала меня от двери и толкнула к ванне; я споткнулся и потерял равновесие. Я пытался удержаться на ногах, но она снова пихнула меня, и я, ударившись головой о стену, полетел в исходящую паром воду.

Я лежал неподвижно, я погружался в воду, она колыхалась над моим лицом, обжигала кожу, разливая по телу нестерпимый жар, поглощая сотрясавшую меня дрожь. Грейс бережно приподняла мою голову над водой, обхватила ее обеими руками, одной ногой стоя в ванне рядом со мной. Она промокла до нитки и вся дрожала.

— Сэм, — сказала она. — Господи, прости меня, пожалуйста. Прости. Пожалуйста, прости. Я не знала, что делать. Пожалуйста, извини меня. Прости.

Меня продолжало колотить, я мертвой хваткой вцепился в край ванны. Мне нужно было выбраться. Мне нужно было, чтобы она обнимала меня, потому что лишь в ее объятиях я чувствовал себя в безопасности. Я хотел забыть кровь, струящуюся из порезов у меня на запястьях.

— Выпусти меня, — прошептал я. — Пожалуйста, выпусти.

— Ты согрелся?

Я не мог ответить. Я истекал кровью. Я стиснул кулаки и прижал их к груди. Каждое колыхание воды вокруг запястий отзывалось во мне новой волной дрожи. Лицо Грейс исказилось от боли.

— Я пойду поищу термостат и включу отопление. Сэм, тебе придется остаться здесь, пока я не принесу полотенца. Прости, пожалуйста.

Я закрыл глаза.

Целую вечность я лежал в воде, держа лицо над самой поверхностью и не в силах шелохнуться, пока не пришла Грейс со стопкой разномастных полотенец в руках. Она наклонилась и протянула руку куда-то мимо меня; за головой у меня что-то булькнуло и зажурчало. Я почувствовал, как утекаю в трубу в водовороте красной воды.

— Я не смогу вытащить тебя, если ты не будешь помогать. Пожалуйста, Сэм.

Она уставилась на меня, как будто ждала с моей стороны каких-то действий. Вода утекала из-под меня, из-под моих запястий, плеч, спины, пока я не остался лежать в опустевшей ванне. Грейс накрыла меня полотенцем, оно было очень теплое, как будто она каким-то образом его нагрела. Потом она взяла меня за располосованное запястье и тихо произнесла:

— Все, можешь вылезать.

Я смотрел на нее, не мигая, лежа в ванне с поджатыми коленями, точно гигантский кузнечик.

Она протянула руку и пальцем провела по моей брови.

— У тебя правда очень красивые глаза.

— Они у нас остаются, — сказал я.

Грейс вздрогнула от неожиданности при звуке моего голоса.

— Что?

— Это единственное, что остается у нас из прошлой жизни. Глаза не изменяются. — Я разжал кулаки. — Я родился с такими глазами. Я родился для такой жизни.

Точно не слыша горечи в моем голосе, Грейс отозвалась:

— В общем, они у тебя очень красивые. Красивые и печальные. — Она потянулась и сжала мои пальцы, глядя мне в глаза, удерживая мой взгляд. — Как ты думаешь, сможешь подняться?

Я смог. Глядя в ее карие глаза и не видя больше ничего вокруг, я выбрался на пол, и она вывела меня из ванной обратно в мою жизнь.

Глава 26

Грейс

35 °F

Мысли у меня разбредались в разные стороны. Я стояла в кухне и таращилась на шкафчики, увешанные фотографиями улыбающихся людей — членов стаи в человеческом обличье. В обычных обстоятельствах я принялась бы разглядывать их, чтобы найти Сэма, но перед глазами у меня стояло его скрюченное тело в ванне, в ушах звучал полный ужаса голос. Воспоминание о том, как его колотило в лесу, пока я не сообразила, что с ним происходит, снова и снова всплывало в моем перевозбужденном мозгу.

Кастрюля. Банка с консервированным супом. Хлеб из морозильника. Ложки. Кухню в доме Бека определенно обустроивал человек, не понаслышке знакомый с особенностями жизни оборотней; она битком была набита банками консервов и продуктами длительного хранения. Я выставила на стол все необходимое, чтобы соорудить нам что-нибудь перекусить, и заставила себя сосредоточиться на том, что нужно было сделать.

Сэм сидел в соседней комнате на диване, укрытый одеялом, а его одежда крутилась в стиральной машине. Мои джинсы тоже вполне можно было выжимать, но они могли подождать. Я включила плиту, чтобы подогреть суп, и попыталась сконцентрировать внимание на гладких черных выключателях и блестящей алюминиевой поверхности.

Но вместо этого стала вспоминать, как Сэм корчился на полу, его пустые глаза и животное поскуливание, когда он понял, что теряет себя.

Руки у меня, когда я переливала суп из банки в кастрюлю, тряслись.

Это было невыносимо.

Нужно было держаться.

Какое у него было лицо, когда я затолкала его в ванну, точно так же, наверное, как его родители...

Нет, я не могла об этом думать. Открыв холодильник, я с удивлением увидела там галлон молока, первый скоропортящийся продукт, обнаруженный в этом доме. Оно было здесь настолько не к месту, что я как-то встряхнулась. Срок годности истек всего три недели назад, так что я вылила зловонную жижу в раковину и принялась обследовать холодильник на предмет других признаков чьего-то недавнего присутствия.

Когда я вошла в комнату с тарелкой супа и тостом для Сэма, он все так же сидел на диване. Вид у него был еще более удрученный, чем обычно.

— Ты, наверное, думаешь, что я полный псих.

Я с ногами забралась в клетчатое кресло напротив и обеими руками обхватила тарелку с супом, чтобы согреться. В комнате до сих пор было промозгло.

— Прости меня, пожалуйста.

Сэм покачал головой.

— Ты не могла поступить по-другому. Это я... я не должен был так позорно срываться.

Я поморщилась, вспомнив, как он с грохотом ударился головой о стенку и судорожно пытался ухватиться за воздух, чтобы не упасть в ванну.

— Ты сделала все правильно, — сказал Сэм и, не сводя с меня глаз, отщипнул кусочек тоста. Он задумался, как будто хотел еще что-то сказать, потом повторил: — Ты сделала все

правильно. Ты...

Он запнулся, взглянул на меня, сидящую в кресле, и от этого стало еще более заметным пустое пространство на диване рядом с ним.

— Я вовсе тебя не боюсь! — сказала я. — Ты решил, что я боюсь, да? Я просто хотела, чтобы ты поел без помех.

Вообще-то в любое другое время я с удовольствием забралась бы к нему под одеяло, тем более что он казался таким теплым и притягательным в старом спортивном костюме, который нашелся в его комнате. Но сейчас мне хотелось — просто необходимо было — собраться с мыслями, а сидя у него под боком, я вряд ли смогла бы это сделать.

Сэм с явным облегчением улыбнулся.

— Очень вкусно.

— Спасибо.

На самом деле суп был совсем не такой уж вкусный, скорее безвкусный, к тому же отдавал жестью, но я так проголодалась, что мне было все равно. И потом, еда помогала заглушить воспоминания о Сэме, скорчившемся в ванне.

— Расскажи мне еще про передачу образов, — попросила я. Мне хотелось, чтобы он не умолкал, хотелось слышать его человеческий голос.

Сэм сглотнул.

— Про что?

— Ну, ты говорил, что показал мне тот лес, когда был волком. И что волки таким образом общаются друг с другом. Расскажи мне об этом побольше. Я хочу понять, как это происходит.

Сэм наклонился, чтобы поставить тарелку на пол, а когда распрямился снова, вид у него был усталый.

— Это не совсем то, что ты думаешь.

— Я ничего такого не думаю, — возразила я. — Что я должна думать?

— Это вовсе не сверхъестественная способность, — ответил он. — Скорее утешительный приз. — Я молча смотрела на него, и он добавил: — Это единственный способ, при помощи которого мы можем общаться друг с другом. Мы не помним слов. А даже если бы и помнили, то не могли бы их произнести. Так что нам остается лишь передавать друг другу простые образы. Картинки. Открытки с другой стороны.

— А можешь передать мне что-нибудь сейчас?

Сэм сгорбился, кутаясь в одеяло.

— Сейчас я даже не помню, как это делается. Пока я — это я. Я делаю это только в волчьем обличье. Сейчас-то мне зачем это нужно? Есть слова. Я могу сказать все, что хочу.

На языке у меня вертелось: «Одних слов недостаточно», но одна мысль об этом вызвала у меня непонятную боль. Поэтому я сказала:

— Но я же не была волком, когда ты показал мне лес. Значит, волки могут общаться с остальными членами стаи, когда те находятся в человеческом обличье?

Сэм взглянул на меня из-под нависших век.

— Не знаю. Я больше ни с кем не пытался так общаться. Только с волками. Зачем мне это? — повторил он.

В голосе его слышались горечь и усталость. Я поставила тарелку на столик и плюхнулась на диван рядом с ним. Он приподнял одеяло, чтобы я могла устроиться у него под боком, и закрыл глаза, прижавшись лбом к моему лбу. Мы долго сидели так, потом он

снова открыл глаза.

— Я просто хотел показать тебе путь домой, — произнес он негромко. Его теплое дыхание долетало до моих губ. — Я хотел, чтобы ты обязательно нашла меня, когда превратишься в волчицу.

Я легонько коснулась пальцами треугольника обнаженной кожи в вырезе его свободной фуфайки.

— Я тебя и нашла, — дрогнувшим голосом ответила я.

В ванной запищала сушилка; в пустом доме этот звук человеческой деятельности прозвучал до странности неуместно.

— Пойду вытащу мою одежду.

Он открыл рот, как будто собирался сказать что-то еще, но вместо этого густо покраснел.

— Твоя одежда никуда не денется, — возразила я.

— Мы тоже никуда отсюда не денемся, если не взломаем твою машину, — напомнил Сэм. — И чем раньше мы это сделаем, тем лучше. Тем более что делать это придется тебе. Я столько времени на холоде не выдержу.

Я неохотно отодвинулась, и он поднялся, завернувшись в одеяло, точно какой-то первобытный вождь. Одеяло не скрывало очертаний его широких плеч, и я вспомнила, какой гладкой была на ощупь его кожа под моими пальцами. Он перехватил мой взгляд и на миг замер, прежде чем скрыться в темном коридоре.

Внутри у меня что-то болезненно защемило.

Какое-то время я сидела на диване, борясь с желанием отправиться за Сэмом в ванную, пока в конце концов верх не взял здравый смысл. Я отнесла тарелки на кухню, потом вернулась в гостиную и принялась рассматривать разнообразные мелочи на каминной полке. Мне хотелось понять оборотня, которого Сэм называл Беком, владельца этого дома. Того, кто вырастил Сэма.

Гостиная, как и весь дом снаружи, казалась уютной и обжитой. Здесь царствовали шотландская клетка и насыщенные красные тона с вкраплениями темного дерева. Одну стену практически целиком занимали высокие окна, и комнатой без спроса завладели предзимние сумерки. Я отвернулась от окон и взглянула на снимок на полке: улыбающиеся лица смотрели в камеру. Мне почему-то вспомнилась фотография, где были сняты мы с Рейчел и Оливией, и я почувствовала мимолетную боль, но потом постаралась сосредоточиться на людях с этой фотографии. Среди шести фигур мои глаза немедленно отыскиали Сэма. На снимке он был помладше и загорелый. Рядом с ним стояла какая-то девушка, видимо его ровесница, с пепельными волосами до плеч. Она единственная не улыбалась. Ее взгляд был устремлен на Сэма, и взгляд этот был таким пылким, что у меня оборвалось сердце.

Что-то невесомо коснулось моей шеи, и я резко обернулась, готовая защищаться. Сэм со смехом отскочил от меня и вскинул руки над головой:

— Тише ты!

Я проглотила рвущийся из горла рык, чувствуя себя дура дурой, и потеряла покрытую мурашками кожу на шее в том месте, где он поцеловал меня.

— Нельзя так бесшумно подкрадываться! — Я кивнула на снимок, злясь про себя на безымянную девицу рядом с ним. — Кто это такая?

Сэм опустил руки, подошел ко мне вплотную и обнял за талию. Его одежда пахла

чистотой и стиральным порошком, от кожи исходил еле уловимый запах волка, в которого он недавно едва не превратился.

— Шелби.

Он склонил голову и прижался щекой к моей щеке.

— Симпатичная, — небрежно обронила я.

Сэм издал негромкий звериный рык, от которого внутри у меня все сжалось от желания, и коснулся губами моей шеи. Я не поняла, можно считать это поцелуем или нет.

— А знаешь, вы с ней встречались.

Чтобы сделать следующий вывод, не нужно было быть семи пядей во лбу.

— Белая волчица! Почему она так на тебя смотрит? — спросила я без обвиняков, потому что хотела это знать.

— Ох, Грейс, — сказал Сэм, оторвавшись от моей шеи. — Я не знаю. Она... не знаю. Она думает, что влюблена в меня. Ну хочется ей быть в меня влюбленной.

— Почему? — спросила я.

Он издал негромкий смешок, в котором не было ни капли веселья.

— Ну и вопросы ты задаешь. Я не знаю. Думаю, до того, как она попала в стаю, жизнь у нее была не сахар. Ей нравится быть волчицей. Нравится чувство принадлежности. Мне кажется, она видит, как мы с Бекком относимся друг к другу, и думает, что если она будет со мной, то станет в стае своей еще больше.

— Тебя вполне можно любить и за то, какой ты есть, — возразила я и почувствовала, как он напрягся.

— Но она любит меня не за то, какой я. Это... одержимость.

— Я тоже одержима, — заявила я.

Сэм глубоко вздохнул и отстранился.

Я засопела.

— Ну вот. Не обязательно было отодвигаться.

— Я пытаюсь быть джентльменом.

Я отклонилась назад и прижалась к нему спиной, улыбнувшись при виде его встревоженного лица.

— Можешь не стараться так усердно.

Он тихо ахнул, на миг замер, а потом осторожно поцеловал меня в шею, чуть пониже уха. Я развернулась в кольцо его рук, чтобы поцеловать в губы, по-прежнему трогательно робкие.

— Я думала про холодильник, — прошептала я.

Сэм чуть отстранился, но из моих объятий выбираться не стал.

— Про холодильник?

— Да. Я думала о том, что ты не знал, обесточен дом на зиму или нет. Хотя он не был обесточен.

Сэм нахмурился, и я пальцем разгладила складку у него между бровями.

— Так кто платит за электричество? Бек? — Сэм кивнул, и я продолжила: — В холодильнике стояло молоко, Сэм. Оно было куплено всего несколько недель назад. Здесь кто-то жил. И совсем недавно.

Сэм расцепил руки, и его печальные глаза стали еще печальнее. Он посмотрел на меня с непонятым выражением; его лицо было точно книга на неизвестном мне языке.

— Сэм, — сказала я, пытаюсь вернуть его.

Но он точно заледенел.

— Надо отвезти тебя домой. Твои родители будут волноваться.

Я засмеялась, отрывисто и невесело.

— Как же. Дождешься от них. Что случилось?

— Ничего. — Для убедительности Сэм покачал головой, хотя был явно расстроен. —

Ну, то есть ничего страшного. Просто денек выдался не из легких, вот и все. Я просто... просто устал, наверное.

У него и в самом деле был усталый вид, в глазах застыло мрачное выражение. Наверное, это были последствия его превращения, вернее, почти превращения, или, может, мне не стоило заговаривать про Шелби и Бека.

— Тогда ты едешь ко мне.

Он отрицательно мотнул головой.

— Прекрати, — рассердилась я. — Я до сих пор боюсь, что ты исчезнешь.

— Никуда я не исчезну.

Я невольно вспомнила, как он корчился на полу в коридоре и негромко поскуливал, сиюсь остаться человеком, и немедленно пожалела об этом.

— Ты не можешь этого обещать. Я никуда не поеду. Только если ты поедешь со мной.

Сэм негромко застонал. Его ладони коснулись моей обнаженной спины под футболкой, и по коже у меня вслед за его пальцами побежали мурашки.

— Не искушай меня.

Я ничего не сказала, просто стояла и смотрела на него.

Он уткнулся лицом мне в плечо и снова застонал.

— До чего же трудно в твоём присутствии держать себя в руках. — Он отстранился от меня. — Не знаю, стоит ли мне оставаться с тобой. Тебе ведь всего... всего семнадцать.

— А ты у нас такой взрослый, — неожиданно ошетибилась я.

— Мне восемнадцать, — сказал он с таким выражением, как будто это обстоятельство было достойно сожаления. — Я, по крайней мере, совершеннолетний.

Я даже засмеялась, хотя смешного в этом ничего не было. Щеки у меня пылали, сердце отчаянно колотилось.

— Ты шутишь?

— Грейс, — сказал он, и мое сердце замедлило свой бешеный стук. Сэм взял меня за руку. — Я просто хочу, чтобы все было правильно, понимаешь? Другого шанса сделать все правильно с тобой у меня не будет.

Я посмотрела на него. В комнате было тихо, лишь ветер бросал в окна палые листья. Мне очень хотелось видеть, как выглядело сейчас мое лицо, запрокинутое к Сэму. Смотрела ли я на него таким же пылким взглядом, как Шелби на той фотографии? С такой же одержимостью?

К окнам подступала ледяная ночь, угроза, которая сегодня внезапно стала реальной. И дело было не в желании. Дело было в страхе.

— Пожалуйста, поедem домой, — попросила я.

Не знаю, что бы я делала, если бы он сказал «нет». Мысль о том, что завтра я вернусь и обнаружу его превратившимся в волка, была невыносима.

Должно быть, Сэм прочел это в моих глазах, потому что молча кивнул и взял отмычку.

Родители Грейс оказались дома.

— Их же никогда не бывает, — с раздражением бросила Грейс.

И тем не менее они были дома, ну, или, по крайней мере, их машины: «таурус» ее отца, не то серебристый, не то голубой в лунном свете, и маленький «фольксваген» матери, притулившийся перед ним.

— Только не вздумай сказать: «Я же тебе говорил!» — предупредила Грейс. — Я пойду в дом и разведу обстановку, а потом вернусь за тобой. — Она погасила фары. — Я быстро.

Я проводил ее взглядом и съезжился в своем кресле. С ума сойти. Я прятался в машине посреди ледяной ночи, дожидаясь, когда девчонка прибежит обратно, чтобы сообщить мне, что путь свободен и я могу идти ночевать к ней в комнату. Не простая девчонка. Одиночная. Грейс.

Она снова показалась на пороге и сделала замысловатый жест. До меня не сразу дошло, что это был сигнал глушить мотор и идти в дом. Я со всем возможным проворством выбрался из машины и бесшумно прокрался в прихожую, чувствуя, как холодный воздух пощипывает голую кожу. Не дав мне остановиться, Грейс подтолкнула меня по направлению к своей комнате, а сама захлопнула входную дверь и двинулась на кухню.

— Я оставила на улице рюкзак, — громко возвестила она.

Я воспользовался этим прикрытием, чтобы пробраться в комнату Грейс, и бесшумно прикрыл за собой дверь. В доме было градусов на тридцать теплее, чем на улице. Мышцы у меня до сих пор подрагивали от холода; я терпеть не мог это ощущение подвешенности между двумя состояниями.

Холод подточил мои силы, а сколько еще Грейс будет разговаривать с родителями, я не знал, поэтому забрался в постель, не включая света. Откинувшись на подушки, я сидел в молочном свете луны, растирал заледеневшие ступни и слушал приглушенный голос Грейс. Они с матерью оживленно обсуждали какую-то романтическую комедию, которую показывали по телевизору. Я уже заметил, что для Грейс не составляло никакого труда болтать с родителями обо всяких пустяках. Они могли без конца вместе смеяться над какой-нибудь ерундой, но я ни разу еще не слышал, чтобы они беседовали на серьезную тему.

Мне, пришедшему из стаи, этого было не понять. С тех пор как Бек взял меня под свое крылышко, я всегда чувствовал присутствие семьи, порой удушающее, а Бек неизменно оказывался рядом, когда мне было это нужно. Тогда я принимал все это как должное, но лишь теперь понял, как в результате избаловался.

Я все еще сидел в постели, когда дверная ручка бесшумно повернулась. Я замер и перестал дышать, но потом с облегчением выдохнул, узнав Грейс. Она закрыла за собой дверь и повернулась к окну.

Во мраке сверкнули ее зубы.

— Ты тут? — прошептала она.

— Где твои родители? Они что, собираются ворваться сюда и пристрелить меня?

Грейс промолчала. В темноте, когда не подавала голоса, она была для меня

невидимкой.

Я совсем было уже собрался произнести хоть что-нибудь, чтобы прервать затянувшуюся неловкую тишину, когда она ответила:

— Нет, они наверху. Мама заставляет папу ей позировать. Так что можешь спокойно идти чистить зубы и все такое. Только быстро. И пой что-нибудь тонким голосом, чтобы они думали, что это я.

Когда она произнесла «папу», мне почудилось в ее голосе странное отчуждение, причин которого я понять не мог.

— Ты хочешь сказать, вообще без голоса, — поддел я ее.

Грейс подошла к комоду, по пути хлопнув меня по заднице.

— Иди давай.

Я разулся и на цыпочках двинулся в ванную. В ней, к моей великой радости, была установлена только душевая кабина, да и ту Грейс предусмотрительно задернула занавеской, чтобы мне не пришлось смотреть на нее.

Я почистил зубы ее щеткой и встал перед зеркалом, долговязый подросток с длинными волосами и желтыми глазами, в мешковатой зеленой футболке, которую Грейс позаимствовала у отца. Что ты делаешь, Сэм?

Я закрыл глаза, как будто, скрыв зрачки, совершенно волчьими даже тогда, когда я находился в человеческом обличье, можно было изменить собственную суть. Мерно гудел вентилятор системы отопления; мои босые ноги улавливали легкую дрожь, напоминавшую мне о том, что человеческий облик я сохраняю лишь благодаря ему. Октябрь еще только наступил, а ночи уже были достаточно холодными, чтобы заставить меня скинуть кожу, а еще через месяц так же холодно будет и днем. И что, мне всю зиму отсиживаться дома у Грейс, прячась от малейшего сквознячка?

Я снова открыл глаза и буравил взглядом свое отражение в зеркале, пока оно не начало расплываться. Интересно, что такого нашла во мне Грейс, чем я так ее заворожил? Кто я без волчьей шкуры? Мальчишка, у которого в голове вертится столько слов, что они выплескиваются наружу.

Сейчас каждая строка, каждое стихотворение, рождавшееся у меня, оканчивалось одним и тем же словом: любовь.

Я должен был рассказать Грейс, что это мой последний год.

Я выглянул в коридор, чтобы посмотреть, нет ли поблизости ее родителей, и прокрался обратно к ней в комнату; Грейс уже лежала в постели, уютно свернувшись клубочком под кучей одеял. На миг я позволил себе пуститься в фантазии относительно того, что на ней надето. У меня сохранились смутные волчьи воспоминания о том, как одним весенним утром она выбралась из постели в одной мешковатой футболке, открывавшей умопомрачительно длинные ноги. Такая желанная, что у меня защемило сердце.

Я немедленно устыдился своих фантазий и принялся расхаживать у изножья кровати, старательно думая о холодных дождях, гитаре и прочих вещах, никак не связанных с Грейс.

— Эй, — прошептала она сонным голосом, как будто уже успела задремать. — Ты что делаешь?

— Спи, спи, — вспыхнув, пробормотал я. — Прости, что разбудил. Мне просто хотелось подумать.

— Подумал — и хватит, — подавив зевок, заявила она.

Я забрался в постель и прилег на краю матраса. События этого вечера изменили меня; я

не мог быть прежним после того, как Грейс видела меня, жалкого и беспомощного, готового сдаться, на дне ванны. Постель стала слишком маленькой, и негде было укрыться от ее запаха, от ее сонного голоса и теплого тела. Я потихоньку отгородился от нее скомканным одеялом и положил голову на подушку; больше всего мне сейчас хотелось выбросить из головы все сомнения и уснуть.

Грейс протянула руку и принялась поглаживать меня по волосам. Я закрыл глаза и позволил ей сводить меня с ума.

Она проводит пальчиком по моему лицу,

Повторяя его черты.

Но внутри я совсем не такой.

И мне не под силу забыть об этом,

Даже лежа с тобой, лежа с тобой, лежа с тобой.

— Мне нравятся твои волосы, — произнесла она.

Я ничего не ответил, потому что был занят подбором мелодии, которая подошла бы к этим стихам.

— Прости за то, что случилось сегодня, — прошептала она. — Я не хотела тебя толкать. Ее пальцы обогнули мое ухо и двинулись вниз по шее, и я вздохнул.

— Просто все слишком быстро. Я хочу, чтобы ты, — у меня едва не вырвалось «любила меня», — хотела быть со мной. Я всегда этого хотел, просто никогда не думал, что это случится на самом деле. — Мои слова прозвучали слишком серьезно, и я добавил: — Ведь я же мифологическое существо. Официально меня не существует.

Грейс засмеялась, совсем тихо, чтобы услышал я один.

— Дурачок. Для меня ты самый реальный.

— И ты для меня, — прошептал я.

В темноте повисла долгая пауза.

— Жаль, что я не превратилась в волчицу, — наконец произнесла она еле слышно.

Я открыл глаза, потому что должен был увидеть ее лицо. Никогда еще я не замечал на нем такого говорящего, безмерно печального выражения, таких горьких складок в углах губ.

Я коснулся ладонью ее щеки.

— Не надо об этом жалеть, Грейс. Пожалуйста, не надо.

Она помотала головой, не отрывая ее от подушки.

— Когда вы были, я чувствовала себя совершенно несчастной. А уж как мне было тошно, когда ты исчезал на лето!

— Ох, ангел, я забрал бы тебя с собой, если бы мог, — сказал я и немедленно удивился тому, что у меня вырвалось слово «ангел», и тому, насколько оно ей подходило. Я провел рукой по ее спутанным волосам. — Но поверь, это тебе не нужно. С каждым годом во мне остается все меньше и меньше от меня.

— Расскажи, что происходит в конце, — чужим голосом попросила Грейс.

До меня не сразу дошло, что она имела в виду.

— А, в самом конце.

Я мог рассказать ей это тысячей разных способов, тысячей разных способов приукрасить. Грейс не клюнула бы на розовую сказочку, которую Бек поведал мне в самом начале, так что я выложил ей все без обиняков.

— Я становлюсь самим собой — человеком — каждый год в конце весны. Но однажды... в общем, видимо, однажды этого не произойдет. Я видел, как это было с волками постарше. В какой-то год они просто не превращались в людей и оставались... обычными волками. Они живут чуть подольше, чем простые волки. Но все равно лет пятнадцать от силы.

— Как ты можешь так говорить о собственной смерти?

Ее глаза поблескивали в темноте.

— А как еще я должен о ней говорить?

— Ну... с грустью.

— Я и так грущу об этом... каждый день.

Грейс ничего не ответила, но я чувствовал, как она переваривает то, что я сказал, раскладывает все по полочкам у себя в голове.

— Когда тебя подстрелили, ты был волком.

Мне хотелось прикрыть ей рот ладонью, затолкать обратно слова, готовые сорваться с ее губ. Слишком рано. Я пока не готов был услышать это от нее.

Но Грейс тихо продолжала:

— В этом году ты пропустил самое жаркое время. Когда тебя подстрелили, было не так уж и холодно. Ну, то есть холодно, но не как зимой. Однако же ты был волком. Когда в этом году ты был человеком?

— Не помню, — прошептал я.

— А если бы тебя не подстрелили? Когда ты опять стал бы самим собой?

Я закрыл глаза.

— Не знаю, Грейс.

Более подходящего момента, чтобы признаться ей, найтись не могло. «Это мой последний год». Но я не мог заставить себя произнести эти слова. Не сейчас. Я хотел еще одну минуту, еще один час, еще одну ночь прожить с иллюзией, что это еще не конец.

Грейс вздохнула, протяжно и судорожно, и что-то в этом вздохе сказала мне, что непонятно как, каким-то шестым чувством она все поняла. Она знала обо всем с самого начала.

Она не заплакала, зато я с трудом удержался от слез.

Грейс снова запустила пальцы в мою шевелюру, а я и не прекращал перебирать ее волосы. Наши голые руки переплелись, и с каждым малейшим их движением на меня вновь веяло ее запахом, сводящей с ума смесью аромата цветочного мыла, легкого запаха пота и желания.

Интересно, догадывалась ли она, до какой степени запах превращает ее в открытую книгу, насколько красноречиво говорит о ее чувствах, даже когда сама она о них молчит.

Разумеется, я видел, что она нюхает воздух ничуть не реже, чем я. Она не могла не понимать, что сводит меня с ума, что каждое ее прикосновение отзывается во мне колючими электрическими мурашками.

Каждое ее прикосновение все дальше отодвигало реальность приближающейся зимы.

Точно в доказательство моих мыслей Грейс прижалась ко мне, отбросив в сторону разделявшее нас одеяло, и отыскала губами мои губы. Наше дыхание смешалось, и я услышал, как она еле различимо ахнула, когда я обнял ее. Все мои чувства настойчиво требовали прижать ее к себе крепче, еще крепче, так крепко, как я только мог. Она обвила меня ногами, имы целовались до одури, прижавшись друг к другу, пока далекий волчий вой

за окном не привел меня в чувство.

Грейс негромко засопела от недовольства, когда я выпутался из ее объятий, несмотря на то что все во мне рвалось к ней. Я лег рядом с ней, не выпуская из пальцев ее волос. Мы слушали, как за окном воют волки — те, кто не превратился в людей. И кому никогда больше не суждено превратиться. А потом прижались друг к другу висками, чтобы не слышать ничего, кроме стука наших сердец.

Глава 28

Грейс

49 °F

В понедельник я возвращалась в школу как на другую планету. Пришлось долго сидеть за рулем «бронко», глядя, как по тротуарам снуют ученики, кружат по стоянке машины, а к остановке один за другим подъезжают автобусы, прежде чем я поняла, что изменилась не школа, а я.

— Тебе пора на занятия, — сказал Сэм, и знай я его немного хуже, не уловила бы в его голосе полную надежды вопросительную нотку. Интересно, куда он отправится, пока я буду на уроках?

— Я знаю, — отозвалась я, хмуро глядя на тянувшихся в школу парней и девчонок в разноцветных свитерах и шарфах — наглядное свидетельство надвигающейся зимы. — Просто у меня такое чувство...

А чувство у меня было такое, как будто все это не имело ни малейшего значения и ни малейшего отношения к моей жизни. Казалось глупым торчать в классе, тратить время на какую-то ерунду, про которую в следующем году никто и не вспомнит.

Дверца машины внезапно распахнулась, и Сэм вздрогнул от неожиданности. На водительское сиденье плюхнулась Рейчел с рюкзаком в обнимку, оттеснив меня в сторону.

Она захлопнула дверцу и шумно отдышалась. В машине немедленно стало тесно.

— Ничего тачка. — Она подалась вперед и окинула Сэма взглядом. — О, у тебя тут мальчик. Привет, мальчик! Грейс, я сегодня прямо электровеник! А все кофе! Ты на меня дуешься?

Я только глазами хлопала от такого напора.

— С чего бы?

— Вот и чудненько! А то ты сто лет уже мне не звонила, ну я и подумала, что ты или умерла или дуешься. А поскольку ты определенно живая, я решила, что ты на меня дуешься. — Она забарабанила пальцами по рулю. — Но с Оливией вы разругались?

— Да, — сказала я, хотя была совершенно не уверена, что до сих пор злюсь на нее. Я помнила, из-за чего мы поругались, но не понимала, почему тогда это показалось мне таким важным. — Нет. Я на нее не злюсь. По-дурацки все получилось.

— Ну да, я так и думала. — Рейчел наклонилась и положила подбородок на руль, чтобы как следует разглядеть Сэма. — Ну, мальчик, что ты делаешь у Грейс в машине?

Я против воли улыбнулась. Разумеется, раскрывать секрет Сэма было нельзя, но делать тайну из самого его существования было не обязательно. Мне вдруг остро захотелось, чтобы Рейчел его одобрила.

— Да, мальчик, — подхватила я и обернулась к Сэму, сидевшему справа от меня. Он, казалось, никак не мог решить, забавляет его все происходящее или вызывает сомнения. — Что ты делаешь у меня в машине?

— Я здесь для красоты, — отозвался Сэм.

— Ух ты, — вскинула брови Рейчел. — И надолго?

— Пока не надоем.

Он демонстративно уткнулся лицом мне в плечо. Я с трудом удержалась от того, чтобы

не расплыться в идиотской улыбке.

— Вот, значит, как? Ну ладно, меня зовут Рейчел, я электровеник, и мы с Грейс лучшие подруги, — сообщила она и протянула ему руку. На ней были разноцветные полосатые перчатки без пальцев длиной по локоть.

Сэм пожал ей руку.

— Сэм.

— Приятно познакомиться, Сэм. Ты тоже здесь учишься? — Когда он отрицательно покачал головой, Рейчел сжала мою руку и сказала: — Ну да, так я и думала. Ну что ж, тогда я на время похищу у тебя эту милую девушку и отведу ее в класс, потому что мы и так уже опаздываем, а мне нужно кучу всего обсудить с ней, да еще она пропустила кучу обалденных новостей про волков, потому что не разговаривает со своей второй лучшей подругой. Так что, сам понимаешь, нам пора. Я бы сказала, что я обычно не такой электровеник, но вообще-то я такая и есть. Идем, Грейс.

Мы с Сэмом переглянулись, и в его глазах промелькнула тревога, но Рейчел уже открыла дверцу и потащила меня за собой. Сэм уселся за руль. На миг мне показалось, что он собирается поцеловать меня на прощание, однако он взглянул на Рейчел, а потом мимолетно сжал мою руку. Щеки у него горели.

Рейчел ничего не сказала, лишь криво улыбнулась и потащила меня к школе.

— Так вот почему ты не звонила, — подтолкнула она меня локтем. — Классный парень. Он что, на домашнем обучении?

В дверях школы я оглянулась. Сэм помахал мне рукой и дал задний ход, выезжая со стоянки.

— На оба вопроса ответ «да», — сказала я. — Поговорим о нем позже. Что там с волками?

Рейчел театральным жестом обняла меня за плечи.

— Оливия видела одного. Он побывал у них на крыльце и оставил следы когтей. На двери. Жуть.

Я как вкопанная встала посреди коридора.

— погоди, — переспросила я. — На двери дома Оливии?

— Нет, твоей мамы. — Рейчел тряхнула головой и стянула свои разноцветные перчатки. — Оливии, кого же еще. Если бы вы не помирились, она сама могла бы тебе все рассказать. И вообще, из-за чего вы разругались? Мне больно видеть, что мои лучшие подруги грызутся как кошка с собакой.

— Сказала же, из-за ерунды, — отозвалась я. Мне очень хотелось, чтобы она заткнулась и дала мне спокойно подумать насчет волка у дома Оливии. Неужели это опять Джек? С чего его понесло к Оливии?

— В общем, кончайте друг на друга дуться, потому что я хочу, чтобы вы поехали со мной на рождественские каникулы. А они совсем уже на носу, не забывай. Ну, то есть нужно же заранее подготовиться. Ну, давай же, Грейс, скажи «да», — простонала она.

— Посмотрим.

На самом деле меня беспокоил даже не сам факт появления волка у дома Оливии. Дело было в следе когтей. Нужно было поговорить с Оливией и выяснить, что в этом рассказе правда, а что Рейчел присочинила ради красного словца.

— Это из-за мальчика? Так возьми его с собой! Мне все равно! — сказала Рейчел.

Коридор медленно пустел; раздался звонок.

— Поговорим потом! — бросила я и вместе с Рейчел заторопилась на первый урок. Плехнувшись на свое место, я принялась проглядывать домашнее задание.

— Нам нужно поговорить.

Этот голос заставил меня подскочить на месте. Изабел Калпепер. Выставив из-под парты ноги в туфлях на заоблачно высокой платформе, она склонилась ко мне, ангельское личико в обрамлении идеальных сияющих кудряшек.

— Вообще-то идет урок, Изабел, — напомнила ей я, кивнув в сторону телевизора, по которому крутили записанные на пленку утренние объявления. Учительница уже вошла в класс и стояла, склонившись над своим столом. Она не обращала на нас внимания, но я все равно не горела желанием вести беседы с Изабел. В самом лучшем случае ей понадобилась от меня помощь с домашним заданием или еще с чем-нибудь; у меня была репутация человека, разбирающегося в математике, так что это не исключалось.

В худшем случае она желала поговорить про Джека.

Сэм сказал, что единственное правило, которое действовало в стае, это не рассказывать про оборотней чужакам. И нарушать его я не собиралась.

Губки Изабел были сложены в ее обычную кукольную гримаску, но глаза метали искры. Она покосилась на учительницу и склонилась еще ближе ко мне. На меня повеяло ароматом ее духов: запахом роз и лета посреди осени.

— Всего секунду.

Я взглянула на Рейчел; та с недоумением смотрела на Изабел. Мне и в самом деле не хотелось с ней разговаривать. Мы с ней не особенно общались, но я знала, что она опасная сплетница, способная в два счета сделать меня общешкольной мишенью для насмешек на переменах. Я не слишком стремилась к популярности, но хорошо помнила, какая судьба постигла последнюю девочку, которая имела несчастье восстановить Изабел против себя. Про нее до сих пор ходил темный слух, якобы она устроила стриптиз перед футбольной командой.

— В чем дело?

— С глазу на глаз, — прошептала Изабел. — Выйдем в коридор.

Я закатила глаза, но все же выбралась из-за парты и на цыпочках вышла из класса. Рейчел проводила меня страдальческим взглядом. У меня самой выражение лица наверняка было соответствующее.

— Две секунды, не больше, — предупредила я Изабел, когда та повела меня из коридора в пустой класс.

Пробковая доска на противоположной стороне была увешана плакатами по анатомии; кто-то пришилил к одной из фигур трусики-танга.

— Хорошо, как скажешь.

Она закрыла за нами дверь и уставилась на меня с таким видом, как будто я ни с того ни с сего принялась, скажем, горланить песню или что-нибудь в том же духе. Я не понимала, чего она ждет.

Я скрестила руки на груди.

— Ну, и чего ты хочешь?

Мне казалось, я была к этому готова, но когда она произнесла: «Мой брат, Джек», — сердце у меня все равно заколотилось.

Я молчала.

— Я видела его сегодня утром, когда бегала.

Я сглотнула.

— Твоего брата?

Изабел ткнула меня безукоризненно наманикюренным ноготком, сиявшим ослепительнее, чем капот «бронко». Кудряшки у нее заколыхались.

— Ой, только не начинай. Я с ним говорила. Он не погиб.

На миг я попыталась представить себе Изабел на утренней пробежке, но так и не справилась с этой задачей. Может быть, она убегала от своей чихуа-хуа?

— Э-э...

— С ним что-то не так, — продолжала Изабел. — Только не говори «Это потому, что он мертв». Потому что он не мертв.

«Расчудесный» характер Изабел и, пожалуй, то обстоятельство, что я знала: на самом деле Джек жив, не давали мне посочувствовать ей.

— Изабел, — сказала я, — похоже, я тут лишняя. Ты и в одиночку прекрасно справляешься с разговором.

— Заткнись, — рявкнула Изабел, тем самым лишь подтвердив мою теорию.

Я собиралась сказать ей об этом, но похолодела, услышав ее следующие слова.

— Когда я увидела Джека, он сказал, что на самом деле не погиб. А потом он начал... дергаться... и сказал, что ему нужно идти. Я попыталась спросить его, что с ним такое, и он сказал, что ты в курсе.

— Я? — сдавленным голосом переспросила я.

Однако я помнила его взгляд, устремленный на меня, когда он лежал, распластаный, под волчицей. Я пропала. Он узнал меня.

— Ну, это не такая уж и неожиданность. Все знают, что вы с Оливией Маркс сходите с ума по волкам, а вся эта история явно имеет к ним отношение. Так что происходит, Грейс?

Мне не понравился тон, которым был задан этот вопрос — как будто она сама знала на него ответ. Кровь стучала у меня в ушах; голова шла кругом.

— Послушай. У тебя горе, я все понимаю. Но, серьезно, тебе нужно обратиться за помощью. Не надо втягивать в это нас с Оливией. Не знаю, кого ты видела, но это был не Джек.

Ложь камнем легла мне на сердце. Я понимала, что у стаи есть все основания для скрытности, но Джек был Изабел братом. Неужели она не имела права знать?

— Я не страдаю галлюцинациями, — рявкнула Изабел, когда я открывала дверь. — Я отыщу его снова. И выясню, какую роль ты играешь во всем этом деле.

— Я не играю никаких ролей, — ответила я. — Я просто люблю волков. Все, мне нужно на урок.

Изабел стояла на пороге, глядя мне вслед, а я гадала, что, по ее мнению, должна была ей сказать на все это.

Вид у нее был почти несчастный; впрочем, может быть, она просто притворялась.

Как бы там ни было, я повторила:

— Тебе нужно обратиться за помощью, Изабел.

Она скрестила руки на груди.

— Мне казалось, я за ней и обращаюсь.

Глава 29

Сэм

54 °F

Пока Грейс была в школе, я долго не выезжал со стоянки, вспоминая появление бешеной Рейчел и гадая, что она хотела сказать своим замечанием про волков. Я раздумывал, не отправиться ли на поиски Джека, но прежде чем наобум пускаться по его следу, мне хотелось узнать, что Грейс удалось выяснить в школе.

Без Грейс и без моего рюкзака я не знал, чем занять время. Примерно так чувствует себя человек, которому нужно убить час до прихода автобуса: на что-то серьезное времени слишком мало, а на то, чтобы просто сидеть и ждать, слишком много.

Холодный ветер напомнил мне о том, что откладывать эту самую поездку на автобусе вечно не получится.

В конце концов я поехал на почту. У меня был ключ от абонентского ящика Бека, но на самом деле мне хотелось вспомнить прошлое и потешить себя иллюзией, что там я наткнулся на него.

Мне вспомнился день, когда мы с Бекком поехали на почту за учебниками; как сейчас помню, это был вторник: в то время вторник был моим любимым днем. Я и сам толком не знаю почему; было что-то такое в сочетании букв «в» и «т», что заставляло все слово казаться дружелюбным. Я всегда любил ездить с Бекком на почту; она представлялась мне чем-то вроде пещеры Али-Бабы со множеством запертых ларчиков, хранящих тайны и сюрпризы для тех, у кого имелся заветный ключик.

В памяти с пугающей ясностью всплыл тот разговор со всеми мельчайшими подробностями, вплоть до выражения лица Бека.

«Сэм, подойди-ка сюда, оболтус».

«Что это?»

Сгребаясь под тяжестью огромной коробки, Бек безуспешно попытался спиной открыть стеклянную дверь.

«Твои мозги».

«У меня уже есть мозги».

«Если бы они у тебя были, ты бы открыл мне дверь».

Я надулся и какое-то время стоял, глядя, как он тщетно налегает на дверь, прежде чем поднырнуть ему под руку и распахнуть ее.

«Нет, правда, что там такое?»

«Учебники. Мы намерены дать тебе приличное образование, чтобы ты не вырос неучем».

Помню, меня страшно захватила эта идея школы в коробке, «просто добавь воды и Сэма».

Все остальные члены стаи воодушевились ничуть не меньше. Я был первым, кто попал в стаю до окончания школы, так что мое обучение внесло в их жизнь захватывающую новизну. Несколько теплых сезонов подряд все по очереди занимались моим образованием. Дни напролет они шпиговали меня знаниями: Ульрик по метаматематике, Бек по истории, Пол по английскому, а позже и по естественно-научным дисциплинам. Они засыпали меня

каверзными вопросами, сочиняли песенки, чтобы мне легче было запомнить череду давным-давно почивших в бозе президентов, а одну из стен столовой превратили в гигантскую доску, вечно исписанную словарными словами и похабными шуточками, автора которых никогда не удавалось схватить за руку.

Когда с первой коробкой учебников было покончено, на смену ей пришла вторая. Когда я не учился в своей «школе в коробке», то бродил по Интернету в поисках знаний иного рода. Я искал фотографии цирковых уродцев, синонимы слова «коитус», а также ответ на вопрос, почему, когда по вечерам я смотрю на звезды, сердце у меня рвется от тоски.

Одновременно с третьей коробкой учебников в стае появилась новенькая: Шелби, худенькая загорелая девчонка в синяках и с сильнейшим южным акцентом. Помню, Бек тогда сказал Полу:

«Я просто не мог бросить ее там. Пол, ты не представляешь, откуда я ее вытащил. Не представляешь, что с ней творили».

Я жалел Шелби, а она не подпускала к себе вообще никого. Мне единственному удавалось подплыть на спасательном плоту к острову по имени Шелби и вытянуть из нее несколько слов, а порой даже и улыбку. Она была странная, пугливый звереныш, готовый на все ради того, чтобы вернуть себе власть над собственной жизнью. Она таскала у Бека какие-то мелочи, и ему приходилось спрашивать, куда они подевались, ломала термостат, чтобы вынудить Пола подняться с дивана и чинить его, прятала мои книги, чтобы я не читал, а поговорил с ней. Впрочем, все мы в этом доме были не без странностей. В конце концов, я сам не мог заставить себя заглянуть в ванную.

Бек привез с почты еще одну коробку с учебниками — для Шелби, но она не придавала им такого значения, как я. Книги покрывались пылью, в то время как она изучала в Интернете волчьи повадки.

Сейчас, очутившись на почте, я подошел к абонентскому ящику Бека под номером 730. Я провел пальцем по полустертым цифрам; тройка почти облупилась, впрочем, она была такой всегда, сколько я ни приезжал сюда. Я вставил ключ в замок, но не повернул его. Разве такой уж грех так сильно хотеть вот этого? Самой обычной жизни с Грейс, пару десятков лет поездок на почту, валяния в постели и наряжания елок на Рождество?

Тут мои мысли снова перескочили на Шелби, воспоминания неприятно царапнули меня, пронзительные, точно порыв ледяного ветра в сравнении с воспоминаниями о Грейс. Упорство, с которым я цеплялся за свою человеческую жизнь, всегда казалось Шелби нелепым. Я до сих пор помнил, как мы однажды ужасно из-за этого поругались. Та стычка была не первая и не последняя, но самая ожесточенная. Я валялся на кровати с томиком Йейтса, который купил мне Ульрик, и тут Шелби запрыгнула на матрас и, наступив на книгу босой ногой, смяла страницы.

«Пойдем послушаем, какую запись волчьего воя я нашла в Интернете», — сказала она. «Я читаю».

«Это важнее, — уперлась Шелби, возвышаясь надо мной; ее ступни продолжали мять листки книги. — Зачем ты вообще забиваешь себе голову этой ерундой? — Она кивнула на стопку учебников на столе рядом с кроватью. — Все равно, когда ты вырастешь, это тебе не понадобится. Ты не будешь человеком. Ты будешь волком, так и учил бы про волков».

«Заткнись», — рявкнул я.

«Но это правда. Ты не будешь Сэмом. Все твои книги — пустая трата времени. Ты будешь альфа-самцом. Я про это читала. А я буду твоей подругой. Альфа-самкой».

Она едва сдерживала возбуждение. Ей хотелось поскорее оставить прошлое позади.

Я выдернул Йейтса из-под ее ступни и расправил страницу.

«Я буду Сэмом. Я никогда не перестану им быть».

«Нет, не будешь! — Голос Шелби становился все громче. Она спрыгнула с кровати и расшвыряла стопку книг по столу; тысячи слов полетели на пол. — Это все самообман! У нас не будет имен, мы будем волками!»

«Заткнись! — заорал я. — Я все равно остаюсь Сэмом, даже когда превращаюсь в волка!»

В комнату ворвался Бек и по обыкновению молча оглядел сцену: мои книги, мою жизнь, мои мечты, распростертые под ногами у Шелби, и меня, с такой силой сжимающего измятого Йейтса, что побелели костяшки пальцев.

«Что здесь происходит?» — осведомился он.

Шелби ткнула в меня пальцем.

«Скажи ему! Скажи, что он не будет больше Сэмом, когда мы станем волками. Он не сможет остаться собой. Он даже имя свое не будет помнить. А я не буду больше Шелби».

Ее колотило от злости.

«Сэм всегда будет Сэмом», — так тихо, что я едва его слышал, произнес Бек.

Он взял Шелби за локоть и вывел из комнаты. Лицо у нее было потрясенное; с тех пор как она появилась к доме, он ни разу даже пальцем к ней не притронулся. Никогда еще я не видел его таким рассерженным.

«Чтобы я больше такого не слышал, Шелби. А не то я отправлю тебя туда, откуда ты сюда пришла. Я отправлю тебя обратно».

Шелби завопила в коридоре и умолкла лишь когда Бек захлопнул за ней дверь ее комнаты.

Проходя мимо моей спальни, он задержался на пороге. Я бережно складывал книги обратно на стол. Руки у меня тряслись.

Я ждал, что Бек скажет что-нибудь, но он лишь молча поднял с пола какую-то книгу и положил ее поверх стопки, а потом так же молча вышел.

Некоторое время спустя я случайно подслушал разговор Ульрика с Бекком; они не задумывались над тем, что в доме не так много мест, недоступных для слуха оборотня.

«Зря ты так с Шелби, — сказал Ульрик. — Она не так уж и не права. Зачем парню вся эта книжная премудрость, Бек? Можно подумать, он когда-нибудь сможет делать то, что делаешь ты».

Наступило долгое молчание, потом Ульрик сказал:

«Только не надо делать вид, что ты удивлен. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что ты задумал. Как, по-твоему, Сэм мог бы учиться в колледже?»

Снова повисло молчание.

«В летней школе, — сказал Бек. — А зачеты сдавать через Интернет».

«Ну ладно. Допустим, Сэм получит диплом. И что он будет с ним делать? Закончит юридическую школу через тот же Интернет? И что за юрист из него получится? Твои исчезновения на зиму люди терпят, потому что ты успел сделать себе имя еще до того, как тебя укусили. Сэму придется искать работу, на которой будут закрывать глаза на его непонятные исчезновения каждый год. Несмотря на все те премудрости, которыми ты забиваешь ему голову, ему придется довольствоваться работой на бензоколонке, как всем нам. Если он вообще дотянет до двадцати лет».

«Ты хочешь, чтобы он бросил учиться? Вот сам и скажи ему об этом. Я ему такого не скажу никогда».

«Я не предлагаю ему бросить учиться. Я предлагаю тебе оставить его в покое».

«Сэма никто не заставляет. Он сам хочет учиться. У него светлая голова».

«Бек. Ты только сделаешь парню хуже. Неправильно давать ему все средства добиться успеха только ради того, чтобы он обнаружил, что все равно не в состоянии воспользоваться ни одним из них. Шелби права. В конечном итоге мы все станем волками. Я могу читать ему немецкую поэзию, Пол учить причастиям прошедшего времени, а ты — играть ему Моцарта, но конец нас всех все равно ждет один и тот же: долгая холодная ночь и жизнь в лесу».

И снова повисло молчание, прежде чем Бек ответил усталым и чужим голосом:

«Оставь меня в покое, хорошо, Ульрик? Оставь меня в покое».

На следующий день Бек сказал мне, что я могу не делать домашнее задание, если не хочу, и куда-то уехал на машине в одиночку. Я дождался, когда он уедет, и все равно сделал задание.

Сейчас мне больше всего на свете хотелось, чтобы Бек был рядом со мной. Я повернул ключ в скважине, ожидая увидеть ящик, битком набитый накопившейся за много месяцев корреспонденцией и извещение, что за остальным нужно подойти к стойке.

Однако когда я открыл дверцу, внутри оказалось dna одиноких письма и несколько рекламных листовок.

Кто-то побывал здесь. И совсем недавно.

Глава 30

Сэм

41 °F

— Ты не против, если я заеду к Оливии? — спросила Грейс, забравшись в машину.

Вместе с ней в салон ворвался холодный воздух, заставивший меня отпрянуть, и она поспешно захлопнула за собой дверцу.

— Прости, — сказала она. — Холодно. В общем, я не хочу к ней заходить. Просто заеду посмотреть. Рейчел сказала, у дома Оливии крутился волк. Может быть, мы сможем что-нибудь там разведать?

— Поехали. — Я взял ее руку и поцеловал кончики пальцев, потом вернул обратно на руль, а сам сгорбился на кресле и вытащил перевод Рильке, который прихватил с собой, чтобы скоротать время в ожидании Грейс.

В ответ на мое прикосновение губы Грейс слегка дрогнули, однако она не стала ничего говорить и выехала со стоянки. Я смотрел на ее лицо, сосредоточенно-отрешенное, на решительную линию рта, и ждал, скажет она, что у нее на уме, или нет. Но она молчала, и я уткнулся в книгу.

— Что ты читаешь? — после долгого молчания спросила Грейс.

Я был практически уверен, что прагматичная Грейс никогда не слышала о Рильке.

— Стихи.

Грейс вздохнула и устремила взгляд на тусклое белое небо, словно наваливавшееся на дорогу.

— Я не воспринимаю поэзию. — Она, похоже, сообразила, что ее замечание может показаться обидным, потому что поспешно добавила: — Наверное, я читаю неправильные стихи.

— Ты просто неправильно их читаешь. — Я видел стопку книг, дожидавшихся своего часа на столике Грейс: там была документалистика, книги о явлениях, а не о том, как их описывают. — Нужно слушать музыку слов, а не пытаться увидеть за ними смысл. Как песню.

Она нахмурилась, и я нашел в книге нужную страницу и придвинулся к Грейс вплотную, так что наши бедра соприкоснулись.

Грейс покосилась на книгу.

— Они даже не на английском!

— Некоторые — на английском. — Я вздохнул, погружившись в воспоминания. — По стихам Рильке Ульрик учил меня немецкому. А теперь я буду учить тебя понимать поэзию.

— Этот язык мне определенно не знаком, — заметила Грейс.

— Определенно, — согласился я. — Вот, послушай. «Was soli ich mit meinem Munde? Mit meiner Nacht? Mit meinem Tag? Ich habe keine Geliebte, kein I laus, keine Stelle auf der ich lebe».

На лице Грейс отразилось замешательство. Она с очаровательной досадой закусила губу.

— Ну и что это значит?

— Это не главное. Главное — как это звучит, а не что значит.

Я силился найти слова, чтобы донести до нее свою мысль. Мне нужно было напомнить

ей, что она влюбилась в меня как в волка. Безслов. Сумела увидеть за волчьей шкурой то, что скрывалось внутри. То, что делало меня Сэмом, в каком бы обличье я ни находился.

— Прочитай еще раз, — попросила Грейс.

Я подчинился.

Она забарабанила пальцами по рулю.

— Звучит печально, — сказала она. — Ты улыбаешься... значит, я угадала.

Я открыл английский перевод.

— «И замкнулись уста. Я не знаю, что мне ночь теперь, что мне день? Что...^[3]» Тьфу.

Не нравится мне этот перевод. Завтра привезу из дома другой. Но да, это печальное стихотворение.

— Я заслужила приз?

— Возможно.

Я накрыл ее ладонь своей, и наши пальцы переплелись. Не отводя глаз от дороги, она поднесла наши сплетенные пальцы к губам, поцеловала мой указательный палец, а потом слегка прикусила его зубами.

И взглянула на меня с немым вызовом в глазах.

Это меня добило. Я уже открыл рот сказать ей, чтобы немедленно остановила машину, потому что мне нужно ее поцеловать.

И тут я увидел волка.

— Грейс. Стой... останови машину!

Она закрутила головой по сторонам, пытаюсь понять, что я такое увидел, но волк уже перемахнул через кювет и устремился в редкий лесок.

— Грейс, стой, — повторил я. — Там Джек.

Она ударила по тормозам, машину чуть повело, но она выровняла ее и свернула к обочине. Я не стал дожидаться, когда машина остановится, на ходу распахнул дверцу и выскочил на мерзлую землю, едва не взыв от боли в лодыжках. Передо мной простирался лес. Клубы едкого дыма стелились между деревьями, мешаясь с низкими белесыми облаками, затянувшими небо; за лесом кто-то жег палую листву. Сквозь дым я различил сизо-серого волка; он замер в нерешительности на краю леса, не в силах понять, гонятся за ним или нет. Кожа у меня пошла мурашками от холода; волк оглянулся на меня. Карие глаза. Джек. Больше никому.

А потом он исчез, как сквозь землю провалился, растаял в дыму. Я рванул за ним, в один прыжок перемахнув через кювет, и бросился сквозь чахлую поросль безжизненных зимних деревьев.

Джек с треском ломился через лес; ему сейчас важнее было оторваться от меня, а не затаиться. Я чувал его страх. Дым здесь был гуще, трудно было разобрать, где кончается дым и начинается небо, стиснутое в клешнях голых ветвей. Я с трудом различал перед собой Джека; на своих четырех лапах он был проворней меня, и холод тоже был ему нипочем.

Пальцы у меня заоченели и болели, от холода щипало кожу на шее и сводило под ложечкой. Я почти потерял из виду волчий силуэт впереди; внезапно волк, скрывавшийся у меня внутри, оказался гораздо ближе.

— Сэм! — закричала Грейс.

Она схватила меня за рубаху, вынудив остановиться, и наинула мне на плечи свое пальто. Я закашлялся, хватая ртом воздух и пытаюсь подавить в себе волка, который рвался наружу. Меня била дрожь; она обвила меня руками, повторяя:

— О чем ты думал? О чем ты...

Не договорив, она потащила меня обратно к дороге; мы оба спотыкались, колени у меня подгибались. С каждым шагом я все больше слабел, а перед кюветом сил у меня и вовсе не осталось, но Грейс, не колеблясь, подхватила меня под локоть и затащила в машину.

Очутившись внутри, я уткнулся холодным лицом в ее горячую шею; меня неудержимо трясло, и она обхватила меня руками. Я остро ощущал кончики моих пальцев, каждый очажок боли, пульсирующий сам по себе.

— Ты что, с ума сошел? — Грейс стиснула меня в объятиях с такой силой, что дыхание перехватило. — Сэм, нельзя так! Там же холодно! Что на тебя нашло?

— Не знаю, — выдохнул я ей в шею и сжал руки в кулаки, чтобы согреться. Я и в самом деле этого не знал. Я знал лишь, что Джек — чужак, и понятия не имел, что он за человек, какой он волк. — Не знаю, — повторил я снова.

— Сэм, он того не стоит, — проговорила Грейс и уткнулась лбом мне в висок. — А если бы ты превратился в волка? — Пальцы ее вцепились в рукава моей рубахи, в голосе послышались слезы. — О чем ты думал?

— Я вообще не думал, — чистосердечно признался я. Наконец-то я согрелся настолько, что перестал дрожать и, откинувшись на спинку кресла, поднес руки к соплам обдува. — Прости.

Довольно долго было совсем тихо, если не считать сбивчивого рокота работающего вхолостую мотора. Потом Грейс произнесла:

— Сегодня ко мне подошла Изабел. Сестра Джека. — Грейс помолчала. — Она сказала, что разговаривала с ним.

Я ничего не сказал, лишь крепче сжал сопла, как будто мог удержать тепло.

— Но ты не можешь повсюду за ним гоняться. Становится слишком холодно, не стоит рисковать. Дай мне слово, что больше так не будешь?

Я опустил глаза. Когда у нее был такой голос, как сейчас, я не мог на нее смотреть.

— Так что там с Изабел? Расскажи мне, что она сказала.

Грейс вздохнула.

— Не знаю. Ей известно, что Джек жив. Она считает, что к этому имеют какое-то отношение волки, и думает, будто я знаю больше, чем говорю. Что нам делать?

Я уткнулся лбом в руки.

— Я не знаю. Эх, был бы здесь Бек!

Мне вспомнились два одиноких конверта в ящике на почте, волк в лесу и покалывание в кончиках пальцев, которое до сих пор не прошло. Возможно, Бек сейчас здесь.

Надежда ранила сильнее, чем холод.

Наверное, надо было мне искать не Джека.

Стоило мне только раз позволить себе мысль, что Бек может до сих пор находиться в человеческом обличье, как эта идея завладела мной целиком и полностью. Я потерял покой и сон, в голове у меня постоянно крутились способы выследить его. Одолевали меня и сомнения — забрать почту и купить молоко мог любой член стаи — но я ничего не мог с собой поделать. Надежда затмевала все. На следующее утро за завтраком мы с Грейс болтали о ее домашнем задании по математике — для меня это была китайская грамота, — о ее богатой взбалмошной подруге Рейчел и о том, есть у черепах зубы или нет, но на самом деле мысли мои были заняты Беком.

Я отвез Грейс в школу и попытался сделать вид, что не собираюсь напрямую отправиться к дому Бека.

Его там не было. Я и так это знал.

Однако проверить еще раз все равно не мешало.

По пути я обдумывал то, что позавчера вечером Грейс сказала про электричество и про молоко в холодильнике. Возможно, всего лишь возможно, что Бек окажется дома и снимет с меня груз ответственности за Джека и невыносимое бремя осознания того, что ты последний из стаи. Даже если в доме никого не окажется, я возьму запасную одежду и еще один томик Рильке, а потом поброжу по комнатам, вдыхая аромат воспоминаний о нашем братстве.

Всего три года назад все было совсем по-другому; тогда большинство из нас еще не утратило способность принимать свой подлинный, человеческий облик. В доме было не протолкнуться: Пол, Шелби, Ульрик, Бек, Дерек и даже бешеный Салем одновременно были людьми. Когда справляешься с безумием вместе, оно кажется не таким безумным.

Я свернул на дорожку, ведущую к дому Бека, и притормозил, с замиранием сердца заметив едущую впереди машину. Однако радость моя была преждевременной: это оказался незнакомый «шевроле-тахо». Загорелись тормозные огни, тусклые в сером дневном свете, и я опустил стекло, пытаясь уловить какой-нибудь запах. Однако не успел я ничего вынюхать, как хлопнула водительская дверца. Легкий ветерок донес до меня запах водителя, отчетливый и слегка отдающий дымом.

Бек. Я остановил «бронко» у обочины и выскочил на дорогу; из-за машины показался Бек, и губы мои растянулись в широкой улыбке. Его глаза на миг распахнулись, потом его лицо расплылось точно в такой же широкой улыбке; тонкие морщинки-лучики свидетельствовали о том, что делал он это часто.

— Сэм! — Голос Бека показался мне каким-то странным; я списал это на удивление. Его улыбка стала еще шире. — Сэм, слава богу! Иди сюда!

Он обнял меня и похлопал по спине тем дружеским жестом, который ему каким-то образом всегда удавалось не превратить в фамильярный. Должно быть, он научился этому за годы адвокатской практики; уж что-что, а обаять человека он умел. Я против воли отметил, что он еще больше раздался в талии и казался почти толстым. Не знаю, сколько рубашек на нем было надето под пальто для тепла, чтобы он не превратился в волка, но я разглядел два разноцветных воротничка.

— Где ты был?

— Я...

Я чуть было не начал рассказывать ему о том, как познакомился с Грейс и увидел Джека, но что-то меня удержало. Не знаю что. Точно не Бек, который смотрел на меня искренним взглядом своих внимательных голубых глаз. Дело было в чем-то другом, в каком-то странном запахе, слабom, но знакомом, от которого мышцы у меня свело, а язык прилип к гортани. Все было как-то не так. Как-то неправильно. Мой ответ прозвучал более уклончиво, чем я рассчитывал.

— Да так... в одном месте. Не здесь. Тебя тоже здесь не было, как я заметил.

— Угу, — подтвердил Бек и, обогнув машину, направился к багажнику. Я отметил, что она заляпана грязью. Грязью, которая пахла чужими краями, залепляла колесные арки и пятнала крылья. — Мы с Салемом ездили в Канаду.

Так вот почему в последнее время Салема нигде не было видно. С Салемом всегда было сложно: он и человеком-то был не вполне нормальным, так что и волк из него вышел тоже малость не в себе. Я был совершенно уверен, что это Салем тогда утащил Грейс с качелей. Каким образом Бек вынес путешествие на машине в компании Салема, для меня было загадкой. Еще большей загадкой было — ради чего.

Бек прищурился.

— От тебя пахнет больницей, — сказал он. — И выглядишь ты — краше в гроб кладут.

— Ну, спасибо, — откликнулся я. Видимо, рассказа о произошедшем все же было не миновать. Мне не верилось, что больничной запах не выветрился за неделю с лишним, однако сморщенный нос Бека говорил именно об этом. — Меня подстрелили.

Бек прикрыл рот ладонью.

— Господи. И куда? Надеюсь, не в какое-нибудь пикантное место?

Я похлопал себя по шее.

— Нет, ничего пикантного.

— Все в порядке?

Он имел в виду, с нами? Не узнал ли кто-нибудь о нас? «Есть тут одна девушка. Она потрясающая. Ей все известно, но это не страшно». Я произнес эти слова про себя, но они упрямо звучали как-то не так. Мне представилось, как Бек твердит мне, что мы не должны раскрывать нашу тайну никому со стороны. Поэтому я просто пожал плечами.

— Да в порядке, как обычно.

И тут в глазах у меня потемнело. Он ведь учует запах Грейс в доме.

— Господи, Сэм, — сказал Бек. — Почему ты не позвонил мне на мобильный? Когда тебя подстрелили?

— У меня нет твоего номера. Нового, я имею в виду.

Нам приходилось каждый год менять номера, поскольку за зиму прежние становились недействительными.

И снова мне не понравилось выражение его лица. Сочувствие. Нет, жалость. Я сделал вид, что не заметил его.

Бек порылся в кармане и вытащил сотовый телефон.

— Вот, держи. Это Салема. Ему он больше не понадобится.

— Гавкни один раз, если «да», и два, если «нет»?

Бек усмехнулся.

— Именно. Мой номер уже забит в память. На, пользуйся. Надо будет только зарядник

купить.

Мне показалось, что он собирается спросить у меня, где я живу, а отвечать мне не хотелось, поэтому я кивнул на «тахо».

— Так чего ради вся эта грязь? Вся эта поездка? — Я постучал кулаком по крылу машины и, к моему изумлению, услышал ответный стук. Пожалуй, даже грохот, как будто кто-то изнутри ударил по машине ногой. Я вскинул бровь. — Там что, Салем?

— Он в лесу. Этот подонки превратился в волка в Канаде, так что мне пришлось везти его обратно в багажнике, а он линяет как сумасшедший. И знаешь что? Я думаю, что он ненормальный.

Мы с Беким как по команде расхохотались; можно подумать, это была новость.

Я взглянул на то место, где почувствовал удар.

— Так что там грохочет?

Бек вскинул брови.

— Наше будущее. Хочешь взглянуть?

Я пожал плечами и отступил назад, чтобы он мог открыть багажник. Если я полагал, что готов увидеть то, что оказалось внутри, то жестоко ошибался.

Задние сиденья «тахо» были сложены, чтобы освободить больше места, и в багажник были затолканы три тела. Человеческих. Один сидел, неловко прислонившись к спинке сиденья, другая скорчилась в позе человеческого эмбриона, третий, изогнувшись, лежал вдоль двери. Руки у всех троих были связаны пластиковыми ремешками.

Почувствовав на себе мой взгляд, парень, привалившийся к спинке сиденья, уставился на меня в ответ налитыми кровью глазами. Он был моего возраста, может, чуть-чуть помладше. Руки у него были в крови, как и пол в машине. А потом в нос мне ударил их запах: металлический запах крови, потный страх, запах земли, тот же самый, что исходил от заляпанных грязью колес «тахо». И волчий дух, повсюду — запах Бека, Салема и других, незнакомых волков.

Девчонка, съездившаяся на полу, дрожала, а когда я повнимательнее пригляделся к парнишке, впившемуся в меня взглядом, то заметил, что и его тоже бьет дрожь, а пальцы сжимаются и разжимаются, сплетенные в перепутанный узел страха.

— Помогите, — прошептал он.

Я отшатнулся; ноги отказывались меня держать. Прикрыв рот ладонью, я заставил себя подойти поближе. Мальчишка смотрел на меня умоляющим взглядом.

Краем сознания я отметил, что стоящий рядом Бек наблюдает за мной, но все равно не мог отвести глаз от этих ребят. Собственный голос показался мне чужим.

— Нет. Нет. Их укусили. Бек, их укусили.

Я обернулся, схватился за голову, повернулся обратно, чтобы еще раз взглянуть на эту троицу. Мальчишку колотило, но он не сводил с меня настойчивых глаз. «Помогите».

— Черт побери, Бек. Что ты натворил? Что ты, черт тебя дерит, натворил?

— Ты закончил? — осведомился Бек хладнокровно.

Я снова обернулся к нему, зажмурился, опять открыл глаза.

— Закончил?! Как я могу закончить? Бек, эти ребята вот-вот превратятся в волков.

— Я не намерен ничего с тобой обсуждать, пока ты не возьмешь себя в руки.

— Бек, ты это видишь? — Я наклонился, глядя на девчонку в обтягивающей «вареной» футболке, цепляющуюся за окровавленный коврик на полу багажника. Ей было от силы восемнадцать. Я попытался, как будто это могло заставить их исчезнуть. — Что происходит?

Парнишка застонал, уткнувшись лицом в связанные запястья. Кожа его стала пепельно-серой: превращение началось.

Я отвернулся. Я не мог на это смотреть. Слишком хорошо помнил, что мне самому пришлось пережить в первые дни. Я просто стоял, обхватив голову руками и зажимая ее между запястьями точно в тисках, и монотонно повторял: «Черт, черт, черт», пока не убедил себя, что не слышу их воплей. Они даже не звали на помощь; наверное, уже поняли, что дом Бека стоит на отшибе и никто все равно их не услышит. Или просто сдались.

— Поможешь мне перетащить их в дом? — спросил Бек.

Я крутанулся ему навстречу и увидел, как волк стряхнул с себя ставшие слишком большими пластиковые ремешки и футболку; девчонка у него под ногами застонала, и он с рычанием отпрянул. В мгновение ока Бек по-звериному гибким движением вскочил в машину и шваркнул его об пол. Одной рукой он стиснул волчьи челюсти и впился взглядом в глаза.

— Не вздумай лезть в драку, — рявкнул он на волка. — Ты здесь никто.

Бек отпихнул волчью морду, и голова зверя, безвольно мотнувшись, глухо стукнула об пол. Его опять начало трясти; он готов был снова превратиться в человека.

Господи. Я не мог на это смотреть. У меня было такое чувство, как будто это я сам переживаю все заново, как будто это я не знаю, в чьей шкуре буду через секунду. Я перевел взгляд на Бека.

— Ты специально это сделал?

Бек присел на краешек машины, как будто рядом с ним не было ни содрогающегося в конвульсиях волка, ни исходящей криком девчонки. Ни того, третьего, — он до сих пор не подавал признаков жизни. Отдал концы?

— Сэм, возможно, это мой последний год. Скорее всего, в следующем году я уже не превращусь в человека. Мне и в этом-то году пришлось пошевелить мозгами, чтобы не превратиться обратно в волка. — Он перехватил мой взгляд, устремленный на его многочисленные воротнички, и кивнул. — Нам нужен этот дом. Он нужен стае. И защитники нужны, которые способны перекидываться. Ты же сам знаешь. Полагаться на людей мы не можем. Мы должны сами заботиться о себе.

Я промолчал.

Он тяжело вздохнул.

— Для тебя этот год тоже последний, да, Сэм? Я вообще думал, что ты в этом году не будешь превращаться. Когда я превратился в человека, ты еще был волком, хотя на самом деле все должно было быть наоборот. Не знаю, почему тебе выпало так мало лет. Возможно, это из-за того, что твои родители с тобой сделали. Ужасно обидно. Ты лучший из них.

Я ничего не ответил, потому что у меня не хватило дыхания. Все, на чем я мог сосредоточиться, была запекшаяся в его волосах кровь. Я замечал ее раньше, потому что волосы у него были темно-рыжие, но из-за крови они склеились и образовали жесткий вихор.

— Сэм, кто, по-твоему, должен приглядывать за стаей? Шелби? Нам нужны были новые волки. Несколько волков, которые только стали оборотнями, чтобы можно было еще лет восемь — десять ни о чем не беспокоиться.

Я не сводил глаз с запекшейся крови в его волосах.

— А Джек? — тусклым голосом спросил я.

— Парнишка с ружьем? — Бек поморщился. — Скажи спасибо Салему с Шелби. Я не

могу сейчас его искать. Слишком холодно. Придется ему самому на нас выходить. Главное, чтобы он за это время не натворил глупостей. Надеюсь, у него хватит ума держаться подальше от людей, пока он не стабилизируется.

Девчонка рядом с ним закричала — тоненько и пронзительно, из последних сил. Между двумя приступами дрожи кожа ее сменилась молочно-голубой, волчьей. По спине пробежала волна, руки вскинули тело, превращаясь в мощные лапы. Я вспомнил эту боль так отчетливо, словно сам превращался в волка, — боль утраты. Пронзительная мука того мгновения, когда я переставал быть собой. Утрачивал то, что делало меня Сэмом. Ту часть меня, которая помнила имя Грейс.

Я смотрел, как она борется, и в глазах у меня стояли слезы. Мне хотелось схватить Бека и вытрясти из него душу за то, что он сделал с ними. Но какая-то часть меня отстраненно думала: «Слава богу, что Грейс не пришлось пройти через все это».

— Бек, — сказал я и поморгал, прежде чем взглянуть на него. — Гореть тебе за это в аду.

Дождаться его ответа я не стал. Я молча ушел, жалея, что вообще сюда приехал.

В ту ночь, как и во все остальные ночи с тех пор, как я ее встретил, я лежал, обнимая Грейс, и прислушивался к приглушенным голосам ее родителей в гостиной.

Они были такие шумные, то смеялись, то болтали, то гремели посудой в кухне, хотя я ни разу не видел никаких следов их стряпни. Они напоминали мне студентов, которые нашли младенца в корзине и не имели ни малейшего понятия, что с ним делать. Какой была бы Грейс, живи она в моей семье — в стае? Будь рядом с ней Бек?

В ушах у меня звучали слова Бека, подтверждавшие то, чего я страшился. Все так и было, это действительно мой последний год.

— Вот и все, — выдохнул я беззвучно, как будто примериваясь к этим словам.

Грейс в бережном кольце моих рук вздохнула и уткнулась мне в грудь. Она уже спала. В отличие от меня, которому приходилось охотиться на сон с отравленными стрелами, Грейс засыпала в мгновение ока. Я ей завидовал.

Перед глазами у меня снова и снова вставали Бек и те ребята.

Мне хотелось рассказать об этом Грейс. И не хотелось ей об этом рассказывать.

Мне было стыдно за Бека, я разрывался между верностью ему и верностью самому себе — а ведь до сих пор я даже не сознавал, что это не одно и то же. Мне не хотелось, чтобы Грейс плохо о нем думала, но необходимо было с кем-нибудь поделиться, снять со своей души этот непосильный камень.

— Спи давай, — пробормотала она еле слышно и просунула руку мне под футболку, что отнюдь не способствовало засыпанию.

Я со вздохом поцеловал ее сомкнутые веки. Она довольно засопела и прошептала, не открывая глаз:

— Тише, Сэм. Что бы тебя ни беспокоило, это может подождать до утра. А если не дождется, значит, не так уж оно было и важно. Спи.

И я послушно уснул.

Глава 32

Грейс

45 °F

С утра Сэм сказал мне: «Пора пригласить тебя на настоящее свидание». Вообще-то, самые первые его слова были: «По утрам у тебя такая классная прическа», но первое серьезное высказывание (а принимать всерьез его уверения в том, что по утрам мои волосы выглядят классно, я отказывалась) было про свидание. Занятий в школе сегодня не было, у нас образовался полностью свободный день, и это казалось незаслуженной роскошью. Сэм помешивал в кастрюле овсянку и через плечо поглядывал на входную дверь. Хотя мои родители с утра пораньше отправились на какой-то пикник от отцовской работы, он, похоже, опасался, как бы они не появились раньше времени и не спустили его с лестницы.

Я оперлась о столешницу и заглянула в кастрюлю. Перспектива есть на завтрак овсянку меня не прельщала. Я как-то попыталась ее сварить и нашла вкус слишком... здоровым.

— Так что там насчет свидания? Куда ты меня поведешь? В какое-нибудь захватывающее местечко вроде лесной чащи?

Он прикрыл мне рот ладонью. Моя шутка явно не показалась ему смешной.

— На обычное свидание. Будем есть что-нибудь вкусное и развлекаться.

Я повернулась, и его ладонь оказалась на моих волосах.

— Угу, — саркастически буркнула я, потому что он так и не улыбнулся. — А я-то думала, ты не делаешь ничего обычного.

— Достань две глубокие тарелки, ладно? — попросил Сэм.

Я выставила тарелки на стол, и Сэм разложил по ним сладкую кашу.

— Я просто хочу пригласить тебя на нормальное свидание, чтобы у тебя осталось что вспомнить...

Он осекся и опустил глаза, опершись ладонями о стол так, что плечи у него поднялись чуть не до ушей. В конце концов он повернулся ко мне и закончил:

— Я хочу, чтобы у нас все было по-человечески. Давай попробуем вести себя как обычные люди?

Я кивнула и, придвинув к себе тарелку, отправила в рот ложку каши. Сэм добавил в нее коричневого сахара, кленового сиропа и еще каких-то пряностей. Я ткнула перемазанной в каше ложкой в Сэма.

— Я и так веду себя как обычный человек. Каша слишком сладкая.

— Вот она, человеческая благодарность, — вздохнул Сэм и удрученно взглянул на свою тарелку. — Тебе не понравилось?

— Да нет, все нормально.

— Бек варил мне такую кашу, когда я перестал поедать яйца в безумных количествах.

— А ты их поедал?

— Я был своеобразным ребенком. — Сэм кивнул на мою тарелку. — Если не хочешь, можешь не есть. Заканчивай завтракать, и пойдем.

— Куда?

— Сюрприз.

Больше ничего мне можно было не говорить. Злосчастная овсянка вмиг была съедена, я

натянула пальто и шапку и схватила рюкзак.

Впервые за все утро Сэм рассмеялся, и у меня отлегло от сердца.

— Ты прямо как щенок. Я звякнул ключами, а ты уже скачешь перед дверью в ожидании прогулки.

— Гав-гав.

Сэм похлопал меня по голове, проходя мимо, и мы вышли в прохладное белесое утро. Когда «бронко» уже выехал на дорогу, я снова попробовала попытаться:

— Может, все-таки скажешь мне, куда мы едем?

— Не-а. Единственное, что я тебе скажу: притворимся, что я сделал это в первый же день, когда познакомился с тобой, вместо того чтобы схлопотать пулю.

— Моего воображения на это не хватит.

— Зато моего хватит. Я буду воображать это вместо тебя, так убедительно, что тебе придется в это поверить. — Он улыбнулся, чтобы продемонстрировать силу своего воображения, но улыбка вышла такая печальная, что у меня защемило сердце. — Я буду ухаживать за тобой как полагается, тогда моя одержимость тобой не будет казаться такой пугающей.

— А мне кажется, что это я пугающе тобой одержима. — Мы выехали со двора, и я выглянула в окно. С неба медленно падали снежные хлопья. — У меня этот... как же он называется? Когда идентифицируешь себя с тем, кто тебя спас?

Сэм покачал головой и свернул в противоположную от школы сторону.

— Ты имеешь в виду синдром Мюнхгаузена? Когда человек идентифицирует себя со своим похитителем?

Теперь уже я покачала головой.

— Это не одно и то же. Синдром Мюнхгаузена — это когда человек выдумывает себе несуществующие болезни, чтобы привлечь внимание.

— Да? Мне просто нравится слово «Мюнхгаузен». Когда я его произношу, у меня появляется такое чувство, что я умею говорить по-немецки.

Я рассмеялась.

— Ульрик родом из Германии, — сказал Сэм. — Он знает уйму захватывающих историй про оборотней. — Он свернул на главную городскую магистраль и принялся высматривать место для парковки. — Говорит, в былые времена люди добровольно позволяли себя укусить.

Я смотрела в окно. Магазины всех оттенков серого и коричневого под свинцовым небом казались еще более серыми и коричневыми, а для октября дыхание подступающей зимы было пугающе ощутимым. На деревьях по обочинам дороги не осталось ни одного зеленого листа, а некоторые из них и вовсе лишились листвы, усугубляя безрадостное впечатление от города. Повсюду, куда бы ни падал взгляд, был один лишь бетон.

— С чего бы это?

— В сказках они превращались в волков и крали овец и другой домашний скот, когда не хватало еды. А некоторые становились оборотнями просто забавы ради.

Я вгляделась в его лицо, пытаясь понять, шутит он или нет.

— А что, это так забавно?

Он отвел глаза. Наверное, неловко стало за собственный ответ, подумала я, но потом поняла, что он просто пытается припарковаться перед какими-то магазинчиками.

— Некоторым из нас вроде бы нравится, во всяком случае, больше, чем человеческая

жизнь. Шелби вон просто в восторге — но я подозреваю, что ее вообще жизнь не баловала. Не знаю. Моя волчья ипостась так срослась со мной, что представить свою жизнь без нее мне сложно.

— В хорошем смысле или в плохом?

Сэм вскинул на меня свои желтые глаза.

— Я скучаю по себе настоящему. И по тебе. Все время.

Я уткнулась взглядом в руки.

— Но сейчас-то не скучаешь.

Сэм протянул руку и коснулся моих волос, погрузил в них пальцы и принялся разглядывать, как будто в их тусклых русых прядях были скрыты какие-то мои тайны. На щеках у него выступил легкий румянец; он до сих пор краснел, когда собирался сказать мне какой-нибудь комплимент.

— Нет, — признался он, — сейчас я даже вспомнить не могу, что такое быть несчастным.

На глаза у меня почему-то навернулись слезы. Я сморгнула, радуясь, что все его внимание поглощено моими волосами. Повисла долгая пауза.

— Ты не помнишь, как на тебя напали? — произнес он.

— Что?

— Ты совсем не помнишь, как на тебя напали?

Я нахмурилась и переложила рюкзак к себе на колени, застигнутая врасплох таким неожиданным поворотом в разговоре.

— Да не знаю. Может, и помню. Там была целая куча волков, я и не представляла себе, что их может быть столько. Я помню тебя — помню, как ты стоял в стороне, а потом ткнулся носом мне в руку... — Сэм коснулся моей ладони, — и в щеку. — Он погладил меня по щеке. — Пока все остальные выдирали меня друг у друга. Они хотели съесть меня?

— Ты не помнишь, что произошло потом? — ласково спросил он. — Как ты осталась жива?

Я напрягла память. Повсюду был снег, и что-то красное, и волчье дыхание било в лицо. Потом я слышала мамин крик. Но что случилось в промежутке? Я должна была каким-то образом добраться из леса до дома. Я попыталась нарисовать в своем воображении картину, как бреду по колено в снегу.

— Я сама дошла до дома?

Он смотрел на меня, дожидаясь, когда я отвечу на собственный вопрос.

— Нет, не похоже. Я этого не помню. Но почему?

Мозг отказывался подчиняться мне, и это вызвало у меня досаду. Казалось бы, чего проще. Однако я помнила лишь запах Сэма, окутывающий меня со всех сторон, а потом как мама в панике металась по дому, пытаюсь найти телефон.

— Ладно, выкинь это из головы, — сказал Сэм. — Это неважно.

Но мне показалось, что это очень даже важно.

Я закрыла глаза, и в памяти всплыл запах зимнего леса и ощущение тряски у кого-то на руках. Я снова открыла глаза.

— Это ты меня принес.

Сэм вскинул на меня глаза.

Я вдруг разом вспомнила все, как вспоминаешь горячечные сны.

— Но ты был в человеческом виде, — произнесла я. — Я же помню, что видела тебя

волка. А чтобы донести меня, ты должен был превратиться в человека. Как ты это сделал?

Он растерянно пожал плечами.

— Не знаю, как это произошло. Когда меня подстрелили, случилось то же самое. Ведь когда ты нашла меня, я был человеком.

В груди у меня трепыхнулась робкая надежда.

— Значит, ты можешь превращаться в человека усилием воли?

— Не совсем. Так случалось всего дважды. И мне не удалось повторить это снова, ни разу, как бы я ни старался. А старался я изо всех сил, можешь мне поверить.

Сэм заглушил мотор, давая понять, что разговор закончен, и я полезла в рюкзак за шапкой. Пока он запирал машину, я ждала его на тротуаре.

Сэм обошел машину сзади и при виде меня остановился как вкопанный.

— Господи, а это что такое?

Я поправила свою шапку с помпоном.

— Это называется «шапка». Чтобы уши не мерзли.

— Господи, — повторил Сэм и, преодолев разделявшее нас расстояние, обхватил мое лицо ладонями и внимательно меня оглядел. — Какая прелесть.

Он поцеловал меня, взглянул на шапку и поцеловал меня еще раз.

Я дала себе слово, что буду хранить эту шапку всю жизнь. Сэм продолжал держать мое лицо в ладонях; я была уверена, что теперь на нас глазеет весь город. Но мне не хотелось от него отрываться, и я позволила ему поцеловать меня еще раз, на этот раз нежно-нежно, еле ощутимо, а потом он выпустил мое лицо и взял меня за руку.

Дар речи ко мне вернулся не сразу, зато губы неудержимо растянулись в улыбке.

— Ну ладно. Так куда мы идем?

Погода стояла довольно холодная, так что идти, очевидно, было недалеко; долго оставаться на улице нам было нельзя.

Пальцы Сэма переплелись с моими.

— Первым делом — в Грейс-магазин. Именно так должен поступать настоящий джентльмен.

Я прыснула, что вообще-то было совершенно мне не свойственно, и Сэм рассмеялся, потому что знал это. Я была пьяна им. Он привел меня к «Корявой полке», независимому книжному магазинчику; я уже с год сюда не наведывалась. При том, с какой скоростью я поглощала книги, это казалось глупым, но я была всего лишь школьницей, не избалованной деньгами. Я брала книги в библиотеке.

— Это ведь Грейс-магазин?

Сэм толкнул входную дверь, не дожидаясь ответа. В нос ударил восхитительный запах новеньких книг, немедленно напомнивший мне о Рождестве. Родители всегда дарили мне на Рождество книги. Мелодично дзинькнув колокольчиком, дверь магазина захлопнулась за нами, и Сэм выпустил мою руку.

— Ну, куда? Я куплю тебе какую-нибудь книгу. Я ведь знаю, тебе хочется.

Я улыбнулась и снова вдохнула этот запах. Сотни тысяч страниц, которые никто и никогда не переворачивал, ждали меня. Стеллажи светлого дерева были плотно заставлены разноцветными корешками. На столиках возвышались стопки новинок; на их гляцевых обложках играл свет. За крохотным прилавком, где сидел, не обращая на нас ни малейшего внимания, кассир, виднелась лестница, застеленная толстым ковром цвета красного вина и ведущая в неведомые миры.

— Так бы здесь и поселилась, — вздохнула я.

Сэм с явным удовольствием взглянул на меня.

— Я помню, как смотрел на тебя, когда ты читала на своих качелях. Даже в самую отвратительную погоду. Почему ты не шла читать в дом?

Мой взгляд был прикован к бесконечным рядам книг.

— Когда читаешь на улице, все кажется более реальным. — Я закусила губу; глаза у меня разбегались. — Даже не знаю, с чего начать.

— Я кое-что тебе покажу, — сказал Сэм. Он произнес это таким тоном, что я немедленно поняла: это не просто кое-что, а нечто потрясающее, недаром он с утра хотел показать мне это. Он снова взял меня за руку и повел по магазину — мимо равнодушного кассира, вверх по тихой лестнице, которая поглощала наши шаги и не собиралась их отдавать.

Мы оказались в небольшом помещении на втором этаже, раза в два с лишним меньше торгового зала внизу, обнесенном перилами, чтобы никто не свалился на первый этаж.

— Я проработал здесь одно лето. Садись и жди.

Сэм подвел меня к продавленному бордовому диванчику, который занимал большую часть пространства. Я стащила шапку, села, завороченная его властным тоном, и, пока он искал что-то на полках, беззастенчиво разглядывала его задницу. Не подозревая о моем пристальном к себе внимании, он присел и провел пальцами по корешкам книг, как будто они были его старыми друзьями. Я любовалась его плечами, склоненной набок головой, его напряженной рукой, которой он для устойчивости оперся на пол, широко расставив пальцы. Наконец он нашел то, что искал, и вернулся к диванчику.

— Закрой глаза, — велел он и, не дожидаясь, когда я подчинюсь, прикрыл мне глаза ладонью.

Я почувствовала, как прогнулись под тяжестью его тела диванные подушки, когда он присел рядом, слышала невыносимо громкий звук открываемой обложки, шорох переворачиваемых страниц.

Потом его дыхание зашепотало мне ухо, и он еле слышно начал читать:

*Я в мире совсем одинок, но все ж не совсем,
не весьма,*

чтобы каждый мне час был как Бог.

*Я в мире и мал, и ничтожен, но все ж не совсем,
не весьма,*

*чтобы лечь Твоим промыслом, Боже,
во мглу ума.*

*Вольно мне быть вольным, я Воле позволю
деяньем
стать без помех...*

Он умолк, и довольно долгое время тишину нарушало лишь его чуть сбивчивое дыхание, потом он продолжил:

*когда же и время замрет, беременное ожиданьем,
быть хочу среди тех,*

*кто тайн Твоих господин,
или — один.
Хочу быть подобьем Твоим, во весь рост Тебя
нести,
о, дай не ослепнуть — от вечности глаз
не отвести,
образ Твой удержать, не сгибаясь, не падая.
Весна среди сада я.
И мне не склониться вовеки.
Ибо там я не с Богом, где я согбен.* [\[4\]](#)

Я повернулась на его голос, не открывая глаз, и он коснулся моих губ своими, потом на миг отстранился, положил книгу на пол и обнял меня.

Губы у него были холодные и терпкие, обжигающие, как зимняя мята, но его руки, бережно прижимающие меня к себе, сулили впереди долгую череду дней, лето и вечность. У меня закружилась голова, как будто не хватало воздуха, словно кто-то крал его каждый раз, едва я делала вдох. Сэм слегка откинулся на спинку дивана, притянул меня к себе и принялся целовать, так осторожно и бережно, как будто вместо губ у меня были лепестки роз и он боялся смять их.

Не знаю, как долго мы молча целовались на диванчике, пока Сэм не заметил, что я плачу. Я почувствовала, как он застыл в нерешительности, ощутив во рту привкус соли, и только тогда понял, что этот вкус означает.

— Грейс, ты что... плачешь?

Я ничего не ответила, потому что это лишь сделало бы более реальной причину моих слез. Сэм большим пальцем утер их, потом натянул на запястье рукав и промокнул мокрые дорожки на моих щеках.

— Грейс, что случилось? Я что-то не так сделал?

Его желтые глаза с тревогой оглядели мое лицо, пытаюсь определить причину, и я покачала головой. Внизу застрекотала касса. Казалось, это происходит где-то невероятно далеко.

— Нет, — выдавила я наконец и утерла глаза, пока опять не полились слезы. — Нет, ты все сделал так. Просто...

Я не могла этого произнести. Не могла.

Сэм договорил за меня:

— Этот год для меня последний.

Я больно прикусила губу и смахнула еще одну слезинку.

— Я не готова. И никогда не буду готова.

Он ничего не ответил. Наверное, отвечать было нечего. Он просто снова обнял меня, только на этот раз притянул к себе так, что моя щека оказалась у его груди, и погладил по затылку, неуклюже, но ласково. Я закрыла глаза и прислушивалась к стуку его сердца, пока мое собственное не забилося ему в такт. В конце концов он прижался щекой к моей макушке и прошептал:

— У нас с тобой слишком мало времени, чтобы горевать.

Когда мы вышли из магазина, солнце светило во всю мощь, и я потрясенно осознала, сколько времени успело пройти. Под ложечкой у меня немедленно засосало от голода.

— Я хочу есть, — заявила я. — И без промедления. А не то усохну, и тебя замучает совесть.

— Не сомневаюсь. — Сэм забрал у меня пакет с купленными книгами и двинулся к «бронко», чтобы забросить их в багажник, но вдруг остановился как вкопанный, глядя на что-то позади меня. — Черт. Только этого нам не хватало.

Он повернулся ко мне спиной, открыл дверцу и положил книги на переднее сиденье, пытаясь казаться незаметным. Я обернулась и увидела Оливию. Вид у нее был взъерошенный и усталый. И тут к ней подошел Джон, с широкой улыбкой глядя на меня. Я не видела его с тех пор, как в моей жизни появился Сэм, и теперь задалась вопросом, как когда-то могла считать его симпатичным. По сравнению с черноволосым и золотоглазым Сэмом он казался тусклым и ничем не примечательным.

— Привет, красотка, — бросил Джон.

Сэм стремительно обернулся. Он не сделал ни шагу в мою сторону, но это было и не нужно: его желтые глаза приморозили Джона к месту. Или причиной была его напряженная поза. У меня промелькнула мысль, что Сэм может быть опасен, что, возможно, он сдерживает свою волчью натуру куда чаще, чем дает ей волю.

У Джона на лице застыло странное, непроницаемое выражение, и я подумала, что, наверное, эти его постоянные заигрывания со мной были не таким уж притворством.

— Привет, — поздоровалась Оливия и покосилась на Сэма, который не сводил глаз с камеры, висевшей у нее на плече.

Он тут же уткнулся взглядом в асфальт и потер веки, как будто что-то попало ему в глаз. Беспокойство Сэма оказалось заразительным, и улыбка у меня вышла неискренняя.

— Привет. Не ожидала вас тут встретить.

— Да мама попросила нас кое-что сделать. — Джон покосился на Сэма и улыбнулся, как-то уж слишком вежливо.

Щеки у меня запылали; этот безмолвный тестостероновый поединок льстил мне, хотя я ни к чему подобному и не привыкла.

— А Оливия решила заскочить по дороге в книжный, — продолжил Джон. — Ну и холодрыга на улице! Вы как хотите, а я иду греться в магазин.

— Туда что, пускают неграмотных? — поддела я его по старой привычке.

Джон ухмыльнулся; обстановка разрядилась, и он улыбнулся Сэму с выражением: «Ну, ну, удачи тебе», прежде чем скрыться в магазине. Сэм даже изобразил какое-то подобие ответной улыбки, впрочем не раскрывая глаз, как будто соринка из них никуда не делась. Оливия осталась стоять на тротуаре перед дверью, обхватив себя руками.

— Вот уж не думала, что увижу тебя в выходной на улице в такую рань, — заметила она. Ее слова были обращены ко мне, но смотрела она на Сэма. — Я думала, по выходным ты впадаешь в спячку.

— Сегодня не впала, — откликнулась я. Мы с ней столько времени не разговаривали, что я, похоже, разучилась делать это. — Решила попробовать, как это.

— Забавно, — сказала Оливия.

Она все еще поедала глазами Сэма; в воздухе висел невысказанный вопрос. Мне не хотелось их знакомить, раз уж Сэму было так неудобно в присутствии Оливии с ее камерой,

но я же видела, какими глазами она смотрит на нас, на разделявшее нас расстояние, на то, как оно изменялось, стоило одному из нас сдвинуться с места и привести в действие связывающие нас незримые узы. И на наши мимолетные прикосновения. Ее взгляд не оставил без внимания и то, как легко он коснулся моего локтя, как уверенно, по-хозяйски другая его рука лежала на ручке дверцы машины. Как будто он по-свойски чувствовал себя в «бронко» и рядом со мной. Наконец Оливия спросила:

— А это кто?

Я взглянула на Сэма, ища поддержки. Его веки все еще были опущены, скрывая глаза.

— Сэм, — произнес он тихо.

Голос у него был какой-то не такой. Он не смотрел на камеру, но я прямо-таки кожей чувствовала его внимание к ней.

— Это Оливия, — сказала я; в моем голосе невольно прозвучали те же встревоженные нотки, что и у Сэма. — Олив, мы с Сэмом встречаемся. Ну, то есть он мой парень.

Я ожидала, что она не удержится от комментария, однако она сказала:

— Я тебя узнала. — Сэм у меня за спиной напрягся, но тут она добавила: — Ты из этого книжного?

Сэм вскинул на нее глаза, и она еле заметно кивнула.

— Точно. Из книжного.

Не разжимая рук, она принялась водить пальцами по шву свитера, однако взгляд ее был прикован к Сэму. Похоже, она пыталась подобрать слова.

— Я... ты носишь контактные линзы? Прости за прямоту. Тебя, наверное, все время спрашивают.

— Да, — сказал Сэм. — Спрашивают. Ношу.

На лице Оливии отразилось что-то похожее на разочарование.

— Прикольные, — сказала она наконец. — Э-э... Приятно было познакомиться. Прости, — сказала она, обращаясь ко мне. — Глупо было ругаться из-за такого пустяка.

Все, что я собиралась ей сказать, немедленно вылетело у меня из головы.

— И ты меня прости, — ответила я немного неубедительно, потому что не очень понимала, за что именно извиняюсь.

Оливия взглянула на Сэма, потом снова на меня.

— Ну да. Я просто... Можешь мне позвонить? Потом?

Я захлопала глазами от удивления.

— Ну да, конечно. Когда?

— Я... вообще-то давай я сама тебе позвоню? Я пока не знаю, когда будет подходящий момент. Хорошо? Я позвоню на мобильный?

— Да пожалуйста. Ты точно не хочешь куда-нибудь пойти и поговорить?

— Э-э... нет, сейчас не могу. Джон ждет. — Она покачала головой и снова взглянула на Сэма. — Он хочет со мной пообщаться. Но как-нибудь потом — обязательно. Спасибо, Грейс. Правда. Я так жалею, что мы с тобой поссорились из-за ерунды.

Я сжала губы. За что она меня благодарит?

Из дверей магазина высунулся Джон.

— Олив? Ты идешь или нет?

Оливия помахала нам рукой и скрылась в книжном, звякнув дверным колокольчиком на прощание.

Сэм обхватил голову руками и судорожно вздохнул. Потом принялся ходить кругами по

тротуару, не опуская рук.

Я прошла мимо него и дернула на себя дверцу машины.

— Ты скажешь мне наконец, что происходит? Ты просто не любишь фотографироваться или тут что-то серьезнее?

Сэм обошел «бронко» и, усевшись на водительское сиденье, захлопнул дверцу, как будто хотел оставить Оливию и наш странный разговор за пределами машины.

— Извини. Я просто... на днях видел одного из волков, к тому же у меня и так из-за Джека нервы на пределе. А Оливия... она же вечно нас фотографировала. В волчьем обличье. А у меня же глаза... я испугался, что Оливия знает про меня больше, чем говорит, ну и сорвался. Я знаю. Я вел себя как полный псих.

— Угу. Повезло тебе, что она вела себя как еще более полный псих, чем ты. Надеюсь, она мне позвонит.

Меня грызло беспокойство.

Сэм коснулся моего локтя.

— Пойдем куда-нибудь поедим или поедем домой?

Я застонала и прижала ладонь ко лбу.

— Поехали домой. Господи. Мне так не по себе. Скорее бы выяснить, что у нее на уме.

Сэм ничего не ответил, но я не обиделась. Я вновь и вновь прокручивала про себя слова Оливии, пытаюсь понять, почему наш разговор вышел таким неловким и что осталось недосказанным. Надо было еще поговорить с ней после того, как она попросила прощения. Но что еще можно было сказать?

Домой мы ехали в молчании, пока до меня не дошло, как эгоистично я себя повела.

— Прости, я испортила все свидание. — Я накрыла ладонью свободную руку Сэма, и он сплел свои пальцы с моими и сжал их. — Сначала распустила нюни, чего вообще-то никогда не делаю, а теперь Оливия совершенно выбила меня из колеи.

— Заткнись, — ласково сказал Сэм. — У нас еще весь день впереди. И потом, приятно в кои-то веки видеть твои... эмоции. Не все же тебе быть стойком.

Эта мысль меня насмешила.

— Стойком? Мне это нравится.

— Я так и думал. Но приятно ради разнообразия какое-то время не побыть размазней.

Я рассмеялась.

— Вот уж кем-кем, а размазней я бы тебя никогда не назвала.

— Так ты не считаешь меня нежным цветочком по сравнению с собой? — Я снова рассмеялась, и он настойчиво поинтересовался: — Ладно, а кем тогда ты бы меня назвала?

Я откинулась на спинку кресла и задумалась, и Сэм с сомнением поглядел на меня. Для сомнений у него были все основания. Я не слишком хорошо управлялась со словами — во всяком случае, с абстракциями и описаниями.

— Ты — человек тонко чувствующий, — отважилась я.

Сэм перевел:

— Слезливый.

— Творческая личность.

— Несчастный эмо.

— Вдумчивый.

— Жертва фэн-шуй.

Я чуть не поперхнулась от смеха.

— Какое отношение фэн-шуй имеет к вдумчивости?

— Фэн-шуй учит расставлять мебель, растения и прочую дребедень вдумчиво. — Сэм пожал плечами. — Чтобы добиться душевного спокойствия. Дзена. Ну и все в таком духе. Я не до конца понимаю, как это получается, за исключением вдумчивости.

Я шутливо ткнула его кулаком в плечо и выглянула в окно. Мы проезжали дубовую рощицу, расположенную по пути к моему дому. Тусклые бурые листья, сухие и мертвые, трепетали на ветру, дожидаясь порыва, который налетит и сорвет их с ветвей. Вот оно, правильное слово для Сэма, подумала я. Преходящий. Листок, до последнего цепляющийся за мерзлую ветку.

— Ты красивый и грустный, — сказала я наконец, не глядя на него. — Как твои глаза. Ты — как песня, которую я слышала в детстве и забыла о том, что знаю ее, пока не услышала снова.

Долго-долго было слышно лишь шуршание шин по асфальту, потом Сэм тихо произнес: — Спасибо тебе.

Мы ввалились в дом и до вечера проспали на моей постели, сплетясь клубком; моя голова лежала на его плече, на заднем плане бубнило радио. Когда настало время ужина, мы выбрались в кухню чего-нибудь поесть. Пока Сэм заботливо сооружал сэндвичи, я попыталась набрать номер Оливии.

Трубку взял Джон.

— Прости, Грейс. Ее нет дома. Что-нибудь передать? Или просто сказать, чтобы перезвонила тебе?

— Пусть перезвонит, — сказала я с неприятным ощущением, что каким-то образом подвела Оливию.

Я повесила трубку и рассеянно провела пальцем по столу. Из головы у меня не выходили ее слова: «Глупо было ссориться из-за такой ерунды».

— Ты заметил, чем пахло, — спросила я Сэма, — когда мы подходили к дому? На крыльце?

Сэм вручил мне сэндвич.

— Угу.

— Мочой, — уточнила я. — Волчьей мочой.

Голос у Сэма был расстроенный.

— Угу.

— Кто это был, как ты думаешь?

— Я не думаю, — ответил Сэм. — Я знаю. Это Шелби. Я ее чую. Она и террас пометила тоже. Я почувствовал, когда выходил вчера на улицу.

Я вспомнила, как она смотрела мне в глаза через окно моей комнаты, и поморщилась.

— Зачем она это делает?

Сэм покачал головой и без особой уверенности произнес:

— Надеюсь, это все из-за меня, а не из-за тебя. Надеюсь, она просто преследует меня. — Он взглянул на входную дверь; вдалеке послышался шум приближающейся машины. — По-моему, это твоя мама. Мне лучше исчезнуть.

Я хмуро проводила его взглядом; с сэндвичем в руке он скрылся в моей комнате и бесшумно закрыл за собой дверь, а я осталась один на один со всеми вопросами и сомнениями относительно Шелби.

Шум шин стал громче; машина свернула на подъездную дорожку. Я схватила рюкзак и плюхнулась за кухонный стол, делая вид, что с головой погружена в конспекты.

В кухню, точно ураган, ворвалась мама, по пути смахнув со стола кипу бумаг и принеся с собой поток холодного воздуха. Я поморщилась, надеясь, что Сэму за дверями моей комнаты ничего не угрожает. Ее ключи со звоном полетели на пол, она подняла их, негромко выругавшись, и бросила обратно на кучу бумаг.

— Ты уже поела? Я бы не прочь чего-нибудь пожевать. Мы ездили играть в пейнтбол! От папиной работы.

Я нахмурилась. Большая часть моих мыслей до сих пор была занята Шелби, которая рыскала вокруг нашего дома, шпионя за Сэмом. Или за мной? А может, за нами обоими?

— Это для сплочения коллектива?

Мама ничего не ответила. Она заглянула в холодильник и спросила:

— У нас есть что-нибудь, что можно было бы погрызть перед телевизором? Фу! А это что такое?

— Свиная вырезка. Я завтра ее потушу.

Она передернулась и захлопнула холодильник.

— Похоже на гигантского замороженного слизняка. Хочешь, посмотрим вместе какое-нибудь кино?

Я бросила взгляд в прихожую, надеясь увидеть папу, но там никого не было.

— А где папа?

— Пошел поест куриных крылышек с новыми коллегами по работе. Ты так себя ведешь, как будто я предложила тебе посмотреть кино только потому, что его нет дома. — Мама принялась хлопать дверцами шкафчиков, потом насыпала себе мюсли и, бросив открытую пачку на столе, плюхнулась на диван.

Когда-то я прыгала бы от радости, выпади мне редкая возможность провести вечер на диване вместе с мамой. Теперь же этого было слишком мало. И слишком поздно. Меня ждал кое-кто другой.

— Мне что-то нездоровится, — сказала я. — Пожалуй, пойду лягу спать.

Я не отдавала себе отчета в том, что жду от нее разочарованной реакции, пока не поняла, что не дождусь никакой реакции вообще. Она как ни в чем не бывало забралась на диван с ногами и потянулась за пультом дистанционного управления.

— Кстати, не оставляй мешки с мусором на заднем крыльце, ладно? — бросила она, когда я повернулась, чтобы идти. — Звери растаскивают мусор.

— Хорошо, — сказала я.

Я подозревала, что знаю, какое именно животное этим занимается. Мама уткнулась в телевизор, а я собрала учебники и прошла к себе в комнату. Открыв дверь, я обнаружила, что Сэм свернулся в клубочек на моей кровати и при свете торшера читает книгу с таким видом, как будто жил здесь всю жизнь. Он не мог не слышать, как я вошла, однако даже не поднял на меня глаза, а продолжил дочитывать главу. Мне нравилось смотреть на его тело в этой позе — от изгиба шеи до удлиненных ступней в носках.

Наконец он заложил книгу пальцем и, прикрыв ее, улыбнулся мне; сходящиеся на переносице брови придавали его лицу постоянное трагическое выражение. Он протянул ко мне руку, как будто приглашал присоединиться к нему, и я свалила учебники в ноги кровати и присела рядом с ним. Одной рукой он держал книгу, а другой гладил меня по волосам, и последние три главы мы дочитывали вместе. Книга оказалась очень странная, про то, как с

Земли похитили всех людей, кроме главного героя и его возлюбленной, и перед ними встал выбор, отправиться на поиски похищенных или получить Землю в безраздельное пользование и плодиться в свое удовольствие. Когда книга была дочитана, Сэм перевернулся на спину и уставился в потолок. Я принялась водить пальцами у него по животу.

— А ты что бы выбрала? — спросил он.

В книге герои отправились на поиски остальных, потеряли друг друга и остались в одиночестве. Вопрос Сэма почему-то заставил мое сердце забиться быстрее, и я сжала в кулаке край его футболки.

— Ха! — усмехнулась я.

Губы Сэма дрогнули в улыбке.

Уже совсем под вечер я спохватилась, что Оливия так мне и не перезвонила. Когда я набрала ее номер, ее мать сказала мне, что она еще не вернулась.

«Откуда? — прозвенел у меня в мозгу тревожный звоночек. — Где можно находиться в такое время в Мерси-Фоллз?»

Когда в ту ночь я уснула, мне приснилась морда Шелби за моим окном и глаза Джека в лесу.

В ту ночь впервые за очень долгое время мне приснились псы мистера Дарио.

Проснулся я дрожащий и весь в испарине; во рту стоял привкус крови. Я отодвинулся от Грейс, как будто бешеный стук моего сердца мог разбудить ее, и провел языком по окровавленным губам. Во сне я прикусил язык.

Так легко было, превратившись в человека, забыть первобытную жестокость моего мира в теплой постели Грейс. Так легко было увидеть нас ее глазами: призраками в лесной чаще, бесшумными, загадочными. Будь мы просто волками, возможно, она была бы права. Обыкновенные волки не представляют никакой угрозы. Но мы не были обыкновенными волками.

Этот сон подсказывал, что я не обращаю внимания на знаки. Те самые, которые говорили, что я принес жестокость своего мира в мир Грейс. Волки у ее школы, у дома ее подруги, а теперь и у ее собственного. Волки, под шкурой которых скрывались человеческие сердца.

Лежа в темноте в постели Грейс, я изо всех сил напрягал слух. Мне показалось, что я слышу крадущиеся шаги на террасе и что запах Шелби просачивается даже сквозь закрытое окно. Я понимал, что ей нужен я — вернее, то, что я собой олицетворял. Я был любимцем Бека, вожака стаи в человеческом обличье, и Пола, вожака стаи в обличье волчьем, и, по логике вещей, должен был стать преемником их обоих. В нашем мирке я обладал немалой властью.

А Шелби ох как хотелось власти.

И псы Дарио послужили тому доказательством. Когда мне было тринадцать и я жил в доме Бека, наш ближайший сосед, живший всего километрах в тридцати от нас, уехал и продал свой огромный дом богатому чудаку по фамилии Дарио. На меня лично мистер Дарио особого впечатления не произвел. От него исходил специфический запах, наводивший на мысли о том, что он умер и был превращен в мумию. Когда мы как-то зашли к нему в гости, большую часть времени он объяснял нам устройство навороченной сигнализации, — он установил ее для охраны антиквариата, торговлей которым занимался (потом Бек рассказал мне, что на самом деле это были наркотики). А еще хвастался своими сторожевыми псами, которых выпускал, когда куда-то отлучался из дома.

Он продемонстрировал их нам. Это были жуткие твари со складчатой бледной кожей и злобным оскалом. Специальная порода, выведенная в Южной Америке для охраны скота, пояснил мистер Дарио и с явным удовольствием упомянул, что они способны содрать с человека скальп и сожрать его. Бек неуверенно выразил надежду, что мистер Дарио не будет выпускать их за пределы своего участка. Кивнув на ошейники с металлическими шипами изнутри («Собачки получают неслабый удар», — сказал мне потом Бек и нарисовал в воздухе знак высокого напряжения), мистер Дарио заверил нас, что опасность лишиться скальпа грозит лишь тем, кто заберется к нему на участок, чтобы похитить его антиквариат. В доказательство он продемонстрировал нам блок питания, при помощи которого управлял ошейниками и не давал собакам отходить далеко от дома; устройство было покрыто черной

краской, от которой у него на пальцах оставались черные разводы.

Больше никого из наших собаки, похоже, не волновали, зато я на них просто заиклился. Я ни о чем не мог думать; мне представлялось, как псы вырываются на свободу и рвут Бека с Полом на куски, сдирают с них скальпы и пожирают их. Собаки не выходили у меня из головы много недель подряд, а потом, в самый разгар лета, как-то раз я застал Бека на кухне, в шортах и футболке. Он поливал маринадом ребрышки для барбекю.

«Бек?»

Тот даже не оторвался от своего занятия.

«Чего тебе, Сэм?»

«Ты покажешь мне, как убить собак мистера Дарио? — Бек обернулся ко мне, и я добавил: — Если понадобится?»

«Это тебе не понадобится».

Я терпеть не мог клянчить, но пошел на это.

«Ну пожалуйста!»

Бек поморщился.

«У тебя не хватит духу».

Это была правда: в человеческом обличье я не выносил вида крови.

«Пожалуйста!»

Бек сделал строгое лицо и велел даже не думать об этом, однако на следующий день принес домой десяток битых кур и принялся учить меня отыскивать слабые места в суставах и ломать их. Когда я прекратил хлопаться в обморок от хруста куриных костей, он принес красное мясо, сочащееся кровью, от вида которого меня подташнивало. Кости были твердые и холодные, несокрушимо крепкие, и сломать их было возможно, лишь отыскав сустав.

«Ну как, тебе еще не надоело?» — поинтересовался Бек несколько дней спустя.

Я помотал головой; псы преследовали меня во сне и вторгались в песни, которые я сочинял. Мы продолжали тренировки. Бек раздобыл записи любительской видеосъемки с собачьих боев; мы вместе смотрели, как собаки рвут друг друга в клочья. Я зажимал рот; меня воротило от вида крови; однако я упрямо смотрел, как одни собаки пытаются вцепиться сопернику в горло, а другие — в передние лапы, ломая их и обездвиживая противника. Бек обратил мое внимание на одну особенно неравную схватку, в которой здоровый питбуль дрался с маленьким метисом терьера.

«Понаблюдай за этим песиком. Он — это ты. В человеческом обличье ты сильнее большинства людей, но все равно не так силен, как собаки Дарио. Смотри, как этот малыш дерется. Он изматывает большого пса. А потом душит его».

Я смотрел, как крошечный терьер загрызает большего пса. А потом мы с Беком выходили из дома и дрались: большой пес с маленьким.

Лето подошло к концу. Мы один за другим начали превращаться в волков. Первыми — самые старшие и беспечные. Вскоре людей в доме осталась жалкая горстка: Бек, державшийся на чистом упрямстве, Ульрик, бравший хитростью, и Шелби, которую держало желание быть рядом с Беком и со мной. И я, потому что был молод и не успел еще исчерпать свой запас прочности.

Никогда не забуду звуков собачьего боя. Тот, кому не довелось этого слышать, не может представить себе первобытную жестокость псов, стравленных с целью уничтожить друг друга. Даже в волчьем обличье мне никогда не приходилось быть свидетелем подобного поединка: члены стаи дрались ради главенства, а не ради того, чтобы убить.

Я был в лесу; Бек велел мне никуда не высываться из дома, но я, разумеется, вышел прогуляться перед сном. У меня возникла смутная идея написать песню на рубеже дня и ночи, и стихи как раз начали складываться, когда я услышал собачью грызню. Источник звука был где-то поблизости, в лесу, не на участке мистера Дарио, но это были не волки. Я мгновенно узнал этот волнообразный рык.

А потом я их увидел. В сизых сумерках показались два гигантских белых призрачных пса — чудовища Дарио. Они рвали черного волка, истекающего кровью. Волк, Пол, делал все, что предписывали законы стаи: прижал уши, поджал хвост, пригнул голову — каждой своей черточкой выражая покорность. Но псы понятия не имели о законах стаи; они умели лишь нападать. И потому принялись рвать Пола на куски.

«Эй! — крикнул я, но окрик вышел совсем не такой уверенный, как я ожидал. Я сделал еще одну попытку, и на этот раз из горла у меня вырвалось нечто более близкое к рыку. — Эй!»

Один из псов оторвался от Пола и бросился на меня; я увернулся и перекатился, не сводя глаз со второго белого демона, который пытался перегрызть черному волку горло. Пол отчаянно боролся за каждый вздох, половина морды у него была в крови. Я прыгнул на пса, который вцепился в него, и мы втроем покатались по земле. Чудовище оказалось очень тяжелым, все его тело, как будто состоявшее из одних мускулов, было в крови. Своими слабыми человеческими руками я попытался вцепиться ему в горло — и промахнулся.

Чудовищная тяжесть пригнула меня к земле, и на загривок мне закапала горячая слюна. Я извернулся и в самый последний момент избежал смертоносных челюстей одного пса, но зубы второго сомкнулись на моем плече. Кость ударила о кость, и песьи зубы с тошнотворным скрежетом обнажили мою ключицу.

«Бек!» — закричал я.

В голове мутилось от боли и ужаса при виде Пола, умирающего у меня на глазах. И все же мне вспомнился маленький терьер — стремительный, беспощадный, ожесточенный. Я протянул руку к псу, который рвал горло Полу, схватил его за переднюю лапу и нащупал сустав. Я не думал о крови. Не думал про хруст, который должен был раздаться. Я не думал вообще ни о чем, кроме механического действи...

Кость с треском переломилась.

Собачьи глаза закатились. Из носа у пса со свистом вышел воздух, однако челюсти не разжались.

Заглушающий все инстинкт самосохранения требовал от меня скинуть со спины вторую тварь; она дрожала, челюсти ее раскаленными клещами терзали мое плечо. Мне казалось, я чувствую, как выворачиваются мои кости. Я так и представлял, как мою руку с хрустом выдирают из сустава. Но Пол не мог ждать.

Правую руку я почти не чувствовал, но левой схватил песье горло и стискивал его, выдавливая из пса остатки жизни, пока не услышал его хрип. Я был тем маленьким терьером. Пес упрямо не желал выпускать горло Пола, но я был не менее упрям. Вывернувшись из-под второго пса, который рвал мое плечо, я мертвой правой рукой накрыл нос первого и зажал ему ноздри. Я ни о чем не думал: мысли мои были где-то далеко, в доме, в тепле, в музыке, в стихах, где угодно, только не здесь, где совершалось убийство.

Невыносимо долгую минуту ничего не происходило. Перед глазами у меня замелькали огненные мухи. Потом пес рухнул наземь, и Пол вывалился из его челюстей. Повсюду вокруг была кровь — моя, Пола, собачья.

«Не отпускай его! — послышался голос Бека, и я различил хруст веток у него под ногами. — Не отпускай! Он еще жив!»

Я больше не чувствовал своих рук — я вообще больше ничего не чувствовал, но мне казалось, что я все еще сжимаю горло пса, который пытался загрызть Пола. Потом зубы, терзавшие мое плечо, судорожно сжались. Волк, Ульрик, рыча, пытался вцепиться в горло псу, который прижимал меня к земле. Раздался хлопок; я не сразу понял, что это выстрел. Еще один хлопок, на этот раз гораздо ближе, и тварь под моими пальцами дернулась. Ульрик попятился прочь, тяжело дыша, и стало так тихо, что у меня зазвенело в ушах.

Бек бережно разжал мои пальцы, стискивавшие горло мертвого пса, и приложил их к моему изувеченному плечу. Кровотечение мгновенно замедлилось; раны на моем непостижимо искалеченном теле мгновенно начали затягиваться, и мне сразу же стало лучше.

Бек присел передо мной на корточки. Он дрожал от холода, кожа у него посерела, плечи казались неестественно развернутыми.

«Ты победил, понимаешь? Ты спас Пола. Несчастные цыплята не зря отдали свои жизни».

За спиной у него безмолвно стояла Шелби, сложив руки на груди, и смотрела, как Пол судорожно плотает воздух. Как Бек обнимает меня, уткнувшись лбом мне в висок. Руки у нее были сжаты в кулаки, и одна из них была в каком-то черном порошке.

Теперь, в темноте спальни Грейс, я перевернулся на другой бок и уткнулся ей в плечо. Странно, что самую большую жестокость мне приходилось проявлять в своем человеческом, а не в волчьем облике.

С террасы послышалось негромкое, но отчетливое постукивание когтей о доски. Я закрыл глаза и попытался сосредоточиться на ровном сердцебиении Грейс.

Привкус крови во рту напомнил мне о зиме.

Я был уверен, что это Шелби выпустила тех псов.

Она хотела, чтобы я стал вожаком и она была бы при мне, а Пол стоял у меня на пути. А теперь у нее самой на пути встала Грейс.

Глава 34

Грейс

49 °F

Дни слились в коллаж из привычных картинок: неторопливая прогулка от машины до школы, пустующая парта Оливии, Сэм, дышащий мне в ухо, отпечатки волчьих лап на заиндевевшей траве в нашем дворе.

К концу недели я вся извелась от ожидания, хотя и сама не понимала толком, чего жду. Сэм всю ночь ворочался и метался в постели, мучимый кошмарами, и в субботу утром вид у него был такой плачевный, что я не стала строить никаких планов куда-нибудь выбраться и, когда мои родители отправились в гости к друзьям, устроила его поудобнее на диване в гостиной.

Я лежала у Сэма под мышкой, а он щелкал пультом, переключаясь с одного дурацкого телевизионного фильма на другой. В конце концов мы остановились на каком-то научно-фантастическом триллере, съемки которого, должно быть, стоили еще меньше, чем мой «бронко». Резиновые щупальца расползлись повсюду, когда Сэм наконец нарушил молчание.

— Ты расстраиваешься? Из-за того, что у тебя такие родители?

Я уткнулась носом в его подмышку. От нее уютно пахло Сэмом.

— Давай не будем о них.

— Нет уж, давай будем.

— Ой, ну о чем тут говорить? Все в порядке. Нормальные у меня родители. Какие есть.

Пальцы Сэма ласково отыскивали мой подбородок и приподняли его.

— Грейс, никакой это не порядок. Я тут уже... сколько недель? Я сам даже не помню. Но я все вижу, и это не нормально.

— У меня такие родители, какие есть. Я и не подозревала, что бывают другие, пока не пошла в школу. Пока не научилась читать. Нет, правда, Сэм, все нормально.

Мне стало горячо. Я вывернулась из его пальцев и уставилась в экран; там малюсенький автомобиль тонул в иле.

— Грейс, — тихо сказал Сэм. Он сидел так неподвижно, как будто это я на сей раз была диким животным, готовым скрыться, если он шевельнет хотя бы одним мускулом. — Передо мной можешь не притворяться.

Я наблюдала за тем, как автомобиль рассыпается на куски вместе с водителем и пассажиром. Звук был выключен, и понять, что происходит, было нелегко, но, судя по всему, обломки вновь превращались в щупальца. На заднем плане какой-то парень выгуливал собаку и определенно не замечал ничего странного. Как можно было такое не заметить?

На Сэма я не смотрела, но чувствовала, что он наблюдает за мной, а не за происходящим на экране.

Ну и что, по его мнению, я должна была ему ответить? Мне нечего было сказать. Я не видела никакой проблемы. Это была моя жизнь.

На экране щупальца поползли по земле, пытаясь отыскать своего хозяина, чтобы прирасти обратно. Они не знали, что это невозможно, поскольку их инопланетный хозяин стал жертвой пожара в Вашингтоне и в данный момент плавился неподалеку от мемориала Джорджа Вашингтона. Так что оторванным щупальцам предстояло терроризировать планету

поодиночке.

— Почему у меня не получается сделать так, чтобы они побольше меня любили?

Неужели я это сказала? Даже голос не был похож на мой. Пальцы Сэма коснулись моей щеки, но слез не было. Я даже и не думала плакать.

— Грейс, они тебя любят. Дело не в тебе. Дело в них.

— Я так старалась. Я не доставляю им никаких проблем. Я всегда делаю уроки. Я готовлю им еду, когда они дома, а их, черт бы их побрал, никогда нет... — Голос определенно принадлежал кому-то другому. Я никогда не сквернословила. — Дважды я вообще чуть не погибла, но от этого ничего не изменилось. Нет, я вовсе не хочу, чтобы вокруг меня прыгали. Я просто хочу, чтобы в один прекрасный день...

Я не договорила, потому что не знала, что сказать.

Сэм привлек меня к себе.

— Ох, Грейс, прости меня. Я не хотел доводить тебя до слез.

— Я и не плачу.

Он осторожно вытер мне щеки большим пальцем и продемонстрировал слезинку, повисшую на кончике. Чувствуя себя полной дурой, я позволила ему усадить меня к себе на колени и уткнуться подбородком в макушку. В кольцо его рук ко мне наконец вернулся мой собственный голос.

— Может, зря я была такой паинькой? Если бы я плохо училась или поджигала чужие гаражи, им волей-неволей пришлось бы обратить на меня внимание.

— Ты не такая. Я знаю, — сказал он. — Они просто глупые и эгоистичные люди, вот и все. Зря я затеял этот разговор. Давай лучше досмотрим этот дурацкий фильм.

Я прижалась щекой к его груди и стала слушать, как глухо бьется его сердце. Звук был совершенно обычный, ничем не примечательный стук нормального человеческого сердца. Сэм так давно был человеком, что я почти перестала улавливать исходящий от него слабый лесной запах и вспоминать, как погружала пальцы в шерсть у него на загривке. Он прибавил громкость, и мы долго-долго сидели обнявшись, одно существо, разделенное на два тела, пока я не позабыла свое горе и не превратилась вновь в саму себя.

— Хотелось бы мне иметь то, что есть у тебя, — сказала я.

— А что у меня есть?

— Твоя стая. Бек. Ульрик. Когда ты говоришь о них, я вижу, насколько они важны для тебя. Без них ты не был бы таким, какой ты есть. — Я ткнула его в грудь. — Они замечательные, и ты тоже замечательный.

Сэм закрыл глаза.

— Я в этом не так уверен. — Он снова открыл глаза. — Как бы там ни было, без твоих родителей ты тоже не была бы такой, какая ты есть. Думаешь, ты была бы такой независимой, если бы они чаще бывали с тобой? По крайней мере, ты и без них личность. А у меня такое чувство, что я совсем не тот, кем был раньше. Потому что часть меня осталась с Бексом, Ульриком и остальными.

Я услышала звук приближающейся машины и распрямилась. Сэм тоже его слышал.

— Пора сматываться, — сказал он.

Но я удержала его за руку.

— Мне надоело прятаться по углам. Думаю, пора тебе познакомиться с ними.

Он не стал возражать, но с беспокойством покосился на входную дверь.

— Ну все, нам конец, — сказал он.

— Не устраивай мелодраму. Они тебя не убьют.

Он посмотрел на меня.

Мое лицо залила краска.

— Сэм, я не так выразилась... Ох. Прости.

Я хотела отвести глаза, но не смогла; так бывает, когда смотришь на автоаварию. Я ждала, что он взорвется, однако его лицо даже не дрогнуло. Такое впечатление, что память о родителях и эмоции существовали в его мозгу совершенно обособленно друг от друга, и это обстоятельство помогало ему не сойти с ума.

Сэм пришел мне на выручку, сменив тему; это было невероятно великодушно.

— Мне сделать вид, что я твой парень, или мы с тобой просто друзья?

— Парень. И я вовсе не собираюсь делать никакой вид.

Сэм отодвинулся от меня и, убрав руку, которой обнимал меня за плечи, положил ее на спинку дивана.

— Здравствуйте, родители Грейс, — обратился он к стене. — Я парень вашей дочери. Пожалуйста, обратите внимание на целомудренное расстояние между нами. Я ужасно ответственный и ни разу не засовывал язык ей в рот.

Дверь приоткрылась, и мы оба подскочили с одинаковыми нервными смешками.

— Это ты, Грейс? — послышался из коридора легкомысленный голос мамы. — Или у нас в доме грабители?

— Грабители, — отозвалась я.

— Сейчас описаюсь от страха, — прошептал Сэм мне на ухо.

— Это точно ты, Грейс? — с сомнением в голосе переспросила мама; она не привыкла слышать, как я смеюсь. — У тебя что, Рейчел?

Первым в гостиную вошел папа и остановился как вкопанный, мгновенно заметив Сэма.

Едва уловимым движением Сэм повернул голову так, чтобы свет не падал на его желтые глаза. Это выглядело абсолютно естественным, и мне подумалось, что Сэм был не таким, как все, еще до того, как стал волком.

Папа молча смотрел на Сэма. Тот ответил ему таким же взглядом, напряженный, но не испуганный. Интересно, был бы он так же спокоен, если бы знал, что папа тоже участвовал в облаве на волков? Внезапно мне стало стыдно за отца, за то, что он был еще одним человеком, которого волкам следовало бояться, и я порадовалась, что ничего не сказала Сэму.

— Папа, это Сэм. Сэм, это папа, — напряженным голосом произнесла я.

Папа еще долю секунды смотрел на него, а потом широко улыбнулся.

— Пожалуйста, скажи, что ты ее парень.

Глаза у Сэма стали абсолютно круглые, а я вздохнула с облегчением.

— Да, папа, он мой парень.

— Вот и славно. А я уж начал бояться, что ты не по этой части.

— Папа!

— Что здесь происходит? — послышался из кухни голос мамы. Она уже рылась в холодильнике. Должно быть, кормили в гостях неважно. — Что еще за Сэм?

— Мой парень.

Мама внесла в комнату повсюду сопровождающее ее облако скипидарных паров; все руки у нее были в краске. Зная маму, я предположила, что она нарочно отправилась в гости в таком виде. Она перевела взгляд с меня на Сэма и обратно. Выражение лица у нее при этом

было презабавное.

— Мама, это Сэм. Сэм, это мама.

Я нюхом чуяла обуревавшие их обоих эмоции, хотя истолковать их верно не могла. Мама не сводила взгляда с глаз Сэма, и ее внимание, казалось, пригвоздило его к месту. Я легонько ткнула его в плечо кулаком.

— Очень приятно, — машинально произнес он.

— Мама, — прошипела я. — Мама! Прием!

К ее чести, вид у нее, когда она очнулась, стал слегка смущенный.

— Твое лицо кажется мне очень знакомым, — извиняющимся тоном сказала она Сэму.

Ну да. Любой ребенок с ходу определил бы, что это всего лишь предлог, чтобы тарашиться на его глаза.

— Я какое-то время работал в книжной лавке в центре, — с надеждой в голосе произнес Сэм.

Мама погрозила ему пальцем.

— Наверняка там я тебя и видела. — Она одарила Сэма своей ослепительной улыбкой; даже если она и допустила бестактность, после такой улыбки сердиться на нее было решительно невозможно. — Что ж, рада познакомиться. Пойду-ка я наверх и немного поработаю. — Она вытянула свои разрисованные руки, чтобы продемонстрировать, что имеет в виду под работой, и я испытала легкий укол раздражения. Я понимала, что она строит глазки на автомате, что это чисто инстинктивная реакция на любую половозрелую особь мужского пола, и тем не менее. Пора бы ей и повзрослеть.

К моему изумлению, Сэм сказал:

— Если вы не возражаете, я хотел бы взглянуть на вашу студию, раз уж я здесь. Грейс немного рассказывала мне о вашем творчестве, и мне интересно было бы посмотреть на ваши картины.

Отчасти это даже была правда. Я рассказывала ему о самой кошмарной маминой выставке, на которой мне довелось побывать; все картины на ней были названы в честь типов облаков, однако представляли собой портреты женщин в купальных костюмах. Концептуальное искусство не находило в моей душе отклика. Я его не понимала и понимать не хотела.

Мама улыбнулась кукольной улыбкой. Наверное, подумала, что понятия Сэма о концептуальном искусстве недалеко ушли от моих.

Я с сомнением покосилась на Сэма. Подлизываться было не в его характере. Когда мама скрылась на втором этаже, а папа заперся у себя в кабинете, я поинтересовалась:

— Ты что, мазохист?

Сэм включил звук как раз в тот момент, когда какая-то женщина исчезла в пасти очередной твари со щупальцами. Все, что от нее осталось, это бутафорского вида оторванная рука, валяющаяся на тротуаре.

— Я просто подумал, что мне нужно ей понравиться.

— Единственная, кому ты должен нравиться в этом доме, это я. Не думай о них.

Сэм подобрал с пола диванную подушку и, обняв ее, уткнулся в нее лицом.

— Понимаешь, какое дело... возможно, ей придется довольно долгое время терпеть меня в своем доме.

— Насколько долгое?

Он так ласково мне улыбнулся, что у меня защемило сердце.

— Дольше не бывает.

— Всю жизнь?

Губы Сэма изогнулись в улыбке, но его желтые глаза подернулись печалью, как будто он знал, что это неправда.

— Еще дольше.

Я придвинулась к нему и снова устроилась у него под мышкой, и мы вернулись к созерцанию того, как облепленное щупальцами инопланетное чудовище медленно ползет по канализации ничего не подозревающего городка. Глаза Сэма были прикованы к экрану, как будто он и в самом деле внимательно следил за перипетиями межгалактической битвы, а я сидела и пыталась понять, почему Сэм стал оборотнем, а я нет.

Когда фильм закончился (мир был спасен, но население понесло серьезные потери), я сел рядом с Грейс за маленький столик у выхода на террасу и стал смотреть, как она делает домашнее задание. Я страшно устал: холодная погода подтачивала мои силы, хотя не в ее власти было заставить меня превратиться в волка, — и с удовольствием забрался бы в постель или прилег подремать на диванчике. Однако моя волчья ипостась испытывала тревогу и не позволяла мне спать в присутствии незнакомых людей. Поэтому, чтобы не уснуть, я оставил Грейс внизу делать домашнее задание в угасающем свете дня, а сам пошел на второй этаж взглянуть на студию.

Отыскать ее оказалось несложно; в коридор выходило всего две двери, и из одной из них тянуло химическим апельсиновым запахом. Дверь была чуть приоткрыта. Я толкнул ее и зажмурился. Комнату заливал ослепительный свет множества ламп, призванных имитировать естественное освещение, и в итоге комната превратилась в нечто среднее между пустыней в полдень и «Уолмартом».

Стен было не видно из-за нагромождения холстов, прислоненных к каждой свободной поверхности. Неукротимое буйство красок, реалистичные фигуры в нереалистичных позах, обычные формы необычных цветов, изображенные в неожиданном свете привычные места. Я словно очутился во сне, где все знакомое предстает в непривычном виде.

Все возможно в странной кроличьей норе.

Что, к примеру, вот это — зеркало или портрет?

Словно во сне, все узнаваемо — и непривычно.

Во что-то иное превращается каждый предмет.

Я остановился перед двумя громадными полотнами, прислоненными к одной из стен. На обоих был изображен мужчина, целующий в шею женщину, однако цвета кардинально различались. Одно было выполнено в красно-фиолетовых тонах. Оно казалось кричащим, безобразным, коммерческим. На втором краски были приглушенными, голубыми и бледно-лиловыми, перетекающими одна в другую. В нем присутствовала какая-то недоговоренность, загадка. Я вспомнил, как мы с Грейс целовались в книжном магазине, какой теплой и настоящей она была в моих объятиях.

— И какое тебе нравится больше?

Тон у матери Грейс был веселый и дружелюбный. Для себя я определил его как ее галерейный голос. Именно таким тоном она усыпляла бдительность зрителей, чтобы они, размякнув, легче раскошеливались.

Я кивнул в сторону голубого полотна.

— Оно вне конкуренции.

— Правда? — неподдельно изумилась она. — Ты первый, кто так ответил. Это пользуется куда большей популярностью. — Она подошла поближе и указала на красное полотно. — Я продала сотни его репродукций.

— Симпатичное, — сказал я вежливо, и она рассмеялась.

— Оно ужасно. А знаешь, как они называются? — Она указала сначала на голубое, потом на красное. — «Любовь» и «Страсть».

— Что, я провалил проверку на маскулинность? — улыбнулся я.

— Потому что выбрал «Любовь»? Я так не считаю, но это я. Грейс сказала, что глупо было рисовать одну и ту же картину дважды. И еще заявила, что на обеих глаза у мужчины посажены слишком близко.

— Очень в ее духе, — усмехнулся я. — Впрочем, она же не художница.

Губы матери Грейс печально скривились.

— Нет. У нее очень прозаический характер. Не знаю, в кого она такая.

Я неторопливо перешел к следующей серии полотен; на одном дикие животные шествовали между магазинных вешалок с одеждой, на другой олень примостился на высоких окнах, на третьей из водостока выглядывали рыбы.

— И вас это огорчает.

— Да нет. Отнюдь. Грейс есть Грейс, нужно просто принимать ее такой, какая она есть.

— Она отступила назад, чтобы не мешать мне смотреть; сказывался многолетний опыт общения с потенциальными покупателями. — И потом, ей не так сложно будет пробиться в жизни. Найдет себе нормальную, приличную работу, у нее будет хороший стабильный заработок.

— Эта женщина слишком щедра на уверения, мне кажется, — процитировал я «Гамлета», не глядя на нее.

И услышал, как она вздохнула.

— Наверное, всем хочется, чтобы их дети были похожи на них самих. Грейс интересуют только цифры и то, как устроен окружающий мир. Мне сложно ее понять.

— Она могла бы сказать то же самое про вас.

— Согласна. Но ты-то имеешь отношение к искусству. Должен иметь.

Я пожал плечами. За дверью я заметил гитару в чехле, и руки у меня так и зачесались подобрать аккорды к мелодиям, которые звучали в мозгу.

— К живописи не имею. Я немного играю на гитаре.

Повисла долгая пауза; я рассматривал картину, на которой лиса выглядывала из-под стоящей у обочины машины, а мать Грейс наблюдала за мной. Потом она спросила:

— Ты носишь контактные линзы?

Мне столько раз задавали этот вопрос, что я даже перестал поражаться, какое надо иметь нахальство, чтобы его задать.

— Нет.

— У меня сейчас жестокий творческий кризис. Я с удовольствием бы нарисовала с тебя небольшой этюд. — Она застенчиво засмеялась. — Вот почему я так жадно разглядывала тебя в гостинной. Мне просто подумалось, что с тебя с твоими глазами и черными волосами можно написать потрясающий этюд. Ты напоминаешь мне волков из нашего леса. Грейс тебе про них не рассказывала?

Я весь подобрался. Ее любопытство показалось мне подозрительным, как будто она пыталась что-то вынюхать, особенно после того, как ту же тему затронула Оливия. Первым побуждением моего волчьего «я» было метнуться прочь. Промчаться по лестнице, распахнуть дверь и раствориться в лесной чаще. Не сразу у меня получилось подавить желание бежать и убедить себя, что она не может ничего знать и я сам приписал ее словам

смысл, которого она в них не вкладывала. Еще дольше до меня доходило, что я слишком долго стою столбом и ничего не говорю.

— Ох... я не хотела поставить тебя в неловкое положение, — сбивчиво принялась извиняться она. — Ты не обязан мне позировать. Многие стесняются, я знаю. А ты, наверное, уже хочешь вернуться к Грейс.

Я почувствовал себя обязанным как-то загладить свою невежливость.

— Нет-нет... ничего страшного. То есть да, я немного стесняюсь. А можно, я буду что-то делать, пока вы будете меня рисовать? Ну, чтобы не сидеть сложа руки и не смотреть в пустоту.

Она в самом буквальном смысле подбежала к мольберту.

— Да! Ну конечно! Может, сыграешь на гитаре? Ох, как же здорово. Спасибо тебе большое. Садись вот сюда, под лампу.

Я пошел за гитарой, а она принялась метаться по студии: принесла мне стул, настроила освещение и задрапировала стену желтой тканью, так что на половине лица у меня заиграли золотистые отблески.

— Я должен сидеть неподвижно?

Она махнула в мою сторону кистью, как будто это могло дать мне ответ на мой вопрос, потом прикрепила к мольберту новый холст и выдавила на палитру черную краску из тюбика.

— Нет-нет, просто играй.

Я настроил гитару и принялся перебирать струны, вполголоса напевая под музыку и вспоминая, как сидел на диване у Бека и пел песни для стаи, а Пол подыгрывал мне на своей гитаре, и наши голоса сплетались в единой мелодии. Время от времени до меня доносилось то царапанье шпателя о палитру, то шуршание кисти о холст, и я задавался вопросом, что она делает с моим лицом, пока я не обращаю на нее внимания.

— Я слышу, ты что-то мурлычешь себе под нос, — сказала она. — Ты умеешь петь?

Я утвердительно буркнул, не прекращая лениво перебирать струны.

Она ни на миг не прекратила работать кистью.

— Это твои песни?

— Угу.

— А есть какая-нибудь про Грейс?

Я сочинил тысячу песен про Грейс.

— Да.

— Я хотела бы ее послушать.

Я не перестал перебирать струны, просто заиграл в мажорной тональности и впервые за год запел в полный голос. Это была самая радостная мелодия из всех, что я сочинил, и самая безыскусная.

Я влюбился в нее летом, в мою прекрасную летнюю девушку.

Она соткана из жаркого лета, моя прекрасная летняя девушка.

Я мечтаю быть с ней и зимой, с моей прекрасной летней девушкой.

Но во мне слишком мало тепла для моей прекрасной летней девушки.

Жарким летом я смеюсь, словно дитя, а она улыбается.

Лето — время, когда мы живем. Ах, как быстро оно кончается!

*В ее ладонях все — и жар, и ветер, и дождь, который еще не пролился.
Я был бы счастлив, если бы наш летний день вечно длился.*

Она посмотрела на меня.

— Даже не знаю, что сказать. — Она протянула ко мне руку. — Просто мурашки по коже.

Я отложил гитару, очень осторожно, чтобы не зазвенели струны. Мне вдруг стало остро жаль времени, бесценных секунд, которые и без того были у меня наперечет, проведенных не рядом с Грейс.

И тут внизу раздался оглушительный грохот. Он был настолько громким и чужеродным, что мы с матерью Грейс какое-то время недоуменно смотрели друг на друга, как будто не могли поверить, что в самом деле слышали этот звук.

Потом раздался крик.

Следом за ним я услышал рык и выскочил из комнаты, не слушая ничего больше.

Глава 36

Сэм

49 °F

Мне вспомнилось выражение лица Шелби, когда она как-то раз спросила меня:

— Хочешь посмотреть на мои шрамы?

— Какие шрамы? — спросил я.

— От волчьих зубов. Когда на меня напали.

— Нет.

Она все равно мне их показала. На животе у нее бугрился уродливый рубец, исчезающий под лифчиком.

— После того как меня искушали, на животе места живого не было.

Я не желал ничего об этом знать.

Шелби не стала опускать рубаху.

— Наверное, когда мы кого-то убиваем, это ужасно больно. Это, наверное, самая чудовищная смерть.

Буря ощущений охватила меня, едва я ворвался в гостиную. От пронизывающе холодного воздуха защищало глаза и судорогой свело живот. Я мгновенно отметил развороченную дыру, зияющую в двери на террасу; острые куски стекла угрожающе торчали из рамы, весь пол был усеян мелкими осколками в розоватых разводах, поблескивавшими под ногами.

Посреди комнаты валялся перевернутый стул. Казалось, кто-то разбрызгал по полу красную краску и прихотливо размазал ее по пути от двери до кухни. Потом я почуял запах Шелби. На миг я застыл на месте, помертвев от отсутствия Грейс, ледящего холода и резкого запаха крови и влажной шерсти.

— Сэм!

Это была Грейс, больше некому, вот только голос у нее был странный, как будто чужой, словно кто-то пытался ею притвориться. Оскальзываясь на окровавленном полу, я пробрался ко входу в кухню и застыл на пороге, ухватившись за ручку.

Зрелище, представшее моим глазам в веселом свете кухонной лампы, показалось мне какой-то чудовищной фантасмагорией. Кровавый след на полу вел в глубь кухни, где, припертая дрожащей от возбуждения Шелби к шкафчикам, стояла Грейс. Она отбивалась руками и ногами, но Шелби была массивней, и от нее исходил острый запах адреналина. Она резким рывком переместилась, и в глазах Грейс, честных и широко распахнутых, мелькнула боль. Мне уже приходилось видеть такую картину.

Я больше не чувствовал холода. На плите стояла чугунная сковорода; я схватил ее, и рука у меня заныла от тяжести. Я боялся задеть Грейс и потому с размаху опустил сковороду на крестец Шелби.

Она огрызнулась и лишь крепче сцепила зубы. Не нужно было разговаривать на одном языке, чтобы понять, что значил ее рык. «Не приближайся». Перед глазами у меня промелькнула картинка, отчетливая, яркая, подробная: распростертая на кухонном полу Грейс, бьющаяся в агонии под пристальным взглядом Шелби. Это внедренное в мой мозг извне видение парализовало меня; наверное, так чувствовала себя Грейс, когда я поделился с ней картиной золотого леса. Оно походило на пронзительное воспоминание — воспоминание о Грейс, судорожно борющейся за каждый вздох.

Я отшвырнул сковороду и бросился на Шелби.

Схватив ее за морду, я нащупал челюсти, сжимавшие локоть Грейс, просунул пальцы внутрь и всадил кулак ей в глотку. Шелби захрипела и ослабила хватку, и я ногами оттолкнулся от шкафчиков и оторвал ее от Грейс. Мы покатались по полу, и какое-то время в кухне слышались лишь пощелкивание и скрежет ее когтей о кафель и скрип моих подошв по скользкому от ее крови полу.

Она яростно зарычала подо мной и лязгнула зубами в волоске от моего лица, но кусать не стала. Образ бездыханного тела Грейс, распростертого на полу, снова и снова вспыхивал в моем мозгу.

Я вспомнил, как переламывал куриные кости.

В моем сознании возникла отчетливая картина, как я убиваю Шелби.

Она рванулась прочь, как будто прочитала мои мысли.

— Папа, нет! Осторожно! — закричала Грейс.

Прогремел выстрел.

На краткий миг время приостановилось. Не до конца: оно затрепыхалось и замерцало на месте, свет замигал и померк, потом загорелся снова. Если бы этот миг мог превратиться в живое существо, он стал бы бабочкой, на трепещущих крыльях летящей к солнцу.

Шелби мешком рухнула на пол, и я, потеряв равновесие, спиной приложился о шкафчик.

Она была мертва. Ну или умирала, потому что ее тело содрогалось в конвульсиях. А я почему-то мог думать лишь о том, какую грязь развел на полу. Я смотрел на белые квадратики линолеума и видел кровавые разводы, оставленные моими ботинками. И один четкий красный отпечаток волчьей лапы в центре кухни, который каким-то чудом сохранился в первозданном виде.

Я не понимал, откуда так пахнет кровью, потом взглянул на свои трясущиеся руки и увидел алые потеки на запястьях и ладонях. Усилием воли я заставил себя вспомнить, что это кровь Шелби. Она была мертва. Это была ее кровь. Не моя. Ее.

Мои родители медленно досчитали от трех до одного, и из моих вен хлынула кровь.

К горлу подкатила тошнота.

Тело сковал холод.

Я...

— Нужно унести его отсюда! — разорвал тишину пронзительный девичий голос. — Перенесите его в тепло! Со мной все в порядке. Все в порядке! Я просто... Да помогите же мне перенести его!

Их голоса терзали мой слух, слишком громкие и слишком многочисленные. Они засуетились вокруг меня, перед глазами у меня все кружилось, по коже пробежала мучительная волна, но где-то в глубине души оставался один незыблемый островок.

Грейс. Я уцепился за это имя. Если я удержу его в голове, все будет хорошо.

Я весь дрожал, с меня сходила кожа.

Грейс.

Кости сминались и сплющивались под напором мышц.

Грейс.

Ее взгляд продолжал удерживать меня, даже когда я перестал чувствовать ее пальцы, сжимавшие мои локти.

— Сэм, — попросила она. — Не уходи.

Глава 38

Грейс

38 °F

— Это кем же надо быть, чтобы так поступить с ребенком? — поморщилась мама.

Не знаю, что заставило ее сморщиться: то, что я ей только что рассказала, или больничный запах мочи и дезинфекции.

Я пожалала плечами и заерзала на больничной койке. Не знаю, зачем меня вообще сюда привезли. Рану у меня на руке не пришлось даже зашивать. Единственное, что мне было необходимо, — увидеть Сэма.

— Это какая же у него теперь искалеченная психика. — Мама хмуро посмотрела на экран телевизора над кроватью, хотя он был выключен. Моего ответа дожидаться она не стала. — Ну конечно же. Конечно, искалеченная. Иначе и быть не может. Такое никому даром не проходит. Бедный мальчик. У него был такой вид, как будто ему по-настоящему больно.

Я очень надеялась, что к тому моменту, когда Сэм закончит говорить с медсестрой, мама прекратит разглагольствовать на эту тему. Мне не хотелось вспоминать его изломленные плечи, неестественную форму, которую приняло его тело под воздействием холода. И еще я очень надеялась, что Сэм поймет, почему я рассказала маме о его родителях. Это было лучше, чем если бы она узнала правду о волках.

— Я же тебе говорю, мама. Эти воспоминания действительно очень для него болезненны. Естественно, что он психанул, когда увидел у себя на руках кровь. Это же классический условный рефлекс, или как его там. Можешь посмотреть в Интернете.

Мама обхватила себя руками.

— Хотя если бы его там не было...

— Ну да, я бы погибла, и все такое прочее. Но он там был. Почему все вокруг распахивались куда больше меня?

Отметины, которые оставили на моей руке зубы Шелби, большей частью успели уже превратиться в уродливые ссадины, хотя на мне все заживало далеко не так быстро, как на Сэме, когда его подстрелили.

— Потому что ты лишена инстинкта самосохранения, Грейс. Ты прешь вперед, как танк, воображая, будто ничто на свете не может тебя остановить, пока не столкнешься с танком побольше. Ты уверена, что тебе нужно встречаться с человеком, у которого такое прошлое? — Маме, похоже, по душе приплась ее собственная теория. — У него может случиться нервный срыв. Я читала, что они могут начаться в двадцать восемь лет. Он может быть почти нормальным, а потом внезапно слететь с катушек. Ты же знаешь, я никогда раньше не указывала тебе, как жить. Но что, если... если я попрошу тебя не встречаться с ним?

Такого я не ожидала.

— Я отвечаю, что, поскольку до сих пор ты не слишком часто проявляла обо мне материнскую заботу, никакого права распоряжаться моей жизнью сейчас у тебя нет. Мы с Сэмом вместе. Это не обсуждается.

Мама вскинула руки над головой, как будто пыталась помешать танку-Грейс переехать

ее гусеницами.

— Ладно. Как хочешь. Только будь осторожна, хорошо? Бог с ним. Пойду поищу чего-нибудь попить.

На этом ее родительский порыв иссяк. Она изобразила материнскую заботу: привезла нас в больницу, понаблюдала, как медсестра обрабатывает мои раны, и попыталась отговорить меня встречаться с психом — и упорхнула. Моей жизни определенно ничто не угрожало, так что она могла быть свободна.

Несколько минут спустя дверь со щелчком отворилась, и к моей постели подошел Сэм, бледный и усталый в зеленоватом больничном освещении. Бледный, но в человеческом обличье.

— Что они с тобой делали? — поинтересовалась я.

Губы его искривились в безрадостной улыбке.

— Наложили повязку на рану, которая с того момента уже успела затянуться. Как ты все ей объяснила?

Он покрутил головой в поисках мамы.

— Рассказала о твоих родителях и сказала, что это у тебя из-за психотравмы. Она поверила. Это хорошо. Ты как? Тебе... — Я сама не очень понимала, какой вопрос хочу задать. — Папа сказал, что она умерла. Шелби. Наверное, на ней раны не заживают так, как на тебе. Все случилось слишком быстро.

Сэм положил руки мне на плечи и поцеловал меня, потом уткнулся лбом мне в лоб, так что мы уперлись взглядами друг в друга и мне стало казаться, что у него всего один глаз.

— Я отправлюсь в ад.

— Что?

Он заморгал своим единственным глазом.

— Мне следовало бы переживать из-за ее смерти.

Я отстранилась, чтобы взглянуть на выражение его лица; оно было странно опустошенным. Я не знала, что на это сказать, но Сэм избавил меня от такой необходимости, взяв меня за руки и крепко сжав их.

— Я понимаю, что должен быть расстроен. Но чувствую только облегчение, что сумел увернуться от этого снаряда. Я не превратился в волка, ты цела, а с ее смертью у меня просто одной заботой стало меньше. У меня такое чувство... как будто я пьян.

— Моя мамочка считает, что ты подпорченный товарец, — сообщила я ему.

Сэм поцеловал меня еще раз, на миг закрыл глаза, потом поцеловал меня в третий раз, совсем легонько.

— Так и есть. Ты хочешь дать деру?

Я не поняла, имеет он в виду дать деру от него или из больницы.

— Мистер Рот? — На пороге возникла сестра. — Вы можете остаться в палате, но вам придется присесть, чтобы мы могли кое-что сделать.

Как и мне, Сэму полагалось сделать несколько уколов от бешенства — стандартная процедура в случае беспричинного нападения дикого животного. Мы не стали сообщать медикам, что Сэм был близко знаком с этим животным и что оно было вовсе не бешеное, а просто злобное. Я потеснилась, чтобы дать Сэму место, и он присел на край кровати, с опаской покосившись на шприц, который сестра держала в руках.

— Не смотрите на иглу, — посоветовала женщина, рукой в перчатке закатывая его окровавленный рукав.

Сэм отвернулся, но взгляд у него был отсутствующий и рассеянный и мысли явно блуждали где-то далеко от иглы, которую сестра в данный момент вонзила ему в кожу. Глядя, как она делает укол, я вообразила, что это лекарство для Сэма — сжиженное лето, впрыснутое прямо ему в вены.

В дверь постучались, и в палату заглянула вторая медсестра.

— Бренда, ты скоро? — спросила она первую. — Ты нужна в триста второй. Там какая-то девица буянит.

— Какое счастье, — с глубоким сарказмом отозвалась Бренда. — Все, вы оба можете идти. Выписку я отдам вашей маме, когда закончу, — добавила она, обращаясь ко мне.

— Спасибо, — сказал Сэм и потянул меня за руку.

Мы двинулись по коридору, и на миг меня охватило странное чувство, что мы снова перенеслись в ту самую первую ночь, когда только познакомились.

— погоди, — сказала я, когда мы проходили через приемный покой, и Сэм послушно остановился.

Я прищурилась, но женщина, которую, как мне показалось, я заметила в многолюдном зале, исчезла.

— Кого ты высматриваешь?

— Мне показалось, я видела маму Оливии.

Я снова прищурилась, но вокруг были одни незнакомые лица.

У Сэма затрепетали ноздри, а брови еле заметно сошлись на переносице, но он не сказал ни слова, и мы двинулись к выходу. Мама уже подогнала машину к дверям, сама не подозревая, какую услугу оказывает Сэму.

За окнами машины кружились снежинки, крошечные кристаллики холода. Взгляд Сэма был прикован к деревьям, которые обступали стоянку с противоположной стороны, едва различимые в свете фонарей. Я не знала, думает ли он о неумолимом холоде, который сочился сквозь щели в дверях, об искалеченном теле Шелби, которому никогда больше не суждено превратиться в человеческое, или, как я, все еще грезит о воображаемом шприце с жидким летом.

Моя жизнь была как лоскутное одеяло: тихое воскресенье, пахнувшее кофе дыхание Грейс, непривычный рельеф нового бугристого шрама на моей руке, опасное предчувствие снега в воздухе. Два разных мира, кружащих друг рядом с другом, сближающихся все больше и больше, переплетающихся один с другим самым неожиданным образом.

Мое вчерашнее незавершенное превращение все еще нависало надо мной; смутное воспоминание о волчьем запахе, сохранившемся на волосах и кончиках пальцев. Так просто было бы сдаться. Даже сейчас, сутки спустя, у меня было такое чувство, что мое тело все еще сопротивляется ему.

Как же я устал.

Я пытался углубиться в роман, свернувшись калачиком в разлапистом кожаном кресле и время от времени задремывая. С тех пор как в последние несколько дней ночная температура резко пошла вниз, мы проводили свободное время в кабинете отца Грейс, пустующем большую часть времени. За исключением ее спальни, это было самое теплое и наименее подверженное сквознякам место в доме. Мне там нравилось. Все стены были заставлены пухлыми справочниками, слишком старыми, чтобы от них могла быть какая-нибудь практическая польза, и завешаны потемневшими от времени деревянными наградными табличками за победы в марафоне, слишком старыми, чтобы иметь какую бы то ни было памятную ценность. Маленький кабинет, весь в коричневых тонах, походил на кроличью нору и полнился характерными для кожи ароматами: дыма, табака, сожженного дерева. Здесь хотелось закрыться и работать.

Грейс сидела за столом, трудясь над домашним заданием, и волосы ее в свете двух тусклых настольных ламп золотились, как на старинных картинах. Ее склоненная в упрямой сосредоточенности голова занимала меня куда больше книги, которую я читал.

Я заметил, что ручка в пальцах Грейс давно перестала двигаться, и спросил:

— О чем задумалась?

Она развернулась на крутящемся стуле и забарабанила ручкой по губам; это вышло у нее так очаровательно, что мне немедленно захотелось ее поцеловать.

— О стиральной машинке. Я думала о том, что, когда съеду от родителей, мне придется стирать одежду в прачечной или обзавестись стиральной машинкой.

Я уставился на нее, одновременно замороженный и ошарашенный ее непостижимой логикой.

— И это отвлекает тебя от домашнего задания?

— Я не отвлекаюсь, — сухо сказала Грейс. — Мне надоело читать этот дурацкий рассказ, который нам задали по английскому, и я решила сделать передышку.

Она развернулась обратно и снова склонилась над письменным столом.

Довольно долгое время было тихо, однако Грейс ничего не писала. В конце концов она, не поднимая головы, спросила:

— Как ты думаешь, от этого есть противоядие?

Я закрыл глаза и вздохнул.

— Ох, Грейс.

— Так Расскажи мне, — попросила она настойчиво. — Это наука? Или магия? Кто ты?

— А не все ли равно?

— Нет, конечно, — с досадой сказала она. — С магией ничего не поделаешь. С наукой можно бороться. Неужели ты никогда не задумывался, как все началось?

Я продолжал сидеть с закрытыми глазами.

— Однажды волк укусил человека, и этот человек стал оборотнем. Какая разница, наука там была или магия. Единственное магическое во всем этом — то, что мы не можем это объяснить.

Грейс ничего не ответила, но я прямо-таки чувствовал ее смятение. Я молча сидел, спрятавшись за книгу, хотя и понимал, что она ждет от меня объяснений — давать которые я был не готов. Не знаю, кто из нас вел себя более эгоистично: она, желавшая того, что никто не мог обещать, или я, не желавший обещать ей чего-то до боли недостижимого.

Не успел ни один из нас нарушить томительное молчание, как дверь распахнулась и в кабинет вошел отец Грейс, окутанный облаком тумана от перепада температур. Он обвел комнату взглядом, оценивая произведенные нами перемены. Гитара из студии матери Грейс, прислоненная к моему креслу. Кипа растрепанных книг в бумажных переплетах на столике. Запас остро отточенных карандашей на рабочем столе. Его взгляд задержался на кофеварке, которую принесла Грейс, чтобы утолить свой кофеиновый голод; это зрелище, похоже, поразило его не меньше, чем меня. Детская кофеварка, специально для картузов, нуждающихся в быстрой подзарядке.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мы дома. А вы, я смотрю, оккупировали мой кабинет?

— Ты его совсем забросил, — отозвалась Грейс, не отрываясь от домашнего задания. — Это было непростительным расточительством. Был твой — стал наш.

— Да я уже понял, — хмыкнул он. Потом взглянул на меня, устроившегося в его кресле. — Что ты читаешь?

— «Заложников», — ответил я.

— Никогда не слышал. О чем это?

Он прищурился, пытаясь разглядеть обложку; я повернул ее так, чтобы он мог видеть ее.

— Оперные певицы и наркоторговля. И мордобой.

К моему изумлению, лицо отца Грейс прояснилось и на нем даже мелькнуло понимание.

— Думаю, матери Грейс это бы понравилось.

Грейс развернулась на своем стуле.

— Папа, куда ты подевал труп?

Он захлопал глазами.

— Что?

— После того как застрелил волчицу. Куда ты подевал ее труп?

— А-а. Перетащил на террасу.

— И?

— Что «и»?

Грейс в раздражении оттолкнулась от стола.

— И что ты с ним сделал потом? Не мог же ты оставить ее гнить на террасе.

Под ложечкой у меня засосало.

— Далась тебе эта волчица, Грейс! Наверное, мама с ней что-нибудь сделала.

Грейс постучала кулаком по голове.

— Папа, ну когда маме было этим заниматься? Она повезла нас в больницу!

— Я как-то об этом не задумывался. Я хотел позвонить в ветеринарную службу, чтобы ее забрали, но на следующее утро на террасе ее уже не было, ну я и решил, что кто-нибудь из вас уже им позвонил.

Грейс сдавленно фыркнула.

— Папа! Мама не в состоянии даже пиццу по телефону заказать! Как бы она позвонила в ветеринарную службу?

Отец Грейс пожал плечами и помешал свой суп.

— Бывают на свете и более странные вещи. В любом случае, это не то, о чем стоит беспокоиться. Ну, утащил ее с террасы какой-нибудь дикий зверь. Вряд ли другие животные могут заразиться бешенством от мертвой волчицы.

Грейс лишь скрестила на груди руки и сердито посмотрела на отца, как будто он ляпнул такую глупость, удостаивать которую ответом было ниже ее достоинства.

— Ну, не дуйся, — сказал он и плечом приоткрыл дверь, намереваясь уходить. — Тебе это не идет.

— Все приходится делать самой, — ледяным тоном сказала она.

Он ласково улыбнулся дочери, и ее гнев отчего-то стал казаться бурей в стакане воды.

— И что бы мы без тебя делали? Не сиди допоздна.

Дверь, негромко хлопнув, закрылась, и Грейс принялась разглядывать книжные полки, стол, стены. Все, кроме моего лица.

Я закрыл книгу, не запомнив, на какой странице остановился.

— Она не умерла.

— Мама могла вызвать ветеринарную службу, — сказала Грейс, уткнувшись взглядом в стол.

— Твоя мама никого не вызывала. Шелби жива.

— Сэм. Заткнись. Прошу тебя. Мы ничего не знаем. Какой-нибудь другой волк мог утащить ее тело с террасы. Не надо поспешных заключений.

Она наконец подняла на меня глаза, и я увидел, что Грейс, несмотря на полную неспособность разбираться в людях, догадалась, что значит для меня Шелби. Она была моим прошлым, намертво присосавшимся ко мне, пытающимся завладеть мной еще раньше, чем свои права на меня заявит зима.

Моя жизнь рушилась на глазах. Я обрел рай и изо всех сил цеплялся за него, но он рассыпался, ускользал у меня из пальцев, точно бесплотная нить, слишком тонкая, чтобы можно было ее удержать.

И я начал их выслеживать.

Каждый день, пока Грейс была в школе, я отправлялся на поиски этой парочки, которой не доверял и которая должна была умереть. Мерси-Фоллз был крошечным городишком. Пограничный лес крошечным, конечно, назвать было нельзя, зато я куда лучше в нем ориентировался и, пожалуй, имел куда больше шансов раскрыть его тайны.

Я намеревался отыскать Джека и Шелби и встретиться с ними на моих условиях.

Однако Шелби не оставила никаких следов за пределами террасы, так что, возможно, она и в самом деле была мертва. И Джек тоже как сквозь землю провалился — мертвый, остывший след. Призрак, от которого не осталось даже тела. Я прочесал всю округу, но он словно в воду канул.

Я смутно надеялся, что он тоже погиб и перестал быть проблемой. Его могла сбить машина, а тело увезли на какую-нибудь свалку. Но нигде не было ни следов, ведущих к дорогам, ни помеченных деревьев, и даже на школьной стоянке я не чувствовал запаха новоиспеченного волка. Он исчез, как будто его и не было.

Казалось бы, я должен был радоваться. Исчез — и ладно. Нет человека — нет проблемы.

Но радоваться не получалось. Мы, волки, чего только не делали: превращались в людей и обратно, затаивались, выли на одинокую бледную луну — но никогда не исчезали бесследно. Исчезали люди. Люди делали из нас чудовищ.

Глава 41

Грейс

54 °F

Наша с Сэмом жизнь напоминала карусель. Мы, как те лошадки, снова и снова кружили по одному и тому же маршруту: дом — школа — дом — школа — книжный магазин — дом — школа — дом, и далее по кругу — но на самом деле топтались вокруг важной проблемы, ни на шаг не приближаясь к решению. В центре всего были они: зима, холод, конец.

Мы не говорили о надвигающемся конце, но я постоянно чувствовала его леденящую тень, нависающую над нами. Когда-то давно я читала сборник мифов Древней Греции, и среди прочих была история о человеке по имени Дамокл, который пировал сидя на троне, а над головой у него болтался подвешенный на волоске острый меч. Вот так чувствовали себя и мы с Сэмом: человеческая суть Сэма висела на волоске.

В понедельник по расписанию карусели полагалось снова идти в школу. Хотя после нападения Шелби прошло всего два дня, у меня не осталось даже синяков. Такое впечатление, что и мне тоже досталась способность обратной исцеляться с нечеловеческой быстротой.

К моему изумлению, Оливии в классе не оказалось. В прошлом году она не пропустила ни единого дня.

До самого обеда я ждала, что она появится, однако она так и не пришла. Ее пустующее место постоянно притягивало к себе мой взгляд. Она могла просто заболеть, но какой-то внутренний голос, который я настойчиво пыталась заглушить, подсказывал мне, что дело неладно. На четвертом уроке я уселась на свое традиционное место позади Рейчел.

— Рейчел, привет. Ты Оливию не видела?

Она обернулась ко мне.

— А?

— Оливию не видела? Вы же вроде вместе ходите на естествознание?

Она пожала плечами.

— Я ее с пятницы не видела. Я ей звонила, но ее мама сказала, что она заболела. А ты сама, рыбка моя? Куда запропала? Не звонишь, не пишем и.

— Меня укусил енот, — сказала я. — Пришлось делать уколы от бешенства, и все воскресенье я отлеживалась. Чтобы удостовериться, что не взбешусь и не начну бросаться на людей.

— Кошмар. Куда он тебя цапнул?

Я похлопала по штанине джинсов.

— За лодыжку. Да там почти ничего и не видно. Но мне беспокойно за Оливию. Я так и не смогла до нее дозвониться.

Рейчел нахмурилась и положила ногу на ногу; она обожала одежду в полоску, и сегодня на ней бы ли полосатые колготки.

— И я тоже, — сказала она. — Думаешь, она нас избегает? Может, она до сих пор на тебя злится?

Я покачала головой.

— Вряд ли.

Рейчел поморщилась.

— Но у нас ведь все по-прежнему? Ну, то есть в последнее время нам толком не удавалось поговорить. О том, что происходит. А происходит много чего. А нам все некогда поболтать. Или собраться у кого-нибудь дома. Или еще что-нибудь.

— У нас все по-прежнему, — твердо сказала я, Она почесала обтянутую пестрыми колготками коленку и закусил губу.

— Как думаешь, может, нам заглянуть к ней домой? Вдруг застанем?

Я отозвалась не сразу, и она не стала развивать эту тему дальше. Для нас обеих это была незнакомая территория: прежде нам никогда не приходилось прикладывать усилия, чтобы сохранить нашу компанию. Я не очень понимала, правильно или нет будет пытаться застать Оливию дома врасплох. Эта мера казалась чересчур радикальной, но, в самом деле, когда мы в последний раз виделись или хотя бы разговаривали с ней?

— Может, подождать до конца недели? — нерешительно произнесла я. — Если она так и не объявится, тогда мы...

Рейчел с явным облегчением кивнула.

— Ладненько.

Мистер Ринк, стоя перед классом, кашлянул, чтобы привлечь наше внимание, и Рейчел поспешно отвернулась.

— Так, ребята, — сказал он, — вы, наверное, не раз уже слышали это сегодня от учителей, но я еще раз напомню вам, чтобы не облизывали питьевой фонтанчик и не целовались с кем попало. Департамент здравоохранения сообщил, что в нашей округе зарегистрировано несколько случаев менингита. А он передается через... ну, кто знает? Сопли! Слизь! Поцелуи и облизывания! Так что придется вам с этим делом завязать!

На последних партах одобрительно заулюлюкали.

— Поскольку теперь ничего этого делать нельзя, займемся вещами почти столь же приятными. Обществоведением! Откройте учебники на странице сто двенадцать.

Я в тысячный раз покосилась на дверь, надеясь увидеть на пороге Оливию, и раскрыла учебник.

На большой перемене я улизнула в коридор и набрала домашний номер Оливии. После двенадцатого гудка включился автоответчик. Я не стала оставлять никакого сообщения; не хватало только, чтобы мать Оливии услышала запись с вопросом, где ее дочь прохлаждается в учебное время, если Оливия решила прогулять школу по каким-то своим причинам. Я уже собиралась закрывать шкафчик, когда заметила, что небольшой карманчик на рюкзаке застегнут не до конца. Из него выглядывала бумажка с написанным на нем моим именем. Я развернула его и почувствовала, как щекам стало горячо: это был корявый почерк Сэма.

*Все-таки снова, — хоть местность любви нам знакома,
Хоть знаем погост, где имен так печально звучание,
И жутко молчащую пропасть, в которой кончали
многие, — все-таки снова и снова уходим вдвоем
Туда, под деревья, и все-таки снова ложимся
Между цветами, где небо нам видно.* ^[5]

Это Рильке. Жаль, что не я написал это для тебя.

Я не до конца поняла это стихотворение, но подумала про Сэма и прочитала его еще раз вслух, шепотом проговаривая слова. Произнесенные вслух, они становились прекрасными. Мои губы дрогнули в улыбке, хотя вокруг не было ни единой живой души и никто не мог ее видеть. Мои тревоги никуда не делись, но на миг я вознеслась над ними, окрыленная воспоминаниями о Сэме.

Мне хотелось сберечь эту тихую радость, поэтому я не пошла в шумную столовую, а вернулась в пустой класс и уселась на свое место. Положив учебник английского на парту, я развернула записку и принялась ее перечитывать.

Я сидела в пустом классе и слушала приглушенные голоса, доносившиеся из столовой, и мне вдруг вспомнилось, как меня, когда мне становилось плохо на уроке, отправляли к школьной медсестре. Там, в кабинете, царила точно такая же приглушенная атмосфера, как на далеком спутнике какой-то шумной планеты, которой была школа. После того как на меня напали волки, я регулярно оказывалась в медкабинете с симптомами гриппа, который, наверное, на самом деле был вовсе не гриппом.

Не знаю, сколько времени я просидела так, таращась на телефонную трубку и вспоминая о том, как меня покусали. И как мне после этого было плохо. И как потом стало лучше. Неужели мне единственной так повезло?

— Ты не передумала?

Я вскинула голову от неожиданности и обнаружила, что за соседней партой сидит Изабел. К моему изумлению, выглядела она совсем не так идеально, как обычно: под глазами у нее темнели круги, лишь частично замаскированные косметикой, а покрасневшие глаза скрыть и вовсе ничто не могло.

— О чем ты?

— Насчет Джека. Может, ты все-таки что-то о нем знаешь?

Я с подозрением покосилась на нее. Кто-то говорил мне, что адвокаты никогда не задают вопросов, ответа на которые не знают заранее, вот и у Изабел в голосе звучала поразительная уверенность.

Она сунула длинную, неестественно загорелую руку в сумочку, вытащила оттуда стопку прямоугольных карточек и бросила их на мой учебник.

— Вот, твоя подружка обронила.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы сообразить, что это пачка глянцевої фотобумаги и напечатаны на ней, видимо, снимки Оливии. У меня засосало под ложечкой. На первых нескольких был лес, ничего особо выдающегося. Потом пошли волки. Безумный пегий, полускрытый деревьями. Черный — Сэм мне вроде бы говорил, как его зовут. Я замешкалась, держа фотографию за краешек, но не спеша открыть следующую. Изабел рядом со мной явственно напряглась, вместо меня собираясь с духом, чтобы увидеть следующий снимок. Видимо, то, что запечатлела на пленке Оливия, объяснить было сложно.

Наконец, потеряв терпение, Изабел перегнулась через проход между партами и выхватила у меня из рук верхние снимки.

— Давай уже, смотри дальше.

На фотографии был Джек. Джек в волчьем облике. Его снятые крупным планом глаза на волчьей морде.

А на следующей — он сам. В человеческом облике. Голый.

Снимок был потрясающим по силе художественного воздействия, он казался почти постановочным, настолько судорожно руки Джека обхватывали его тело, настолько

выразительным был взгляд, которым он смотрел в камеру через плечо, обернувшись назад, так что видны были ссадины на его длинной и бледной выгнутой спине.

Я закусила губу и вгляделась в его лицо на обоих снимках. Процесс превращения снят не был, но сходство глаз было убийственным. Кадр, где крупным планом была снята волчья морда, получился по-настоящему пронзительным. И лишь потом до меня дошло, что на самом деле означают эти фотографии, каково их подлинное значение. Дело было не в Изабел. Дело было в Оливии. Она все знала. Это были ее снимки, так что она не могла не знать. Но как давно она в курсе? И почему ничего не сказала мне?

— Ну, что молчишь?

Я наконец оторвалась от фотографий и вскинула глаза на Изабел.

— А что я должна сказать?

Изабел досадливо засопела.

— Ты же видела фотографии. Он жив. На этих снимках он.

Я снова посмотрела на Джека, выглядывающего из чащи. Казалось, ему зябко в новой шкуре.

— Я не знаю, что ты хочешь от меня услышать. Что ты ко мне привязалась?

Изабел, похоже, боролась с собой. На миг мне показалось, что она сейчас скажет мне какую-нибудь гадость, однако она закрыла глаза. Потом снова открыла их, но тут же отвела в сторону и уставилась на доску.

— У тебя ведь нет брата? И сестер тоже нет?

— Нет. Я единственный ребенок.

Изабел пожала плечами.

— Тогда не знаю, как это тебе объяснить. Он мой брат. Я считала, что он погиб. Но он не погиб. Он жив. Он там, на этих снимках, но я не знаю, где это. И что это такое вообще. Но думаю... думаю, что ты знаешь. Только ты можешь мне помочь. — Она взглянула на меня, и глаза ее отчаянно сверкнули. — Что я тебе сделала?

Я с трудом подбирала слова. Все-таки Джек был ее братом. Она имела право знать. Вот только если бы это была не Изабел...

— Изабел, — произнесла я, запинаясь. — Странно, что ты не понимаешь, почему я боюсь с тобой говорить. Да, лично мне ты ничего плохого не сделала. Но я знаю людей, которым ты сломала жизнь. Назови причину... по которой я должна тебе доверять.

Изабел схватила фотографии и затолкала их в сумку.

— Ты сама ее назвала. Потому что я не сделала тебе ничего плохого. И еще, мне кажется, то, что случилось с Джеком... то же самое и с твоим парнем.

Я помертвела при мысли о фотографиях, которые не успела увидеть. Может, на них был Сэм? Может, Оливия узнала про волков еще раньше меня? Я попыталась в точности воспроизвести в памяти слова, которые Оливия бросила в запале ссоры, ища в них двойной смысл. Изабел не сводила с меня взгляда, ожидая ответа, а я не знала, что ей сказать.

— Ладно, хватит на меня пялиться, — буркнула я наконец. — Мне нужно подумать.

Грохнула дверь, и в класс с шумом устремились наши одноклассники. Я вырвала из тетради листок и нацарапала на нем свой номер телефона.

— Вот тебе мой сотовый. Позвони мне после уроков, договоримся, где встретимся. Надеюсь.

Изабел взяла листок. Я ожидала увидеть на ее лице торжество, но, к моему удивлению, вид у нее был такой же подавленный, как у меня настроение. Волки были тайной,

приобщаться к которой не хотелось никому.

— У нас проблема.

Сэм, сидевший на водительском сиденье, повернулся ко мне.

— Ты же сейчас должна быть на занятиях?

— Я сбежала пораньше. — Последним уроком у нас было ИЗО, и я решила, что без меня с моей кошмарной скульптурой из глины и проволоки там никто скучать не будет. — Изабел все знает.

Сэм моргнул.

— Какая Изабел?

— Сестра Джека, помнишь?

Я убавила мощность печки — Сэм раскочегарил ее на полную катушку — и сунула рюкзак себе в ноги. Потом пересказала ему наш разговор, опустив свои пугающие впечатления от фотографии Джека в человеческом облике.

— Понятия не имею, что там было на остальных снимках.

Изабел мгновенно перестала волновать Сэма.

— Снимки сделала Оливия?

— Угу.

На его лице отразилась тревога.

— Хотел бы я знать, это потому Оливия так вела себя в книжном? Со мной. — Я ничего не ответила, и он уткнулся взглядом в руль или куда-то совсем рядом с ним. — Если она в курсе нашей тайны, ее комментарий про мои глаза становится очень логичным. Она пыталась вызвать нас на откровенность.

— Вообще-то да, — согласилась я. — Очень похоже.

Он тяжело вздохнул.

— Теперь у меня не выходят из головы слова Рейчел. Про волка у дома Оливии.

Я закрыла глаза и вновь открыла их, но это не помогло мне отогнать воспоминание о Джеке, скорчившемся на земле.

— Ох. Об этом я даже думать не хочу. Так что будем делать с Изабел? Я не могу вечно от нее прятаться. И продолжать ей врать не могу; это будет выглядеть по-идиотски.

Сэм слабо улыбнулся.

— Ну, я спросил бы у тебя, что она за человек и как, по твоему мнению, нам следует поступить...

— ...но я препаршиво разбираюсь в людях, — договорила я вместо него.

— Попрошу заметить: не я это сказал.

— Ладно, так что мы будем делать? Отчего-то у меня такое чувство, что я одна тут навожу панику. А ты совершенно... спокоен.

Сэм пожал плечами.

— Наверное, это от неожиданности. Я не могу ничего сказать, не пообщавшись с ней для начала. Если бы я был с тобой, когда она показывала тебе те фотографии, может, я тоже забеспокоился бы, но пока что никаких конкретных мыслей по этому поводу у меня нет. Судя по имени, она должна быть приятной девушкой.

— Вот уж пальцем в небо, — засмеялась я.

Он состроил трагическую мину, и от его преувеличенно сокрушенного вида мне вдруг полегчало.

— Что, ужас-ужас?

— Раньше я так и думала. А теперь... — Я пожала плечами. — Черт его знает. Так что будем делать?

— Думаю, придется с ней встретиться.

— Вдвоем? Где?

— Да, вдвоем. Это же не только твоя проблема. Не знаю. Где-нибудь, где поменьше народу. Чтобы я мог понять, что она из себя представляет, прежде чем решать, что ей можно сказать. — Он нахмурился. — Она будет не первой родственницей, посвященной в тайну.

По его выражению я поняла, что он имеет в виду не своих родителей, иначе не нахмурился бы.

— Да?

— Жена Бека знала.

— «Знала»?

— Она умерла от рака груди. Это было задолго до меня. Я никогда ее не видел. Я узнал про нее от Пола, да и то по чистой случайности. Бек не хотел, чтобы я знал. Наверное, это из-за того, что люди в массе своей не слишком нас любят, и он не хотел, чтобы я тешил себя иллюзиями, будто смогу в любой момент тоже обзавестись собственной женой, ну или что-то в этом роде.

До чего же несправедливо, что на одну семью обрушились две такие трагедии сразу. Я с опозданием спохватилась, что едва не пропустила непривычную горечь в его голосе. Наверное, надо было что-то сказать, расспросить его о Беке, но момент был упущен, а потом стало слишком шумно: Сэм включил радио погромче и нажал на газ.

Он дал задний ход и задумчиво нахмурился.

— К черту правила, — произнес он наконец. — Я хочу с ней встретиться.

— Можно узнать, какого черта мы идем печь пирог вместо того, чтобы поговорить о моем брате? — осведомилась Изабел, не поздоровавшись.

Она только что выбралась из громадного джипа, который практически перегородил подъезд к дому Брисбенов. Первое, что бросилось мне в глаза, это ее высокий рост — видимо, потому, что она была в сапогах на пятидюймовых каблучищах, — а следом ее кудряшки, потому что их у нее на голове было больше, чем у фарфоровой куклы.

— Нельзя, — сказала Грейс как отрезала, и я в очередной раз ею восхитился.

Изабел фыркнула так, что если бы этот звук прекратить в снаряд, он способен был бы стереть с лица земли небольшое государство.

— Ну можно тогда хотя бы узнать, кто он такой?

Я взглянул на нее в тот самый момент, когда она разглядывала мою задницу. Она поспешно отвела глаза, а я отозвался в тон Грейс:

— Нельзя.

Грейс провела нас в дом и, обернувшись к Изабел, предупредила:

— Ни слова о Джеке. Мама дома.

— Это ты, Грейс? — послышался женский голос со второго этажа.

— Да! Мы будем печь киш^[6]!

Грейс повесила свою куртку и сделала нам знак последовать ее примеру.

— Я тут принесла кое-какие вещи из студии, отодвиньте их с прохода! — крикнула в ответ ее мать.

Изабел наморщила носик и осталась стоять в своей отороченной мехом курточке, отступив в сторонку, пока Грейс распахивала по углам коробки, перегораживавшие проход. В этой тесной кухоньке она казалась совершенно чужеродной. То ли давным-давно утративший свою белизну линолеум в сравнении с ее безупречной завивкой стал выглядеть еще более жалким, то ли в сравнении со старым выщербленным полом ее прическа стала выглядеть еще более безупречной и ненатуральной. До сих пор мне ни разу не бросалось в глаза убожество окружающей обстановки.

Грейс засучила рукава и принялась мыть руки, и Изабел попятилась еще дальше.

— Сэм, включи радио и найди что-нибудь приличное, ладно?

Я отыскал на полке посреди жестянок с солью и сахаром небольшую магнитолу и включил ее.

— Господи, мы и в самом деле будем печь пирог, — простонала Изабел. — А я-то думала, это такое условное обозначение для чего-то другого.

Я усмехнулся, и она, перехватив мой взгляд, страдальчески закатила глаза. Впрочем, это вышло у нее чересчур нарочито, поэтому в искренность ее страданий я не поверил. Что-то в ее взгляде наводило на мысль, что она как минимум заинтригована ситуацией. А ситуация заключалась в следующем: я не собирался ничего говорить Изабел, пока не разберусь, что она за человек.

В кухню, распространяя апельсиновый запах скипидара, вошла мать Грейс.

— Привет, Сэм. Ты тоже будешь печь пирог?

— Попытаюсь, — с серьезным видом ответил я.

— Вот смех-то, — фыркнула она. — А это кто?

— Изабел, — ответила Грейс. — Мам, ты не знаешь, где у нас такая зеленая поваренная книга? Все время здесь была. Там рецепт пирога.

Ее мать растерянно пожала плечами и присела на корточки рядом с одной из коробок на полу.

— Сбежала, наверное. Что это за ужас передают по радио? Сэм, найди что-нибудь поприличнее.

Пока Грейс листала поваренные книги, сваленные на тумбе, я принялся переключаться с одной радиостанции на другую.

— Оставь вот эту! — сказала мать Грейс, когда я наткнулся на какую-то попсу. Она поднялась, держа в руках коробку. — Ну ладно, я пойду. Желаю удачи. Я к вам еще зайду... попозже.

Грейс, похоже, и не заметила ее исчезновения.

— Изабел, яйца, сыр и молоко в холодильнике. Сэм, — она кивнула в мою сторону, — будь так добр, включи духовку и достань пару сковородок.

Изабел в растерянности застыла перед холодильником.

— Тут одного сыра триста пятьдесят сортов. Я в них не разбираюсь.

— Тогда ты разожги духовку, а Сэм достанет сыр. Он знает толк в еде, — сказала Грейс.

Приподнявшись на цыпочки, она потянулась достать из навесного шкафчика муку; в ее позе было столько гибкой грации, что мне до смерти захотелось прикоснуться к полоске обнаженной кожи над поясом ее джинсов. Но пока я смотрел на нее, она поставила пакет с мукой на стол и миг был упущен, так что я поменялся местами с Изабел, вытащил из холодильника острый чеддер, молоко и яйца и положил их на стол.

Когда я закончил разбивать яйца и влил в них майонез, Грейс уже рубила в миске масло с мукой. В кухне внезапно закипела работа, как будто нас здесь был целый легион.

— Это еще что такое? — осведомилась Изабел, с подозрением глядя на пакет, который сунула ей в руки Грейс.

— Грибы, — прыснула Грейс.

— Они похожи на коровьи лепехи.

— Хотела бы я иметь такую корову. — Грейс отстранила Изабел и плюхнула в сотейник кусок масла. — Ее задница стоила бы миллион. Давай клади их сюда и пассеруй до мягкости.

— Долго?

— До мягкости, — повторил я.

— Ты все слышала. — Грейс протянула руку. — Сковороду!

— Помоги ей, — велел я Изабел. — А я позабочусь о мягкости, раз уж ты не в состоянии.

— Я и так мягкая, — пробормотала Изабел.

Она передала Грейс две формы, и Грейс ловким жестом фокусника уложила на дно каждой по пласту теста. Потом она принялась показывать Изабел, как зачищать края. Судя по всему, процесс у нее был отработан до мелочей; у меня сложилось впечатление, что Грейс справилась бы со своей работой куда быстрее, если бы мы с Изабел не путались у нее под ногами.

Я смотрел, как эти двое защищают тесто, и губы у меня сами собой расплылись в улыбке.

— Что скалишься? — бросила мне Изабел. — Следи за грибами!

Грибы удалось спасти в самый последний момент, и я вывалил к ним шпинат, который Грейс сунула мне в руки.

— Моя тушь! — воскликнула Изабел, перекрывая шум стряпни.

Я оглянулся и увидел, как они с Грейс со смехом и слезами шинкуют лук. Тут едкий луковый дух ударил мне в нос, и у меня тоже защищало глаза.

Я протянул им сотейник.

— Давайте его сюда.

Изабел ссыпала лук в сотейник, а Грейс хлопнула меня по заднице перепачканной в муке рукой. Я вывернул шею, пытаюсь увидеть, не осталось ли отпечатка, а Грейс тем временем повозила ладонью по остаткам муки и сделала вторую попытку.

— Это же моя песня! — внезапно завопила она. — Сделай погромче! Погромче!

Это была Мэрайя Кэри в наихудшем ее варианте, однако сейчас это оказалось самое то, что нужно. Я выкручивал ручку громкости, пока не завибрировали динамики, прислоненные к жестяным коробкам. Тогда я поймал Грейс за руку, притянул ее к себе, и мы принялись танцевать какой-то безумный, жутко неуклюжий и невыносимо эротичный танец. Она танцевала спиной вплотную ко мне, вскинув руки, а я обнимал ее за талию, слишком низко, чтобы это объятие можно было назвать целомудренным.

Вот такими мгновениями и измеряется жизнь, промелькнула у меня мысль. Грейс запрокинула голову, изогнув длинную бледную шею, и потянулась губами к моим губам, и за миг до того, как они встретились, я перехватил тоскливый взгляд Изабел, устремленный на нас.

— Скажите мне, на сколько ставить таймер, — буркнула пойманная с поличным Изабел и отвела глаза. — А потом, может быть, все-таки поговорим?

Грейс все еще прижималась ко мне спиной, окруженная надежным кольцом моих рук, с ног до головы перепачканная мукой и такая аппетитная, что у меня в глазах потемнело от желания немедленно остаться на этой кухне с ней наедине. Она лениво махнула в сторону раскрытой поваренной книги, опьяненная моей близостью. Изабел сверилась с рецептом и завела таймер.

Вдруг стало понятно, что делать больше нечего, и на миг повисла тишина, потом я сделал глубокий вдох и обернулся к Изабел.

— Ладно, я расскажу тебе, что случилось с Джеком.

Изабел с Грейс явно опешили.

— Давайте присядем, — предложила Грейс и вывернулась из моих объятий. — Идите вон туда, в гостиную. Я сделаю кофе.

Мы с Изабел прошли в гостиную. Там, как и на кухне, царил кавардак, которого я не замечал, пока не появилась Изабел. Чтобы освободить себе место на диване, ей пришлось передвинуть груды высохшего белья. Садиться рядом с ней мне не хотелось, поэтому я опустился в кресло-качалку напротив.

— Почему ты не как Джек? — спросила Изабел, искоса глядя на меня. — Почему ты не превращаешься в волка и обратно?

Я и бровью не повел; не предупреди меня Грейс, что Изабел обо всем догадалась, возможно, я не был бы столь хладнокровен.

— Я такой уже давно. Постепенно становишься все стабильнее. Это только поначалу вечно превращаешься туда-сюда. Отчасти это связано с температурой, но не настолько сильно, как потом.

— Ты сделал это с Джеком? — выпалила она мгновенно.

Я нарочно не стал скрывать отвращения.

— Я не знаю, кто это сделал. Нас таких довольно много, и не все из нас приятные люди. О его пневматическом ружье я решил не упоминать.

— Почему он такой злой?

Я пожал плечами.

— Понятия не имею. Может, потому что он злой по жизни?

Прищур Изабел стал недобрый.

— Послушай, укус не делает из тебя чудовище. Ты просто превращаешься в волка. Но при этом внутри остаешься таким, какой ты есть. В волчьем обличье и в момент превращения человеческие тормоза отсутствуют, так что если ты по природе своей вспыльчив или склонен к насилию, то эти черты усугубятся.

Вошла Грейс, с трудом удерживая на весу три кружки с кофе. Изабел взяла кружку с бобром на боку, а я — с логотипом какого-то банка. Грейс плюхнулась на диван рядом с Изабел.

Та на миг закрыла глаза.

— Так. Давайте еще раз по порядку. На самом деле мой брат не погиб. Волки только покусали его, а потом он стал оборотнем? Прошу прощения, я не слишком разбираюсь во всей этой потусторонней бодяге. И вообще, там же еще было что-то про луну, серебряные пули и прочая тому подобная чушь?

— Он восстановился, но не сразу, — объяснил я. — На самом деле он не был мертв. Не знаю, каким образом он сбежал из морга. Луна и серебряные пули не более чем миф. Как тебе объяснить... Это... это болезнь, которая обостряется в холода. Думаю, миф про луну возник из-за того, что ночью обычно холодает, так что новоиспеченные оборотни часто превращаются в волков по ночам. Вот люди и стали думать, что это луна во всем виновата.

Изабел держалась весьма достойно. Она не собиралась падать в обморок, и страхом от нее тоже не пахло. Она отхлебнула кофе.

— Ну и гадость.

— Это растворимый, — принялась оправдываться Грейс.

— Так мой брат узнает меня, когда он в волчьем обличье? — уточнила Изабел.

Грейс взглянула на меня; а у меня не хватило духу посмотреть ей в глаза, когда я отвечал.

— Разве что смутно. Кто-то в волчьем обличье ничего не помнит о своей человеческой жизни, кто-то кое-что помнит.

Грейс отвела взгляд и принялась прихлебывать кофе, старательно изображая равнодушие.

— Значит, вас целая стая?

Изабел задавала правильные вопросы. Я кивнул.

— Но Джек пока что их не нашел. Или они его не нашли.

Изабел долго водила пальцем по краю кружки, потом перевела взгляд с меня на Грейс и обратно.

— Ну и в чем тут подвох?

Я опешил.

— Какой подвох?

— А такой, что ты тут рассказываешь мне все это, а Грейс делает вид, будто все прекрасно, но на самом деле все отнюдь не прекрасно.

Пожалуй, ее прозорливость меня не удивила. Едва ли можно очутиться на вершине школьной пирамиды, не разбираясь в людях. Я уткнулся в нетронутую чашку с кофе. Кофе я не любил: вкус был слишком резким и горьким. Я так долго был волком, что успел отвыкнуть от него.

— Каждому из нас отпущен свой срок. Чем больше времени проходит после укуса, тем более незначительное похолодание нам нужно, чтобы превратиться в волка. И тем более сильного потепления приходится ждать, чтобы вернуться в человеческий облик. В конце концов мы перестаем превращаться в людей.

— И какой он, этот срок?

Я не смотрел на Грейс.

— У всех по-разному. У большинства он измеряется годами.

— Но не у тебя.

Мне хотелось сказать ей, чтобы она заткнулась. Я не знал, как долго еще Грейс сможет сохранять бесстрастное выражение. Но лишь слабо покачал головой, надеясь, что Грейс смотрит в окно, а не на меня.

— А если бы вы жили во Флориде или еще где-нибудь, где тепло?

Я с радостью ухватился за возможность увильнуть от разговора обо мне.

— Были такие, кто пытался. Ничего не вышло. Развивается сверхчувствительность к малейшим колебаниям температуры.

Ульрик с Мелиссой и еще один, по имени Бауэр, в один год уехали в Техас, надеясь сбежать от зимы. Я до сих пор помню, как Ульрик в эйфории звонил Беку спустя несколько недель после своего отъезда и хвастался, что до сих пор находится в человеческом обличье, и как потом вернулся, совершенно раздавленный, без Бауэра — тот у него на глазах превратился в волка, когда они проходили мимо чуть приоткрытой двери магазина, где работал кондиционер. Очевидно, Техасский департамент по контролю за дикими животными не полагался на транквилизаторные ружья.

— А если уехать на экватор? В такое место, где температура всегда постоянная?

— Я не знаю. — Я с трудом сдерживал раздражение. — Ни один из нас пока что не пытался перебраться жить в джунгли, но я обдумаю эту возможность, когда выиграю в лотерею.

— Не обязательно строить из себя клоуна. — Изабел поставила кружку на стопку журналов. — Я просто спросила. Значит, все, кого укусили, превращаются в оборотней?

«Все, кроме той единственной, которую я хотел бы взять с собой».

— Почти.

Мой собственный голос показался мне чужим и усталым, но мне было все равно.

Изабел поджала губы, и я подумал, что она продолжит допытываться, но она не стала.

— Значит, я не ошиблась. Мой брат оборотень, настоящий оборотень, и с этим ничего нельзя сделать.

Глаза Грейс сузились, и я пожалел, что нет способа узнать, о чем она думает.

— Угу. Все верно. Но ты и сама все это знала. Зачем тебе понадобилось расспрашивать нас?

Изабел пожала плечами.

— Наверное, я надеялась, что кто-нибудь выскочит из-за занавески и скажет: «Обманули дурака на четыре кулака! Нет никаких оборотней. А ты и уши развесила!»

Мне очень хотелось сказать ей, что никаких оборотней на самом деле и нет. Есть люди и есть волки, а еще есть те, кто находится в процессе превращения из первых во вторых и обратно. Но меня охватила такая усталость, что я промолчал.

— Пообещай мне, что никому ничего не скажешь, — неожиданно подала голос Грейс. — Думаю, ты пока не успела никому проболтаться, вот молчи обо всем и дальше.

— Думаешь, я совсем идиотка? Мой папаша со злости уже пристрелил одного волка. По-твоему, я побегу докладывать ему, что Джек — один из них? А мамаша напичкалась успокоительным по самое не могу. Много от нее толку. Придется мне справляться со всем этим в одиночку.

Мы с Грейс переглянулись.

— Не в одиночку, а с нами вместе, — поправила Грейс. — Мы поможем тебе, чем сможем. Джек не останется один, но сначала мы должны его отыскать.

Изабел смахнула со своего сапога видимую одной только ей пылинку, как будто не понимала, что ей делать с этим одолжением.

— Не знаю. Когда я в последний раз его видела, он был не слишком мил. Не знаю, хочу ли я его найти.

— Прости, — сказал я.

— За что?

За то, что не могу сказать, что в мерзком характере твоего братца виноваты укусившие его волки. Я пожал плечами. По-моему, я только и делал, что ими пожимал.

— За то, что не смог сообщить тебе ничего утешительного.

Из кухни послышался негромкий назойливый писк.

— Пирог испекся, — сказала Изабел. — Хоть какой-то утешительный приз. — Она взглянула на меня, потом на Грейс. — Значит, он скоро перестанет превращаться туда-обратно? Потому что уже совсем на носу зима?

Я кивнул.

— Вот и хорошо, — подытожила Изабел, глядя из окна на голые ветви деревьев. На лес, который теперь стал домом Джека, а в самом скором времени должен был стать и моим домом. — Скорей бы уж.

Глава 43

Грейс

45 °F

От недосыпа я была как зомби. Я была:

Сочинением по английскому
Голосом мистера Ринка
Помаргивающим флуоресцентным светом над моей партой
Углубленным курсом по биологии
Каменным лицом Изабел
Слипающимися глазами.

— Прием, прием! — послышался голос Рейчел, и она ущипнула меня за локоть, проходя мимо. — Там Оливия. Я даже не видела ее в школе, а ты?

Я проследила за направлением взгляда Рейчел и в толпе ребят, ожидающих школьного автобуса, увидела Оливию. Она перетаптывалась с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть. Камеры при ней не было. Я вспомнила про фотографии.

— Мне нужно с ней поговорить.

— Угу. Еще как нужно, — согласилась Рейчел. — Если вы не помиритесь, плакала наша поездка в теплые края на Рождество. Я бы пошла с тобой, но меня ждет папа, а ему еще в Дулут ехать, у него там встреча. Он меня с потрохами съест, если я задержусь хоть на секунду. Расскажешь потом, о чем говорили!

Она припустила к стоянке, а я трусцой побежала к Оливии.

— Оливия!

Она дернулась, и я ухватила ее за локоть, как будто опасалась, что она сейчас улетит.

— Я никак не могу до тебя дозвониться!

Оливия натянула вязаную шапочку до самых глаз и обхватила себя руками, чтобы не дрожать.

— Да?

На миг меня охватило искушение ничего ей не говорить, чтобы посмотреть, что она скажет. Проверить, признается она, что ей все известно про волков, или нет. Однако автобусы уже начали выстраиваться вдоль тротуара, и я решила не ждать.

— Я видела твои снимки, — вполголоса сказала я ей на ухо. — Которые с Джеком.

Она резко повернулась.

— Так это ты их взяла?

Я попыталась, и небезуспешно, удержаться от обвинительного тона.

— Мне их показала Изабел.

Оливия побледнела.

— Почему ты ничего мне не рассказала? — укорила ее я. — Почему не позвонила?

Она закусила губу и принялась рассматривать что-то на стоянке.

— Я собиралась. Хотела сказать тебе, что ты была права. Но потом я наткнулась на Джека, и он просил меня никому про него не рассказывать, и мне стало стыдно, как будто я

затеяла что-то плохое.

Я захлопала глазами.

— Ты с ним *говорила*?

Оливия с несчастным видом пожала плечами, все сильнее дрожа на холодном ветру.

— Я, как обычно, фотографировала волков и увидела его. — Она понизила голос и наклонилась ко мне. — Когда он превращался. Обратно в человека. Я не поверила своим глазам. У него не было никакой одежды, а все произошло недалеко от моего дома, так что я привела его к нам и дала ему кое-что из вещей Джона. Наверное, я просто пыталась убедить себя, что не сошла с ума.

— Ну, спасибо, — саркастически произнесла я.

Дошло до нее не сразу, потом она торопливо заговорила:

— Ох, Грейс, я знаю. Я знаю, ты с самого начала об этом твердила, но, сама подумай, как еще я могла отреагировать? Поверить твоим словам? Так я даже собственным глазам с трудом поверила. Но мне стало его жалко. Он теперь везде изгой.

— И давно это продолжается?

Я не могла понять, что меня так задело. Наверное, это было предательство. Я же с самого начала поделилась с Оливией своими подозрениями, а она призналась во всем, только когда я загнала ее в угол.

— Не знаю. Довольно давно. Я кормлю его, стираю ему одежду и все такое. Где он живет, я не в курсе. Мы много разговаривали, пока не поругались из-за противоядия. Я прогуляла школу, чтобы поговорить с ним и попытаться сделать фотографии других волков. Вдруг еще кто-нибудь из них превратился бы в человека. — Она помолчала. — Грейс, он сказал, что тебя тоже укусили, но ты вылечилась.

— Это правда. Ну, то есть что меня укусили. Ты ведь знала об этом. Но, как видишь, и волчицу я так и не превратилась.

Она не сводила с меня внимательных глаз.

— Ни разу?

Я покачала головой.

— Ни разу. Еще кому-нибудь ты об этом говорила?

Оливия метнула на меня еще один испепеляющий взгляд.

— Я же не идиотка.

— Ну, Изабел же каким-то образом раздобыла снимки. Если она смогла, значит, и другие могут.

— У меня нет ни одной фотографии, на которой был бы снят сам процесс, — возразила Оливия. — Я же сказала, я не полная идиотка. У меня есть только снимки до и после. Кого они могут натолкнуть на правильные выводы?

— Изабел, — напомнила я.

Оливия нахмурилась.

— Я осторожна. И вообще, после того как мы поругались, я его не видела. Мне пора. — Она замахала водителю автобуса. — Ты правда ни разу не превращалась в волчицу?

Теперь настал мой черед испепелять ее взглядом.

— Я никогда не вру тебе, Олив.

Долгое мгновение она молча смотрела на меня, потом сказала:

— Хочешь, поехали ко мне?

Вообще-то я ожидала услышать от нее какое-то подобие извинения. За то, что не верила

мне. Не отвечала на мои звонки. Не разговаривала со мной. За то, что я так и не дождалась от нее слов «ты была права». Поэтому я ответила:

— Я жду Сэма.

— Ну ладно. Может, тогда как-нибудь на этой неделе?

Я хлопнула глазами.

— Может быть.

Она вошла в автобус, превратилась в темный силуэт за стеклом, пробираясь к своему месту. Я думала, разговор с ней принесет мне какое-то... чувство завершенности, что ли, однако не испытывала ничего, кроме неясной тревоги. Мы с Сэмом столько времени убили на поиски Джека, а Оливия даже не собиралась подсказать нам, где его найти. Я не знала, что и думать.

На стоянку медленно въехал «бронко» и покатил в моем направлении. При виде сидящего за рулем Сэма меня охватило чувство покоя, которого не принес разговор с Оливией. Надо же было так радоваться при виде всего лишь своей собственной машины.

Сэм потянулся и открыл мне дверцу. Вид у него до сих пор был слегка усталый. Он протянул мне пластиковый стаканчик с дымящимся кофе.

— Тебе несколько минут назад кто-то звонил.

— Спасибо. — Я забралась в машину и с благодарностью взяла кофе. — Я сегодня как зомби. У меня кофеиновая ломка, к тому же я только что имела престранный разговор с Оливией. Сейчас все расскажу, только сначала получу свою дозу кофеина. Где телефон?

Сэм кивнул на бардачок.

Я открыла крышку и вытащила телефонную трубку. «Новое сообщение». Я набрала номер голосовой почты, включила громкую связь и положила телефон на приборную панель, а сама обернулась к Сэму.

— Ну вот, теперь я готова, — объявила я.

Сэм вскинул бровь.

— К чему?

— К поцелую.

Сэм скептически покосился на меня.

— Я предпочитаю эффект внезапности.

— У вас одно новое сообщение, — оповестил меня механический голос телефонной барышни.

Я состроила гримаску и с размаху откинулась на спинку кресла.

— Я с ума с тобой сойду.

Он ухмыльнулся.

«Привет, малышка! Ни за что не догадаешься, с кем я сегодня столкнулась!» — послышался из динамика мамин голос.

— Можешь накинуться на меня просто так, — предложила я. — Ничего не имею против.

Маму явно переполняло возбуждение.

«С Наоми Этт! Помнишь, моя одноклассница?»

— Вот уж не ожидал от тебя такого, — отозвался Сэм.

Я решила, что он, наверное, шутит.

Мама между тем продолжала:

«Она давным-давно замужем, приехала в город ненадолго, так что мы с папой где-

нибудь с ней посидим».

Я насупилась, глядя на Сэма.

— Я тоже от себя такого не ожидала. Это все ты.

«Поэтому мы с папой сегодня вернемся поздно, — заключила мама. — Там в холодильнике есть остатки какой-то еды, если что, звони».

«Остатки какой-то еды». Запеканки, которую я же и приготовила.

Сэм воззрился на телефон. Мама умолкла, и эстафету приняла телефонная барышня. «Чтобы прослушать сообщение еще раз, нажмите "один". Чтобы стереть сообщение...»

Я его стерла. Сэм все еще смотрел на трубку, но вид у него был отсутствующий. Я не знала, о чем он думает. Может, как и у меня, голова у него пухла от кучи разнообразных проблем, слишком расплывчатых и неуловимых, чтобы их можно было решить.

Я захлопнула крышку телефона; щелчок, похоже, заставил Сэма очнуться. Я поймала на себе его внимательный взгляд.

— Поехали куда-нибудь.

Я вскинула бровь.

— Нет, серьезно. Давай куда-нибудь сходим. Куда угодно. Туда, где могут предложить что-нибудь получше остатков «какой-то еды».

Я не знала, что сказать. Пожалуй, точнее всего мое мнение выражалось словами «И ты еще спрашиваешь?»

Я пристально взглянула на Сэма; он вздохнул и продолжал болтать, как будто ему не терпелось скорее выложить мне все, что вертелось у него на языке. Если бы я в этот миг не понюхала воздух, то, скорее всего, и не заметила бы, что с ним творится что-то неладное. Однако от него волнами исходил приторно-сладкий запах беспокойства. О чем он беспокоился? Обо мне? О чем-то, что случилось, пока я была в школе? О прогнозе погоды?

— Что случилось? — спросила я.

— Просто мне захотелось выбраться из города. Ненадолго уехать. Устроить себе маленькие каникулы. Пожить несколько часов чужой жизнью. Нет, если ты не хочешь, то не поедем. И если ты думаешь, что...

— Сэм, — перебила его я. — Заткнись.

Он заткнулся.

— Поехали.

Мы тронулись с места.

Сэм выехал на шоссе, и мы мчались вперед, пока небо над кронами деревьев не стало розовым, а птицы, носящиеся над дорогой, не превратились в темные силуэты. Похолодало, и машины, въезжающие на шоссе, оставляли за собой облачка выхлопа, белые на морозном воздухе. Одной рукой Сэм вел машину, а пальцы второй его руки были переплетены с моими. Это было куда лучше, чем сидеть дома в обществе запеканки.

К тому времени, когда мы съехали с шоссе, то ли я успела притерпеться к исходившему от Сэма запаху беспокойства, то ли он успел успокоиться, потому что теперь в машине витал только мускусный волчий дух.

— Ну, — произнесла я и провела пальцем по тыльной стороне его прохладной ладони. — И куда мы едем?

Сэм покосился на меня, и его улыбка, подсвеченная огоньками на приборной панели, показалась мне печальной.

— В Дулуте есть одна чудесная кондитерская.

Прокатиться в кондитерскую за час пути было ужасно мило. Ужасно глупо, учитывая прогноз погоды, но ужасно мило несмотря ни на что.

— Ни разу не была.

— Там продают лучшие в мире яблоки в карамели, — пообещал Сэм. — И еще такие тягучие шгуки, не знаю даже, как они называются. В них, наверное, миллион калорий. А еще горячий шоколад. Ох, Грейс, за этот шоколад душу можно продать.

Я не знала, что ему ответить, по-идиотски завороченная тем, как прозвучало в его устах мое имя. Каким тоном он его произнес. Как двигались его губы. Его голос снова и снова музыкой звучал у меня в ушах.

— Я даже песню написал про их трюфели, — признался он.

Эта фраза привлекла мое внимание.

— Я слышала, как ты играл на гитаре у мамы в студии. Она сказала, та песня была про меня. Почему ты никогда не пел ее мне?

Сэм пожал плечами.

Я взглянула на яркие огни города за окном; каждое здание и каждый мост вызывающе светились в ранних зимних сумерках; мы подъезжали к центру города. Не помню, когда я в последний раз здесь была.

— Это было бы ужасно романтично. И еще больше украсило бы твой светлый образ.

Сэм не сводил глаз с дороги, но уголки его губ дрогнули в улыбке. Я ухмыльнулась и стала смотреть в окно на пробегающие мимо дома. Сэм вел машину по вечерним улицам, не обращая внимания на дорожные знаки. Огни светофоров отражались в нашем лобовом стекле, белые полосы дорожной разметки убегали вдаль, отсчитывая время.

Наконец Сэм затормозил у обочины и указал на залитые теплым светом витрины чуть впереди.

— Вот он, рай.

Мы вышли из машины и трусцой побежали на этот свет. Не знаю, сколько градусов было на улице, но, когда я толкнула стеклянную дверь кондитерской, мое собственное дыхание бесформенным облаком колыхалось у меня перед лицом. Сэм протиснулся в это приветливое золотое сияние следом за мной, обхватив себя руками. Дверной колокольчик еще не успел затихнуть, как Сэм подошел ко мне сзади и, обняв, притянул к себе.

— Не смотри, — прошептал он мне на ухо. — Закрой глаза и понюхай. По-настоящему. Ты умеешь, я знаю.

Я прижалась затылком к его плечу, всей кожей ощущая тепло его тела, и зажмурилась. Мой нос оказался в нескольких дюймах от его шеи, и его запах перебивал все остальные. Земной, необузданный, сложный.

— Да не меня нюхай! — сказал он.

— Больше ничем не пахнет, — пробормотала я и вскинула на него глаза.

— Не упрямься. — Сэм легонько подтолкнул меня, развернув лицом к прилавкам; я увидела полки, заставленные коробками с печеньем и конфетами, и ярко освещенную витрину кондитерского отдела. — Послушай меня хоть раз. Это того стоит.

Его печальные глаза умоляли меня испытать то, чего я избегала годами. Даже не избегала — похоронила заживо. Похоронила, когда считала, что я одна. Теперь же рядом со мной был Сэм. Он обнимал меня, и его теплое дыхание щекотало мне ухо.

Я закрыла глаза, с силой потянула носом воздух, и на меня обрушилась лавина запахов.

Первыми были самые сильные, карамель и коричневый сахар, пахнувшие желто-рыжим солнцем. Это было несложно. Их узнал бы любой, кто заглянул в лавку. Дальше был, разумеется, шоколад, горький темный и сладкий молочный. Любая обычная девушка вряд ли учуяла бы что-то еще, и меня охватило искушение на этом и остановиться. Но я почувствовала, как бьется у Сэма сердце, и в кои-то веки поддалась.

В мои ноздри просочился запах мяты, острый, точно стекло, потом аромат малины, почти приторный, как перезрелый фрукт. Яблоко, терпкое и свежее. Орехи и масло, теплые и земные, как Сэм. Еле уловимый изысканный запах белого шоколада. И — боже правый! — кофе, насыщенный, бархатистый и чувственный. Я охнула от удовольствия, но это было еще не все. От полок с печеньем уютно пахло мукой и ванилью, и леденцы оглушили буйством фруктовых запахов, слишком насыщенных, чтобы быть настоящими. Солоновато пахло крендельками, терпко — лимоном, тревожно — анисом. Я очутилась в водовороте запахов, названий которых даже не знала. Я застонала.

В награду Сэм легонько-легонько поцеловал меня в ухо, прежде чем прошептать:
— Правда здорово?

Я открыла глаза; по сравнению с тем, что я только что испытала, краски казались тусклыми. Ничего, кроме банальностей, в голову мне не приходило, и потому я просто кивнула. Он поцеловал меня еще раз, в щеку, и взглянул мне в глаза; его собственные глаза сияли от радости. Я поняла, что он никого и никогда не приводил в это место. Только меня.

— Это волшебство, — произнесла я наконец так тихо, что испугалась: он не услышит. Но он, разумеется, слышал. Он слышал все, что слышала я.

Не знаю, готова ли я была признать, насколько я ненормальна.

Сэм отпустил меня, оставив себе только руку, и потянул за собой в глубь магазина.

— Идем. Сейчас будет задание посложнее. Выбери себе что-нибудь. Чего тебе хочется? Выбирай. Что угодно. Я тебе куплю.

«Мне хочется тебя». Ощутив прикосновение его пальцев к моим, глядя, как он движется рядом со мной, наполовину человек, наполовину волк, вспоминая его запах, я до боли хотела его поцеловать.

Сэм сжал мою руку, как будто прочитал мои мысли, и подвел к прилавку со сладостями. Я оглядела аккуратные ряды шоколадных плиток, птифуров, крендельков в сахарной глазури и трюфелей.

— Похолодало на улице? — спросила девушка за прилавком. — Сегодня снег обещали. Скорее бы.

Она вскинула на нас глаза и улыбнулась глупой снисходительной улыбкой; должно быть, мы выглядели по-идиотски счастливыми, парочка держащихся за руки великовозрастных балбесов, с вождением разглядывающих сладости.

— Что у вас здесь самое вкусное? — спросила я.

Продавщица немедленно указала на шоколадные плитки. Сэм покачал головой.

— Два горячих шоколада, пожалуйста.

— Со взбитыми сливками?

— Вы еще спрашиваете?

Она широко улыбнулась и, отвернувшись от прилавка, занялась приготовлением напитка. Над прилавком поплыл густой шоколадный дух. Пока продавщица наливала на дно бумажных стаканчиков мятный сироп, я повернулась к Сэму и, поймав его свободную руку, приподнялась на цыпочки и торопливо чмокнула его в губы.

— Эффект внезапности!

Сэм наклонил голову и поцеловал меня в ответ; его губы прильнули к моим, зубы легонько прикусили мою нижнюю губу, отчего по коже у меня побежали мурашки.

— В эту игру можешь играть не ты одна.

— Коварный тип, — сказала я; голос мой прозвучал несколько более прерывисто, чем я рассчитывала.

— Вы ужасно милые, — сказала продавщица, выставляя на прилавок два стаканчика, покрытых шапкой из взбитых сливок. У нее была открытая добродушная улыбка, говорившая о смешливом характере. — Нет, правда. Давно встречаетесь?

Сэм выпустил мою руку, чтобы достать бумажник, и вытащил оттуда несколько купюр.

— Шесть лет.

Я сморщила нос, чтобы не рассмеяться. Разумеется, он не мог не учесть то время, когда мы принадлежали к совершенно разным видам.

— Ого, — одобрительно кивнула девушка. — Такие молодые, и уже шесть лет!

Сэм передал мне мой шоколад и ничего не ответил, однако взглянул на меня с видом собственника. Интересно, он сам отдавал себе отчет в том, что выражение, с которым он смотрел на меня, выглядело куда менее невинно, чем если бы он вздумал прилюдно зажать меня в уголке.

Я присела, чтобы взглянуть на шоколадно-миндальные плитки на нижней полке, потому что посмотреть в глаза продавщице или Сэму у меня не хватило смелости.

— Это была любовь с первого взгляда, — призналась я.

— Как романтично, — вздохнула девушка. — Сделайте одолжение, не меняйтесь. Этому миру так не хватает любви с первого взгляда.

— Хочешь еще чего-нибудь, Грейс? — спросил Сэм хрипло.

По его дрогнувшему голосу я поняла, что мои слова произвели куда больший эффект, чем я рассчитывала. Интересно, когда ему в последний раз говорили, что его любят?

Думать об этом было невыносимо грустно.

Я распрямилась и снова взяла Сэма за руку; он так сжал мои пальцы, что я чуть не вскрикнула от боли.

— Вон те пирожные выглядят очень соблазнительно. Давай купим?

Сэм кивнул продавщице. Несколько минут спустя я прижимала к груди бумажный пакетик с пирожными, а у Сэма на кончике носа были взбитые сливки. Я обратила на это его внимание, и он, поморщившись, смущенно стер их рукавом.

— Пойду заведу машину, — сказала я, протягивая ему пакет. Он ничего не сказал, и я пояснила: — Пусть прогреется.

— А... Да. Хорошая мысль.

Наверное, он позабыл, какой холод стоял на улице. Зато я не забыла и в своем воображении рисовала себе картины одна другой страшнее, как он бьется в конвульсиях в машине, пока я пытаюсь включить обогрев. Оставив его в зале, я вышла из магазина в непроглядную зимнюю ночь.

Поразительно, но едва за мной закрылась дверь, как я почувствовала себя совершенно одинокой, песчинкой в безбрежной ночи, потерянной без спасительного якоря прикосновений Сэма и его запаха. Тут все было мне чужое. Если бы Сэм сейчас превратился в волка, не знаю, как бы я искала обратную дорогу домой и что делала с ним. Бросить его здесь, вдали от его родного леса, я бы не смогла. Это значило бы потерять его в обеих его

ипостасях. Улицу уже покрывала белая пороша, а с неба все продолжали сыпаться снежинки, изящные и недобрые. Пока я открывала дверцу машины, мое дыхание застывало в воздухе призрачными белыми облачками.

Подобная тревожность была мне не свойственна. Я поежилась и, прихлебывая горячий шоколад, стала ждать, когда салон прогреется. Сэм был прав: шоколад здесь готовили отменный, мне сразу же полегчало. От мятного сиропа во рту разливался холодок, а от шоколада — тепло. Кроме того, он действовал умиротворяюще, и к тому времени, когда машина прогрелась, мои собственные недавние опасения стали казаться мне глупыми.

Я выскочила из машины и просунула голову в дверь кондитерской, где у выхода топтался Сэм.

— Все готово.

Сэм явственно содрогнулся, когда в лицо ему ударил поток холодного воздуха, и без единого слова бросился к машине. Я на ходу поблагодарила продавщицу и припустила за ним, но по пути к машине увидела на тротуаре нечто такое, что заставило меня остановиться. На снегу, полускрытые под следами Сэма, виднелись другие, более ранние следы, которых я не заметила в прошлый раз.

Я проследила за ними взглядом, задержавшись на пяточке перед магазином, который был сплошь истоптан, и повернулась лицом к тротуару, где след широких размашистых шагов был четче. Футах в пятнадцати от меня на снегу, поодаль от островка света под уличным фонарем, возвышалась какая-то темная кучка. Внутренний голос настойчиво подсказывал мне садиться в машину, и я заколебалась было, но потом подчинилась инстинкту и подошла поближе.

На тротуаре лежали джинсы, свитер с высоким горлом и черная куртка, а от них тянулись прочь отпечатки волчьих лап, уже чуть припорошенные снегом.

Наверное, это глупо, но, помимо всего прочего, мне очень нравилось в Грейс то, что она не испытывала потребности в болтовне. Иногда мне хотелось помолчать, побыть наедине со своими мыслями, обойтись без слов. Вот и сейчас, когда другая девчонка попыталась бы втянуть меня в разговор, Грейс просто взяла меня за руку и, положив голову мне на плечо, молчала, пока мы не отъехали на достаточное расстояние от Дулута. Она не стала спрашивать, ни откуда я знаю город, ни почему я так внимательно смотрю на дорогу, по которой мои родители всегда ездили домой, ни каким образом парнишка из Дулута попал в волчью стаю, обитающую неподалеку от канадской границы.

А когда она наконец заговорила, высвободив свою руку из моей, чтобы вытащить из бумажного пакетика пирожное, то принялась рассказывать, как однажды в детстве пекла печенье и положила в тесто оставшиеся после Пасхи вареные яйца вместо сырых. Это помогло мне сделать именно то, в чем я сейчас нуждался — отвлечься от своих мыслей.

И тут у меня в кармане запиликал мобильный телефон. Я не сразу сообразил, откуда он взялся у меня в пальто, потом вспомнил, что Бек сунул трубку мне в руку, когда мы с ним поссорились. «Позвони мне, когда понадобится», — сказал он тогда.

Забавно, что он употребил «когда», а не «если».

— Это что, телефон? — свела брови Грейс. — У тебя есть телефон?

Вот тебе и отвлекся. Я выудил трубку из кармана и проямлил:

— Раньше не было.

Взгляд Грейс был устремлен на меня, и в нем плескалась слабая обида, от которой у меня защемило сердце. Щеки у меня запылали от стыда.

— Я только что его завел, — сказал я.

Телефон запиликал снова, и я нажал кнопку «Ответить». Чтобы догадаться, кто звонит, не нужно было смотреть на экранчик.

— Ты где, Сэм? На улице холодно.

В голосе Бека звучала неподдельная забота, за которую я всегда был ему благодарен.

Я остро чувствовал устремленный на меня взгляд Грейс.

Не нужна мне была его забота.

— Я в полном порядке.

Бек помолчал, и я представил, как он анализирует мой тон.

— Сэм, в жизни не бывает ничего черного или белого. Попробайся меня понять. Ты даже не дал мне ни единого шанса поговорить с тобой. Когда я бывал не прав?

— В эту самую минуту, — сказал я и нажал отбой.

Я сунул телефон обратно в карман, почти не сомневаясь, что он зазвонит снова. Пожалуй, я даже надеялся, что он зазвонит, чтобы можно было не брать трубку.

Грейс не стала спрашивать, кто звонил, как не стала спрашивать, о чем шла речь. Я понимал, что она ждет, чтобы я сам рассказал ей об этом, и понимал, что надо бы это сделать, но мне не хотелось. Мне... мне просто невыносима была мысль о том, что Бек предстанет перед ней в таком свете. Или, наверное, невыносима была мысль о том, что он

предстанет в таком свете передо мной.

Я не стал ничего говорить.

Грейс сглотнула и вытащила свой телефон.

— Что ж, пожалуй, я тоже проверю, нет ли у меня сообщений. Ха. Можно подумать, мои родители станут мне звонить.

Она уткнулась в телефон; голубой экранчик озарил ее ладонь, отбрасывая призрачный отблеск на ее подбородок.

— Ну как, звонил кто-нибудь? — поинтересовался я.

— Нет, конечно. Они там общаются со старыми друзьями. Им не до меня. — Она набрала номер родителей и замолчала. В трубке послышалось негромкое бормотание; слов я не разобрал. — Привет, это я. Угу. Все в полном порядке. А-а. Ну ладно. Тогда я не буду вас ждать. Веселитесь. Пока. — Она захлопнула крышку телефона, закатила глаза и вымученно улыбнулась.

— Давай сбежим куда-нибудь и тайком поженимся.

— Придется ехать в Вегас, — сказал я. — В здешних краях в такой час мы не найдем никого, кто согласился бы нас поженить, кроме разве что оленей или компании алкашей.

— Пусть лучше будет олень, — заявила Грейс твердо. — Алкаши переврут наши имена, и плакал такой момент!

— И вообще, олень в качестве ведущего на церемонии бракосочетания оборотня и девушки кажется очень даже на месте.

Грейс рассмеялась.

— К тому же это помогло бы мне обратить на себя внимание родителей. «Мама и папа, я вышла замуж. И не смотрите на меня с таким видом. Он линяет всего несколько месяцев в году».

Я покачал головой. Мне очень хотелось сказать ей спасибо, но вместо этого я произнес:

— Это Бек только что мне звонил.

— Тот самый?!

— Угу. Он был в Канаде вместе с Салемом — это тот волк, который совсем съехал с катушек.

Это была пусть не вся, но все-таки правда.

— Я хочу с ним встретиться, — немедленно заявила Грейс. Должно быть, у меня вытянулось лицо, потому что она пояснила: — С Беком, я имею в виду. Он ведь тебе практически как отец.

Я поскреб пальцами руль, переводя взгляд с дороги на побелевшие от напряжения костяшки. Поразительно, что некоторые люди принимали свою кожу за данность и никогда не задумывались, каково это — лишиться ее.

*Сбрасывая свою кожу,
Я от нее освобождаюсь,
Как больно, что при этом
Я и разума лишаюсь!*

На ум мне пришло самое теплое воспоминание, связанное с Беком.

— У него в доме был такой большой гриль, и помню, как однажды вечером ему стало лень готовить и он сказал: «Сэм, сегодня нас кормишь ты». Он показал мне, как нажимать

на куски мяса в середине, чтобы проверить, насколько они прожарены, и как быстро обжаривать их с обеих сторон на большом огне, чтобы они остались сочными.

— И получилось обалденно вкусно?

— Я сжег их в хлам, — будничным тоном сказал я. — Я сказал бы, что они превратились в угли, но уголь все-таки можно считать условно съедобным.

Грейс рассмеялась.

— Бек съел все до крошки. — Я печально улыбнулся своим воспоминаниям. — Он сказал, что это был лучший бифштекс в его жизни, потому что ему не пришлось его готовить.

Казалось, это было давным-давно.

Грейс улыбалась мне, как будто в жизни не слышала ничего забавнее замшелых баек обо мне и вожаке моей стаи. Как будто это было ужасно вдохновляюще. Как будто в нас было что-то такое, в Беке и во мне, в отце с сыном.

Перед глазами у меня возник парнишка из «тахо» и взмолился: «Помоги!»

— Давно это случилось? — спросила Грейс. — Я имею в виду... не бифштексы. Давно тебя укусили?

— Мне было семь. Одиннадцать лет назад.

— Как ты оказался в лесу? — спросила она. — Ну, то есть ты же из Дулута. По крайней мере, так написано в твоих правах.

— На меня напали не в лесу, — сказал я. — Об этом писали все газеты.

Грейс не сводила с меня глаз; я уткнулся взглядом в тускло освещенную дорогу перед нами.

— Два волка набросились на меня, когда я садился в школьный автобус. Один сбил меня с ног, а второй укусил.

Вернее, цапнул зубами, как будто единственной его целью было пустить мне кровь. Впрочем, разумеется, это и было его целью. Теперь-то все это казалось до боли прозрачным. Мне и в голову никогда не приходило пересмотреть мои наивные детские воспоминания о том, как на меня напали волки и на сцене в роли моего спасителя появился Бек, после того как мои собственные родители попытались меня убить. Мы с Беком были так близки, а Бек был настолько безупречен, что я не хотел вникать глубже. Но теперь, когда я рассказал эту историю Грейс, мне против воли открылась неприглядная правда: нападение на меня не было случайностью. Меня выбрали, выследили и вытащили на улицу, чтобы инициировать, в точности как тех ребятишек в «тахо». А Бек потом явился спасать положение.

«Ты — лучший из них», — прозвучал у меня в ушах голос Бека. Он надеялся, что я переживу его и возглавлю стаю. Я должен был бы испытывать злость. Гнев на того, кто сломал мне жизнь. Но вместо этого чувствовал одну только опустошенность, белым шумом шелестящую где-то внутри.

— В центре города? — спросила Грейс.

— На нашей окраине. Там нигде поблизости не было леса. Соседи сказали, что видели потом волков у себя на задворках, когда они спасались бегством.

Грейс ничего не сказала. То, что на меня напали целенаправленно, казалось мне очевидным, и я ожидал, что она произнесет это вслух. Мне даже отчасти хотелось, чтобы она это сказала; так явственней стала бы видна несправедливость. Но она молчала и только хмурилась, обдумывая что-то.

— Кто именно из волков? — спросила она наконец.

— Не помню. Возможно, один был Пол, потому что он был черный. Это все, что мне известно.

Повисло долгое молчание, и тут мы приехали. На дорожке перед домом не было видно машины, и Грейс вздохнула с облегчением.

— Похоже, мы снова предоставлены сами себе, — сказала она. — Посиди тут, пока я не открою дверь, ладно?

Грейс выпрыгнула из машины, впустив в салон струю холодного воздуха, от которой у меня защипало щеки; я включил обогреватель на полную мощность, чтобы подготовиться к перебежке до дома. Я прижался к соплам, чтобы впрок запастись блаженным ощущением жара, и зажмурился, пытаясь вернуть себе ощущение душевного покоя. То ощущение, которое я испытывал, обнимая Грейс в кондитерской, чувствуя обжигающее тепло ее тела рядом с моим, глядя, как она принюхивается, и зная, что она чувствует мой запах... Меня охватила дрожь. Я не был уверен, что выдержу еще одну ночь рядом с ней и не сорвусь.

— Сэм! — окликнула меня Грейс с крыльца.

Я открыл глаза и взглядом нашел ее голову, торчащую из-за облупившейся входной двери. Она пыталась не выстудить тамбур. Умница.

Пора было бежать. Заглушив мотор, я выскочил из машины и бросился по обледенелой дорожке, время от времени оскальзываясь на льду и чувствуя, как сводит и пощипывает кожу.

Грейс захлопнула за мной дверь, оставив холод за порогом, и обхватила меня руками, пытаясь обогреть теплом своего тела. Я услышал ее прерывистый шепот:

— Ты не замерз?

Начиная привыкать к темноте в прихожей, я различил огонек в ее глазах, очертания ее волос, руки, обвивающие меня. В зеркале на стене отражался столь же смутно различимый силуэт ее тела, прильнувшего ко мне. Долгий миг я стоял так в кольце ее рук, потом сказал:

— Все в порядке.

— Хочешь есть?

В пустом доме ее голос показался очень громким и гулким. Тишину нарушал лишь шум, с которым вентиляторы гнали теплый воздух, негромкий равномерный гул. Я все время думал о том, что мы одни.

Я сглотнул.

— Я хочу лечь.

— И я тоже, — с явным облегчением в голосе отозвалась она.

Я почти пожалел, что она не стала возражать, потому что, может быть, если бы я сейчас не пошел лечь, а съел сэндвич, посмотрел телевизор, не знаю, сделал еще что-нибудь, это отвлекло бы меня немного от мыслей о том, как сильно я ее хочу.

Но она не стала возражать. Сбросив обувь у порога, она босиком пошлепала по коридору. Мы проскользнули в ее темную комнату, слабо освещенную лишь лунным светом, отражающимся от припорошенной снегом земли за окном. Дверь с негромким скрипом захлопнулась, и она привалилась к ней спиной, продолжая держаться за ручку.

— Почему ты так сдержанно ведешь себя со мной, Сэм Рот?

Я попытался сказать ей правду.

— Я... просто... я же не дикий зверь.

— Я тебя не боюсь.

Вид у нее был ни капли не испуганный. Она была прекрасна, озаренная бледной луной,

манящая, пахнувшая мятой, мылом и чистой кожей. Одиннадцать лет я наблюдал за тем, как все остальные члены стаи один за другим превращались в диких зверей, одиннадцать лет подавлял собственные инстинкты, держал себя в узде, боролся, чтобы остаться человеком, поступал как правильно.

Словно прочитав мои мысли, она спросила:

— Ты станешь утверждать, что только волк в твоей душе хочет поцеловать меня?

Все мое существо до смерти хотело ее поцеловать. Я уперся руками в дверь, так что она заскрипела под моим весом, и прижался губами к губам Грейс. Ее горячие губы дрогнули в ответ, язык скользнул по моим зубам, но руки продолжали сжимать дверную ручку. Все во мне натянулось и завибрировало от нестерпимого желания преодолеть последние несколько дюймов, разделяющие нас.

Ее губы стали настойчивей, дыхание участилось, зубы прикусили мою нижнюю губу. Голова у меня пошла кругом, из горла неожиданно вырвался рык, но прежде чем я успел почувствовать хотя бы намек на смущение, Грейс выпустила дверную ручку и, обвив мою шею руками, притянула меня к себе.

— Это было так сексуально, — прерывистым голосом сказала она. — Вот уж не думала, что ты можешь быть еще сексуальней.

Я снова поцеловал ее, прежде чем она успела сказать еще что-нибудь, и увлек ее в темную комнату. Она запустила руки под ремень моих джинсов, щекоча кожу на бедрах, притягивая меня еще ближе.

— Боже, Грейс, — простонал я. — Ты... ты сильно переоцениваешь мою выдержку.

— Не нужна мне твоя выдержка.

Мои руки были у нее под блузкой; ладони гладили спину, пальцы скользили по талии. Я и не помнил, каким образом они там оказались.

— Я... я не хочу делать ничего такого, о чем ты потом пожалеешь.

Грейс выгнулась в моих руках, как будто мои прикосновения оживили ее.

— Тогда не останавливайся.

Я тысячу раз воображал, как она это скажет, но ни одна моя фантазия и рядом не стояла с ошеломляющей реальностью.

Мы неуклюже добрались до постели. Где-то на задворках моего сознания промелькнула мысль, что нам лучше не шуметь, на тот случай, если ее родители вернутся домой. Но потом она помогла мне через голову стянуть рубаху и провела ладонью по моей груди, и я, застонав, позабыл обо всем, кроме ее пальцев на моей коже. Разум привычно попытался сложить стихи, нанизать слова одно на другое, чтобы описать этот миг, но слова не приходили. Я не мог думать ни о чем, кроме ее рук, скользящих по моей коже.

— От тебя так вкусно пахнет, — прошептала Грейс. — И каждый раз, когда я к тебе прикасаюсь, запах становится еще сильнее. — Ее ноздри затрепетали, как у волчицы, обоняя, как сильно я хочу ее. Она знала, что я из себя представляю, и все равно хотела меня.

Она позволила мне бережно уложить ее на постель, и я склонился над ней, опершись на локти.

— Ты точно этого хочешь? — спросил я.

Глаза у нее горели от возбуждения. Она кивнула.

Я скользнул вниз и принялся целовать ее живот; это было так правильно, так естественно, как будто я уже проделывал это тысячу раз прежде и буду проделывать еще тысячу раз потом.

На шее и ключицах у нее поблескивали уродливые рубцы, оставленные зубами волков, и я поцеловал и их тоже.

Грейс натянула на нас одеяло, и мы принялись сбрасывать одежду. Когда наши тела слились, я с рыком освободился от своей шкуры, прекратив борьбу, не волк и не человек, просто Сэм.

Где-то пиликал телефон. Это была самая первая моя мысль. Вторая мысль была о том, что поперек моей груди лежит голая рука Сэма. Третьей пришла мысль о том, что лицо, не прикрытое одеялом, замерзло. Я захлопала глазами, пытаюсь проснуться, чувствуя себя до странности чужой в моей собственной знакомой комнате. До меня не сразу дошло, что мерцающий обычно циферблат будильника не светится и единственное, что не дает комнате погрузиться в полную темноту, это луна за окном да экранчик трезвонящего мобильного.

Я высунула руку из-под одеяла, пытаюсь не потревожить Сэма; когда я дотянулась до телефона, он уже умолк. Господи, ну и холодина! Должно быть, из-за метели, которую обещали синоптики, вырубилось электричество. Интересно, успеют его включить обратно до того, как мне придется изобретать что-нибудь, чтобы Сэм не замерз? Я осторожно откинула одеяло и обнаружила, что он свернулся клубочком у меня под боком, уткнувшись головой мне в плечо так, что в тусклом свете виднелись лишь бледные очертания его голых плеч.

Я ждала, что при виде его прижавшегося к моему тела мне станет неудобно, но почувствовала лишь такое ликование, что сердце у меня готово было выскочить из груди. Вот она, моя настоящая жизнь — Сэм и я. Та жизнь, в которой я ходила в школу, допоздна не ложилась спать, дожидаясь родителей, и выслушивала жалобы Рейчел на своих братьев и сестер, в сравнении с этим казалась бледным мороком. Я делала все это для того, чтобы скоротать время в ожидании Сэма. Где-то вдалеке скорбно и протяжно завывали волки, а несколько секунд спустя, вторя волкам, снова запиликал телефон.

Свою ошибку я осознала, лишь когда уже поднесла его к уху.

— Сэм?

Голос в трубке был незнакомый. Вот дуреха! Я схватила с тумбочки телефон Сэма, а не мой. Пару секунд я соображала, как быть. Меня очень подмывало попросту нажать отбой, но этого делать не стоило.

— Нет, — произнесла я. — Это не Сэм.

Голос был приятный, но в тоне угадывалось напряжение.

— Прошу прощения. Должно быть, я ошибся номером.

— Нет, — сказала я, прежде чем он успел повесить трубку. — Это телефон Сэма.

Повисла долгая тяжелая пауза, затем в трубке послышалось:

— А. — И снова пауза. — Ты та самая девушка? Которая была в моем доме.

Я попыталась сообразить, что выиграю, если стану отпираться, но так ничего и не придумала.

— Да.

— А у тебя есть какое-нибудь имя?

— А у вас?

Он издал отрывистый смешок, в котором не было ни капли веселья, однако его нельзя было назвать неприятным.

— Кажется, ты мне нравишься. Меня зовут Бек.

— Логично. — Я отвернулась от Сэма, который все так же тяжело дышал; голос мой

звучал приглушенно. — Чем вы умудрились настолько его разозлить?

И снова отрывистый смешок.

— Он все еще злится?

Я задумалась над ответом.

— В данную минуту нет. Он спит. Ему что-нибудь передать?

Я взглянула на высветившийся на экранчике номер телефона Бека, пытаюсь его запомнить.

Возникла долгая пауза, настолько долгая, что я решила — Бек повесил трубку, и тут он громко вздохнул.

— Один из его... друзей ранен. Ты не могла бы его разбудить?

Кто-то из волков. Больше некому. Я нырнула под одеяло.

— Да-да... конечно. Сейчас разбужу.

Я положила трубку и осторожно подвинула руку Сэма, высвобождая ухо и щеку.

— Сэм, проснись. Тебя к телефону. Это важно.

Он повернулся, и я увидела, что его желтый глаз уже открыт.

— Включи громкую связь.

Я нажала на кнопку и пристроила телефон у себя на животе так, чтобы огонек вспышки на камере выхватывал из темноты небольшой голубой круг на моей майке.

— Что случилось?

Сэм приподнялся на локте, поморщился, почувствовав холод, и натянул одеяло повыше, так что вокруг телефона получилась палатка.

— Кто-то напал на Пола. Его разодрали в клочья.

Губы Сэма округлились. Вряд ли он сейчас задумывался о том, как выглядит; мысли его явно были далеко, вместе со стаей.

— А ты не смог... у тебя не вышло... не получилось остановить кровь? Он был в человеческом обличье?

— В человеческом. Я попытался узнать у него, кто это сделал, чтобы убить их. Я думал... Сэм, я действительно думал, что придется звонить тебе, чтобы сказать, что он умер. Насколько все было худо. Но, похоже, раны все-таки затягиваются. Хотя укусы были повсюду: на шее, на запястьях, на животе... Такое впечатление, будто...

— ...будто кто-то знал, как его убить, — договорил за него Сэм.

— Это сделал волк, — сказал Бек. — Пол смог рассказать.

— Кто-то из твоих новеньких? — с неожиданной враждебностью в голосе поинтересовался Сэм.

— Сэм.

— Могло быть такое?

— Сэм. Нет. Они в доме.

Всей кожей чувствуя напряжение Сэма, я вертела в голове фразу «Кто-то из твоих новеньких». Выходит, Джек был не единственным новообращенным волком?

— Ты приедешь? — попросил Бек. — Сможешь? Или на улице слишком холодно?

— Не знаю.

По складке в углу губ Сэма я поняла, что это ответ только на первый из трех вопросов. Что бы ни стало причиной отчуждения между ним и Беком, она была нешуточной.

Голос Бека дрогнул, стал мягче, моложе, уязвимей.

— Пожалуйста, не злись на меня, Сэм. Я этого не вынесу.

Сэм отвернулся от трубки.

— Сэм, — тихо повторил Бек.

Я ощутила дрожь, пробежавшую по телу Сэма, и он закрыл глаза.

— Ты слушаешь?

Я взглянула на Сэма, но он продолжал молчать. Мне против воли стало жалко Бека.

— Я слушаю, — сказала я.

И снова повисла долгая пауза, без какого бы то ни было шуршания или помех, и я решила, что Бек повесил трубку. Однако потом он спросил, осторожно подбирая слова:

— И многое тебе известно про Сэма, девушка без имени?

— Все.

Снова пауза. Затем:

— Я хотел бы с тобой встретиться.

Сэм протянул руку и захлопнул крышку телефона. Экранчик погас, и мы очутились в полной темноте.

Глава 46

Грейс

45 °F

Мои родители ни о чем даже не подозревали. Наутро после того, как мы с Сэмом... провели вместе ночь, меня больше всего занимала мысль о том, что мои родители об этом ни сном ни духом. Пожалуй, чувствовать легкие угрызения совести было нормально. И пребывать в состоянии эйфории тоже. У меня было такое впечатление, как будто я все это время считала себя целостной картиной, а Сэм открыл мне глаза на то, что на самом деле я головоломка; он разобрал меня на части и сложил их вместе заново. Я остро чувствовала каждую отдельно взятую эмоцию, которые сливались друг с другом в один ровный фон.

Сэм тоже молчал, предоставив мне вести машину, и сжимал мою правую руку в своих ладонях; левая лежала на руле. Я отдала бы миллион долларов, чтобы узнать, о чем он думает.

— Что будешь делать днем? — спросила я наконец.

Он рассеянно смотрел в окно, поглаживая пальцем тыльную сторону моей ладони. Мир вокруг казался пергаментно-тусклым. Притихшим в ожидании снегопада.

— С тобой — что угодно.

— Что угодно?

Он взглянул на меня и ухмыльнулся. Ухмылка была странная, кривоватая. Наверное, он пребывал в состоянии точно такой же эйфории, как и я.

— Да что угодно, лишь бы ты была рядом.

— Я хочу встретиться с Беком, — выпалила я.

Ну вот. Я сказала это. Эта мысль сидела у меня в голове с самого телефонного разговора.

Сэм ничего не ответил. Его взгляд был устремлен на здание школы; должно быть, он думал, что, если подождать всего несколько минут, ему удастся высадить меня у обочины и тем самым избежать спора. Однако вместо этого он вздохнул, как будто невероятно устал.

— Господи, Грейс. Зачем?

— Он тебе практически как отец, Сэм. Я хочу знать про тебя все. Неужели это так сложно понять?

— Ты просто хочешь, чтобы все было как полагается. — Сэм принялся внимательно следить за группками учеников, которые неторопливо двигались по стоянке. Я не стремилась найти место для парковки. — Ты воображаешь, что скажешь волшебное слово, мы с ним помиримся, и все снова будет как полагается.

— Если ты хочешь меня задеть, у тебя ничего не выйдет. Я и так знаю, что это правда.

Сэм молчал, пока я объезжала стоянку по второму кругу, потом наконец простонал:

— Грейс, я терпеть этого не могу. Ненавижу выяснять отношения.

— Выяснять отношения не понадобится. Он хочет тебя видеть.

— Ты не знаешь всего. Происходят ужасные вещи. Выяснять отношения придется, если у меня остались хоть какие-то принципы. После сегодняшней ночи в это трудно поверить.

Я торопливо приткнула машину на первое попавшееся свободное место в самом дальнем конце стоянки, чтобы поговорить без лишних глаз.

— Ты жалеешь о том, что произошло?

— Нет. Может быть. Немного. Мне как-то... не по себе.

— Мы были осторожны, — сказала я.

Сэм избегал смотреть на меня.

— Не в том дело. Просто... просто... просто я надеюсь, что мы выбрали правильный момент.

— Момент был правильный.

Он отвел взгляд.

— Единственное, что меня беспокоит... ты перес... занималась со мной любовью, чтобы насолить своим родителям?

Я молча уставилась на него. Потом схватила с заднего сиденья свой рюкзак, внезапно разозлившись. Уши и щеки у меня почему-то горели. Мой собственный голос, когда я ответила, показался мне чужим:

— Ну, спасибо тебе.

Сэм упорно отказывался смотреть на меня. Такое впечатление, что его крайне интересовала стена школы. Интересовала до такой степени, что он не мог взглянуть мне в глаза, обвиняя меня в том, что я его использовала. Меня захлестнула новая волна гнева.

— У тебя что, настолько хреново с самооценкой? Не можешь поверить, что кто-то захотел тебя ради тебя самого? — Я толкнула дверцу и выскочила из машины; Сэм поморщился, хотя воздух снаружи был не настолько холодный, чтобы повредить ему. — Молодец! Лучшего способа все испортить и придумать было нельзя.

Я попыталась захлопнуть дверцу, но он перегнулся через сиденье и удержал ее.

— Подожди. Грейс, подожди.

— Что?!

— Я не хочу, чтобы ты уходила вот так.

Его глаза молили меня, и никогда еще я не видела их такими печальными. Руки у него покрылись гусиной кожей, плечи еле заметно дрожали на холодном ветру. Он победил. Как бы сильно я ни злилась, мы оба знали, что может произойти, пока я буду в школе. Как же я ненавидела его, этот страх. Ненавидела.

— Прости, зря я это ляпнул, — сбивчиво заговорил Сэм, торопясь высказать все, пока я не ушла. — Ты права. Я просто не мог поверить, что в моей жизни могло случиться что-то — кто-то — настолько прекрасный. Не злись на меня, Грейс. Не злись, пожалуйста.

Я закрыла глаза и на миг от души пожалела, что он не обычный парень и я не могу гордо удалиться в праведном возмущении. Но он был тем, кем был. Он был как бабочка осенью, покорно ждущая первых заморозков. Так что я скрепя сердце проглотила собственную гордость и приоткрыла дверцу чуть шире.

— Не смей больше никогда так думать, Сэм Рот.

Когда я произнесла вслух его имя, он прикрыл глаза, так что желтые радужки на мгновение спрятались под ресницами, а потом протянул руку и коснулся моей щеки.

— Прости.

Я перехватила его руку и сжала его пальцы в своих, взглянула ему в глаза.

— А теперь представь, что испытывает Бек, зная, что ты на него злишься.

Сэм рассмеялся невеселым пристыженным смешком, напомнившим мне смех Бека во время нашего телефонного разговора ночью, и отвел глаза. Он знал, что у меня есть номер Бека.

— Мы съездим к нему. Если ты так хочешь, поедem, — сказал он, отнимая у меня руку. Я уже развернулась было уходить, но остановилась.

— За что ты разозлился на Бека, Сэм? Почему ты так зол на него, хотя я ни разу не видела, чтобы ты злился на своих настоящих родителей?

Судя по выражению лица Сэма, этот вопрос никогда не приходил ему в голову, и ответил он не сразу.

— Потому что Бек... Бек мог не делать того, что он сделал. А мои родители не могли. Они считали меня чудовищем. Они были напуганы. Там не было расчета.

Его лицо исказилось от боли и неуверенности. Я оперлась коленом о сиденье и ласково его поцеловала. Я не знала, что ему сказать, поэтому просто поцеловала его еще раз, взяла рюкзак и вышла в пасмурный день.

Когда я оглянулась, он все еще сидел неподвижно, по-волчьи отрешенный и молчаливый. Последнее, что я увидела, были его глаза, прищуренные от ветра, и спутанные черные волосы, почему-то напомнившие мне о самой первой ночи, когда я его увидела.

Мои волосы взметнул неожиданный порыв ветра, ледяного и пронизывающего до костей.

Зима вдруг показалась совсем близкой. Я остановилась на тротуаре и закрыла глаза, пытаясь подавить невыносимое желание вернуться к Сэму. В конце концов чувство долга взяло верх, и я двинулась к школе, но не могла отделаться от мысли, что делаю ошибку.

Когда Грейс вылезла из машины, мне стало тошно. Точно от того, что я с ней поругался, от сомнений, от холода, из-за которого я постоянно балансировал на грани между человеком и волком. Даже не просто тошно — беспокойно, тревожно. Слишком много невыясненных вопросов: Джек, Изабел, Оливия, Шелби, Бек.

У меня в голове не укладывалось, что мы с Грейс собрались встретиться с Бек. Я включил печку на полную мощность и сидел, уткнувшись головой в руль, пока от ребристого вина не заболел лоб. Печка жарила не переставая, и в салоне очень скоро стало жарко и душно, но это ощущение мне нравилось. Оно создавало иллюзию, что надо мной не висит превращение. Что я крепко держусь в собственной шкуре.

Поначалу мне казалось, что я могу просидеть вот так весь день, напевая себе под нос: «Чем жарче летнее солнце пылает, тем плотнее кожа меня облегает» в ожидании Грейс, но хватило меня всего на полчаса, и я решил, что нужно куда-нибудь съездить. Более того, я испытывал потребность сделать что-нибудь приятное для Грейс. Поэтому я решил еще раз съездить к дому Джека. Он до сих пор нигде так и не засветился, ни мертвый, ни в газетах, а его дом был единственным местом, которое пришло мне в голову в качестве отправной точки для поисков. Грейс была бы рада, увидев мои старания загладить вину.

Я оставил машину на безлюдной лесной дороге неподалеку от дома Калпеперов и наперерез двинулся через лес. Бесцветные сосны предвещали снегопад, их кроны слегка покачивались на холодном ветру, который не чувствовался здесь, под сучьями. По заливку у меня бегали колючие мурашки; сосняк насквозь пропах волком. Такое впечатление, что Джек пометил здесь каждое дерево. Самонадеянный негодяй.

Какое-то движение справа заставило меня вздрогнуть и припасть к земле. Я затаил дыхание.

Это оказался всего лишь олень. Я мельком отметил влажные глаза, длинные ноги, белый хвост, и олениха скрылась, на удивление неуклюжая в густом подлеске. Впрочем, ее присутствие в этом лесу не могло не радовать: если здесь была она, это означало, что здесь нет Джека. У меня не было никакого оружия, кроме собственных рук, а какой от них толк против нестабильного волка с адреналиновой бурей в крови.

На опушке леса перед домом я застыл, прислушиваясь к голосам, несущимся из-за деревьев. Переговаривались парень и девушка, сердито и на повышенных тонах, стоя, очевидно, где-то неподалеку от задней двери. Я прокрался к дому и по-волчьи бесшумно завернул за угол, чтобы быть к ним поближе. Мужской голос, низкий и яростный, был мне не знаком, но чутье подсказывало мне, что это Джек. Второй голос принадлежал Изабел. У меня промелькнула мысль обозначить свое присутствие, но я медлил, пытаюсь разобраться, о чем спор.

— Ничего не понимаю, — кипятилась Изабел. — За что ты просишь прощения? За то что исчез? За то, что тебя укусили? За то...

— За Хлою, — ответил парень.

Возникла пауза.

— Что значит, «за Хлою»? При чем тут моя собака? Ты знаешь, где она?

— Изабел, черт побери! Ты что, меня не слушаешь? Временами ты бываешь такая тупая! Говорю же тебе, я сам не понимаю, что делаю, когда превращаюсь.

Я зажал рот ладонью, чтобы не расхохотаться. Джек съел ее собачку.

— Ты хочешь сказать, она... ты ее... господи! Ну ты и придурок!

— Я ничего не мог с собой поделать. Я ведь тебе сказал, что со мной происходит. Не надо было ее выпускать.

— Ты хоть знаешь, сколько стоит такая собака?

— Уже рыдаю.

— Ну и что мне прикажешь сказать предкам? «Мама и папа, Джек у нас теперь оборотень, и знаете, что случилось с Хлоей? Он ее съел»?

— Не говори им ничего! — поспешно ответил Джек. — И вообще, я думаю, что превращений больше не будет. По-моему, я нашел средство.

Я нахмурился.

— «Средство», — ровным голосом повторила Изабел. — Как превратиться из оборотня обратно в человека?

— Не забивай свою блондинистую головку. Просто... дай мне еще несколько дней, чтобы точно во всем убедиться. Когда я буду уверен, я все им расскажу.

— Ладно. Как хочешь. Господи... у меня в голове не укладывается, что ты съел Хлою.

— Будь так добра, заткнись. Ты начинаешь действовать мне на нервы.

— Как хочешь. А остальные? Ведь есть же остальные? Наверное, они могут тебе помочь?

— Изабел, заткнись. Я же сказал, я думаю, что во всем разобрался. Мне не нужна ничья помощь.

— А тебе не кажется...

Раздался какой-то шум, резкий и чужеродный. Хруст ветки? Оплеуха?

Когда Изабел заговорила снова, голос у нее был не такой. Какой-то слабый.

— Только не попадайся им на глаза, ладно? Мама у психотерапевта — из-за тебя, между прочим, — а папа уехал из города. Я возвращаюсь в школу. У меня в голове не укладывается, что ты вызвал меня сюда, чтобы рассказать, что съел мою собаку.

— Я вызвал тебя, чтобы рассказать, что нашел противоядие. Что-то не вижу бурной радости.

— Клево. Я в восторге. Пока.

Через мгновение я услышал, как джип Изабел с ревом сорвался с места, и снова заколебался. Вообще-то я не горел желанием появляться на глазах у нового волка, который к тому же не умел держать себя в руках, пока не разведает обстановку, но холод уже подтачивал мои силы, и нужно было либо возвращаться обратно в машину, либо искать убежища в доме. А дом был ближе. Я медленно прокрался вдоль задней стены, пытаюсь на слух определить местонахождение Джека, но ничего так и не услышал. Должно быть, он ушел в глубь дома.

Я приблизился к двери, через которую забрался в дом в прошлый раз — стекло уже заменили, — и нажал на дверную ручку. Дверь оказалась не заперта. Весьма предусмотрительно.

Очутившись внутри, я немедленно услышал, как в тихом доме шурует Джек, и прокрался по темному коридору в продолговатую кухню с высокими потолками, всю облицованную

черно-белым кафелем и с черной мебелью повсюду, куда ни глянь. Сквозь два окна в стене справа лился прозрачный белый свет, отражающийся от белых стен и поглощаемый черными сковородками, свисающими с потолка. Создавалось впечатление, что все в этом помещении черно-белое.

Кухонька Грейс — теплая, захламленная, пропахшая корицей, хлебом и чесноком, — показалась мне куда милее этой огромной стерильной комнаты.

Джек сидел на корточках спиной ко мне перед открытым холодильником из нержавеющей стали и рылся в ящиках. Я замер, но он, занятый поисками съестного, не услышал моих шагов. Ветра, который донес бы до него мой запах, в доме не было, так что я с минуту стоял, оценивая его и собственные возможности. Высокий и широкоплечий, с черными кудрями, он напоминал греческую статую. Что-то в его манере держаться наводило на мысль об излишней самоуверенности, и это отчего-то меня раздражало. Я подавил рык и, проскользнув в кухню, бесшумно уселся на тумбу напротив. Высота даст мне небольшое преимущество, если Джек проявит агрессию.

Он отошел от холодильника и вывалил на глянцевую столешницу островка в центре кухни целую охапку снеди. Несколько долгих минут я наблюдал за тем, как он сооружает себе сэндвич. Он аккуратно водрузил поверх ломтика хлеба несколько слоев разнообразного мяса и сыра, затем полил все сооружение низкокалорийным майонезом и поднял глаза.

— Господи, — вырвалось у него.

— Привет, — отозвался я.

— Что тебе здесь надо?

Он не испугался; я выглядел не настолько внушительно, чтобы наводить страх одним своим видом.

Я не знал, что ему ответить. Став невольным свидетелем его разговора с Изабел, я понял, что должен получить ответы совсем на другие вопросы.

— Ну и что это за средство, которое должно тебя исцелить?

Вот теперь он испугался. Всего на секунду, потом испуг прошел, сменившись самоуверенной миной.

— Что за бред ты несешь?

— Ты полагаешь, что нашел такое средство. Почему ты так решил?

— Так, приятель. Кто ты такой?

Он мне активно не нравился. Я и сам не понимал почему, просто всем нутром испытывал к нему неприязнь и отдавал себе в этом отчет. Если бы я не боялся, что он может представлять опасность для Грейс, Оливии и Изабел, я плюнул бы на него и вообще не стал с ним разговаривать. Впрочем, благодаря этой неприязни мне проще было противостоять ему. Проще было играть роль человека, знающего все ответы.

— Я тот, кто побывал в твоей шкуре. Меня тоже укусили. — Он явно собрался все отрицать, и я вскинул руку, чтобы пресечь его протест. — Если ты собираешься заявить что-то вроде «Ты ошибся адресом», не трать зря время. Я видел тебя в волчьем обличье. Так что выкладывай, почему ты решил, что нашел способ положить этому конец.

— А почему я должен тебе верить?

— Потому что я, в отличие от твоего отца, не делаю из животных чучел и не выставлю их у себя в передней. А еще потому, что я не хочу, чтобы ты околачивался у школы и у людей во дворах и тем самым подставлял под удар стаю. Мы пытаемся выживать в тех поганных условиях, в каких очутились, и не хватало только, чтобы из-за какого-нибудь богатенького

урода вроде тебя вся округа узнала про нас и устроила организованную травлю.

Джек зарычал. Рык вышел до неприятного близким к звериному, и мои подозрения лишь укрепились, когда я увидел, что он слегка дрожит. Он до сих пор не стабилизировался и мог превратиться в волка в любую минуту.

— Мне незачем больше об этом беспокоиться. Я нашел средство, так что можешь уматывать отсюда и оставить меня в покое.

Он принялся отступать от островка по направлению к напольной тумбе у него за спиной. Я спрыгнул со своей тумбы.

— Джек, никакого средства не существует.

— Ты ошибаешься, — процедил он. — Есть еще один волк, который вылечился.

Он подбирался к подставке с ножами. Мне следовало бы спастись бегством, но его слова приморозили меня к месту.

— Что?!

— Да, у меня ушла на это куча времени, но я выяснил. В школе есть одна девчонка, которую укусили, но она вылечилась. И она как миленькая все мне расскажет.

У меня потемнело в глазах.

— Держись от нее подальше.

Джек ухмыльнулся, глядя на меня; впрочем, может, это была гримаса. Его рука легла на столешницу, нащупывая нож, и ноздри затрепетали, уловив исходящий от моей кожи слабый волчий запах, печать холодов.

— Почему это? — осведомился он. — Разве ты не хочешь тоже узнать, что это за средство? Или она уже тебя вылечила?

— Не существует никакого средства. Она ничего не знает.

Я разозлился на себя за то, что мой голос выдавал меня с головой; мои чувства к Грейс казались пугающе прозрачными.

— Ты-то почему знаешь? — Джек потянулся за ножом, но руки у него тряслись слишком сильно, и он не смог ухватить рукоять с первой попытки. — А теперь выметайся отсюда.

Однако я не двинулся с места. Ничего ужасней, чем Джек, допытывающийся у Грейс, что помогло ей исцелиться, я и представить себе не мог. Он, дрожащий, нестабильный и вспыльчивый, и она, не способная дать ему ответы, которые он жаждал получить.

Со второй попытки Джеку все-таки удалось схватить рукоять и вытащить грозного вида нож с зубренным лезвием, в котором отражалась черно-белая кухонная утварь. Его так колотило, что ему едва удалось направить на меня острие.

— Я же сказал тебе, выметайся.

Мои инстинкты требовали от меня с рыком наброситься на него, как я поступил бы с любым из волков, и показать ему, кто здесь главный. Заставить его пообещать, что он будет держаться от нее подальше. Но в мире людей эти методы не действовали, в особенности когда противник был настолько силен. Я приблизился к нему, пристально глядя ему в глаза, а не на нож, и попытался пустить в ход иную тактику.

— Джек, пожалуйста. Она не знает ответов, зато я могу помочь тебе, чем умею.

— Отвали от меня.

Джек сделал шаг по направлению ко мне, потом отступил назад, потом осел на одно колено. Нож полетел на кафельный пол; я поморщился, ожидая приземления, но звук вышел на удивление приглушенный. Джек рухнул на пол вслед за ножом почти беззвучно. Его пальцы превратились в когти, сжимающиеся и разжимающиеся на черно-белых кафельных

плитках. Он пытался что-то сказать, но выходило нечленораздельно. В мозгу у меня сами собой сложились стихи.

*Мир слов распался, и снова ему не собраться.
Ходячая смерть, вот кем теперь я стал.
Тысячи мыслей в сознании теснятся,
Но ужас невыразим — голос пропал.*

Я присел на корточки рядом с ним и отбросил в сторону нож, чтобы он невзначай не поранился. Теперь задавать ему какие-то вопросы не имело смысла. Я вздохнул, слушая, как его стон переходит в вой, а потом в вопль. Теперь мы были равны, я и Джек. Несмотря на все свое привилегированное положение, шикарную стрижку и самоуверенный разворот плеч, он был ничем не лучше меня.

Джек заскулил.

— Радуйся, что на этот раз тебя не вырвало, — сказал я судорожно дышащему волку.

Джек устремил на меня долгий немигающий взгляд, потом вскочил с пола и метнулся к двери.

Я собирался просто уйти, но он не оставил мне никакого выбора. После того как было произнесено имя Грейс, о том, чтобы предоставить его самому себе, не могло быть и речи.

Я бросился за ним. Мы помчались по дому; его когти скользили по деревянному полу, мои подошвы скрипели. Я выскочил в зал ухмыляющихся чучел почти сразу же после него; в нос мне ударила вонь их мертвых шкур. У Джека было два преимущества: он ориентировался в доме и был волком. Я поставил на то, что он воспользуется хорошо знакомой обстановкой и попытается спрятаться, вместо того чтобы положиться на непривычную звериную силу. И ошибся.

Глава 48

Грейс

49 °F

Сэм никогда раньше не задерживался. Он всегда ждал меня в «бронко», когда я выходила из школы, так что мне не приходилось ломать себе голову, где он и как мне скоротать время ожидания.

Однако сегодня пришлось ждать.

Я ждала, пока все ученики не расселись по автобусам. Ждала, пока припозднившиеся не разошлись по машинам и не разбежались по домам поодиночке или по двое. Ждала, пока из школы не начали выходить учителя. Я уже стала подумывать, не вытащить ли домашнее задание. Я смотрела, как солнце клонится за вершины деревьев, и представляла, как холодно должно быть в тени.

— Что, Грейс, за тобой до сих пор никто не приехал? — сочувственно спросил мистер Ринк по пути к машине. Он переоделся после уроков, и от него исходил слабый запах одеколона.

Наверное, вид у меня, одиноко сидевшей с рюкзаком на коленях на кирпичной оградке небольшого газона перед школой, был потерянный.

— Ну да.

— Может, кому-нибудь позвонить?

Краешком глаза я заметила приближающийся «бронко» и с облегчением выдохнула.

— Нет-нет, — улыбнулась я мистеру Ринку. — Все, за мной уже едут.

— Вот и славно, — кивнул он. — К вечеру обещали сильное похолодание. Снег!

— Ура! — кисло отозвалась я, и он, рассмеявшись, помахал мне рукой и направился к своей машине.

Я закинула на плечо рюкзак и поспешила к «бронко». Открыла пассажирскую дверцу и плюхнулась на сиденье.

И лишь секунду спустя после того, как захлопнула дверь, я осознала, что пахнет в салоне совершенно не так. Я вскинула глаза на водителя и скрестила на груди руки, вся дрожа.

— Где Сэм?

— Ты имеешь в виду парня, который должен был сидеть на этом месте? — поинтересовался Джек.

Я видела его глаза на волчьей морде, я слышала, как Изабел говорила, что видела его, мы давным-давно знали, что он жив, однако, несмотря на все это, я оказалась не готова увидеть перед собой Джека во плоти. Его выющиеся черные волосы, успевшие отрасти с тех пор, как я в последний раз видела его в школе, его бегающие карие глаза, его руки, сжимающие руль. Настоящий. Живой. Сердце у меня готово было выскочить из груди.

Не сводя глаз с дороги, Джек сорвал автомобиль с места. Должно быть, он думал, что я попытаюсь выскочить из машины на ходу, но его беспокойство было напрасным. Меня приковывала к месту неизвестность: где Сэм?

— Да, я имею в виду парня, который должен быть на этом месте, — скорее прорычала, чем произнесла я. — Где он?

Джек покосился на меня; он был весь какой-то дерганный, трясущийся. Каким словом

Сэм называл новообращенных волков? Нестабильные?

— Я не пытаюсь строить из себя плохого парня, Грейс. Но мне нужны ответы, и быстро, иначе мне придется стать плохим.

— Ты ведешь себя как идиот. Если не хочешь, чтобы тебя остановили полицейские, сбавь скорость. Куда мы едем?

— Не знаю. Это ты мне скажи. Я хочу знать, как прекратить это, и немедленно, потому что мне становится хуже.

Не знаю, имел ли он в виду, что ему становится хуже из-за того, что холодает, или ему становится хуже в эту самую минуту.

— Я ничего тебе не скажу, пока ты не отвезешь меня к Сэму.

Джек молчал.

— Я не шучу. Где он?

Джек рывком повернул ко мне голову.

— По-моему, ты не врубаешься. Это я веду машину, я знаю, где он, и я могу перегрызть тебе глотку, если превращусь в волка, так что, как мне кажется, это ты должна заплакать от страха и рассказать мне все, что я хочу знать.

Он судорожно сжимал руль; руки у него тряслись. Господи, да он вот-вот превратится в волка. Необходимо было придумать какой-то способ убрать его с дороги.

— Что ты хочешь знать?

— Как прекратить это. Тебе должен быть известен способ. Я знаю, что тебя укусили.

— Джек, я понятия не имею, как это остановить. Я не могу тебя вылечить.

— Угу, я так и думал, что ты начнешь отпираться. Вот почему я укусил твою идиотку подружку. Потому что если ради меня ты не стала бы напрягаться, то для нее это сделаешь. Пришлось мне постараться, чтобы она тоже превратилась в волчицу.

Я была настолько ошеломлена, что у меня перехватило дыхание; мой голос отказывался мне подчиняться.

— Ты укусил Оливию?!

— Ты что, дура? Я только что именно это и сказал. Так что лучше тебе стать поговорчивей, потому что я вот-вот... ох!

Шея Джека дернулась, неловко вывернувшись. Мое волчье чутье кричало мне «Опасность! Страх! Ужас! Гнев!» Эмоции исходили от него волнами.

Я протянула руку и до упора вывернула регулятор обогрева. Будет ли от этого какой-нибудь толк, я не знала, однако повредить это точно никому не могло.

— Это от холода. Холод превращает тебя в волка, а тепло предотвращает это, — затараторила я торопливо, чтобы он не мог вставить ни слова, боясь разозлить его еще больше. — Сразу после укуса «уже, все время превращаешься в волка и обратно, но потом стабилизируешься. Ты будешь оставаться человеком дольше — целое лето.

Руки Джека снова свело, и машина вильнула, на мгновение выехав с дороги на усыпанную гравием обочину.

— Тебе сейчас нельзя вести машину! Пожалуйста. Я никуда не сбегу. Я хочу помочь тебе, честное слово. Но тебе придется сказать мне, где Сэм.

— Заткнись. — Голос Джека больше напоминал рык. — Та дрянь тоже говорила, что хочет помочь мне. Я сыт по горло этими сказочками. Она сказала, что тебя укусили, но ты не стала оборотнем. Я следил за тобой. Было холодно, а с тобой ничего не происходило. Так в чем секрет? Оливия сказала, она не знает.

Лицо у меня горело от жары и силы его эмоций. Всякий раз, когда он произносил имя Оливии, я словно получала удар под дых.

— Она действительно не знает. Меня укусили, это так. Но я так и не превратилась в волчицу, ни единого раза. У меня нет никакого средства. Я просто не стала оборотнем. Не знаю почему, и никто не знает. Пожалуйста...

— Хватит врать. — Понимать его становилось все труднее. — Мне нужна правда, и немедленно, а не то тебе придется плохо.

Я закрыла глаза. У меня было такое чувство, как будто я утратила почву под ногами и весь мир кубарем катится прочь. Необходимо было сказать ему что-то такое, что остановило бы это безумие. Я открыла глаза.

— О'кей. Ладно. Такое средство существует. Но на всех его не хватает, поэтому никто не хотел тебе про него рассказывать.

Он с размаху грохнул по рулю пальцами с черными когтями, и я поморщилась. Перед моим мысленным взором, заслоняя чудовищную реальность, всплыл образ медсестры, вкалывающей Сэму вакцину от бешенства.

— Это что-то вроде прививки, которая попадает прямо в вены. Но это больно. Очень. Ты уверен, что хочешь этого?

— А то мне сейчас не больно, — прорычал Джек.

— Прекрасно. Если я отвезу тебя туда, ты скажешь мне, где Сэм?

— Я скажу что угодно. Говори, куда ехать. Но клянусь, если ты врешь, я убью тебя.

Я объяснила ему, как проехать к дому Бека, молясь про себя, чтобы он продержался до этого времени, и вытащила из рюкзака телефон.

Машина снова вильнула: Джек отвлекся на меня.

— Что ты делаешь?

— Звоню Беку. Человеку, у которого есть противоядие. Нужно предупредить его, чтобы не отдал никому последнюю дозу, пока мы едем. Хорошо?

— Серьезно тебе говорю, не вздумай меня обмануть...

— Послушай. Вот номер, который я набираю. Это не полиция.

Номер Бека всплыл в памяти сам собой; с цифрами я управлялась лучше, чем со словами. В трубке послышались гудки. Возьми трубку. Возьми трубку. Только бы это было правильное решение.

— Слушаю?

Я узнала голос.

— Привет, Бек, это Грейс.

— Грейс? Прошу прощения, ваш голос мне знаком, но я...

— У вас еще осталась эта штука? Ну, противоядие? Пожалуйста, скажите, что вы не использовали последнюю дозу.

Бек молчал.

Я сделала вид, будто внимательно слушаю его ответ.

— Слава богу! Послушайте, я сейчас в машине с Джеком Калпепером. Он где-то держит Сэма и отказывается сказать где, если не получит противоядия. Мы минутах в десяти от вас.

— Черт, — еле слышно выругался Бек.

В горле у меня что-то хлюпнуло; я не сразу поняла, что это сдавленное рыдание.

— Да. Вы будете на месте?

— Да-да. Конечно. Грейс... ты еще там? Он меня слышит?

— Нет.

— Веди себя уверенно, поняла? Постарайся не бояться. В глаза ему не смотри, но демонстрируй уверенность. Мы будем ждать в доме. Заведи его внутрь. Я не могу выйти, иначе тоже превращусь в волка, и тогда нам всем конец.

— Что он говорит? — осведомился Джек.

— Рассказывает, через какую дверь тебе нужно войти, когда мы приедем. Чтобы ты как можно быстрее очутился в доме и не успел превратиться в волка. В волчьем обличье противоядие на тебя не подействует.

— Умница, — сказал Бек.

Неожиданная похвала почему-то вывела меня из равновесия; на глазах у меня выступили слезы, чего Джеку с его угрозами добиться так и не удалось.

— Мы уже подъезжаем.

Я захлопнула крышечку телефона и взглянула на Джека. Не прямо ему в глаза, а в висок.

— Поезжай прямо по дорожке к крыльцу; дверь будет открыта.

— Откуда мне знать, что я могу тебе доверять?

Я пожала плечами.

— Ты же сам сказал: ты знаешь, где Сэм. Тебе ничто не угрожает, потому что мы хотим знать, где он.

Холод вьелся в кожу. Могильная темнота застилала глаза, такая плотная, что пришлось поморгать, чтобы изгнать ее из-под ресниц. Когда это мне удалось, я увидел перед собой тусклый белый прямоугольник — дверь. Поскольку никаких других предметов поблизости не было, сообразить, где она, отчаянно близко или кошмарно далеко, я не мог. Собственное дыхание грохотом отдавало в ушах, так что помещение, в котором я находился, должно было быть маленьким. Кладовка для инструментов? Погреб?

Черт. Мне было холодно. Не настолько, чтобы запустить процесс превращения — пока. Но ждать этого было уже недолго. Я лежал на полу — почему? Шатаясь, я поднялся и крепко закусил губу, чтобы не вскрикнуть. С лодыжкой было что-то не так. Я осторожно попробовал наступить на ногу еще раз, слабый олененок, не уверенный в собственной поступи, и нога подогнулась. Я полетел вбок и замолотил руками в воздухе, пытаясь за что-нибудь ухватиться и обдирая ладони о какие-то пыточные инструменты, коими в изобилии были увешаны стены. Понятия не имею, для чего они предназначались — холодные, металлические, грязные.

Какое-то время я стоял на четвереньках, прислушиваясь к собственному дыханию и ощущая, как на ладонях выступает кровь, и меня подмывало сдаться. Я слишком устал от борьбы. У меня было такое ощущение, как будто все это тянется несколько недель.

В конце концов я все же заставил себя подняться на ноги и похромал к двери, вытянув вперед руки, чтобы защитить уязвимое тело от новых неожиданностей. Из щели в двери тянуло ледяным холодом. Он просачивался в мое тело, точно струйка воды. Я попытался нащупать дверную ручку, но под ладонью было лишь шершавое дерево. В кожу мне впилась заноза, я негромко выругался, потом налег на дверь плечом и поднажал, взмолившись про себя: «Пожалуйста, пожалуйста, если есть в мире хоть капля справедливости, откройся!»

Все было напрасно.

Глава 50

Грейс

39 °F

Я подхватила свой рюкзак.

— Приехали.

Дом Бека выглядел в точности так же, как в тот раз, когда Сэм привез меня сюда, чтобы показать золотой лес, и это отчего-то казалось глупым, настолько сейчас все было по-другому. Единственным отличием был огромный джип Бека перед домом.

Джек уже свернул на обочину. Он вытащил из зажигания ключи и настороженно покосился на меня.

— Сначала я, потом ты.

Я подчинилась: дождалась, когда он выйдет из машины и откроет мне дверцу, и лишь потом выбралась наружу. Он больно ухватил меня за руку. Плечи у него были сведены слишком сильно, а рот слегка приоткрыт; он сам едва ли отдавал себе в этом отчет. Наверное, мне следовало бы беспокоиться, что он нападет на меня, но все мои мысли сейчас были о том, что он превратится в волка и мы не успеем узнать, где Сэм.

Оставалось только молиться, что Сэм в тепле, там, где до него не дотянется зимний холод.

— Поторопись, — сказала я и почти бегом бросилась к двери, увлекая за собой Джека. — У нас совсем нет времени.

Джек толкнул входную дверь; она оказалась не заперта, как мы и договаривались, и он втолкнул меня внутрь, прежде чем захлопнуть за нами дверь. Мой нос уловил в воздухе слабый запах розмарина: кто-то занимался стряпней, и мне почему-то вспомнился рассказ Сэма о том, как он готовил Беку бифштекс, а потом я слышала у себя за спиной вскрик, перешедший в рычание.

Оба звука исходили от Джека. То не была безмолвная борьба, как в тот раз, когда я видела, как пытался сохранить человеческий облик Сэм. Джек делал это яростно, зло, громко. Губы Джека исказил звериный оскал, а лицо вытянулось в волчью морду, в мгновение ока изменив цвет. Он замахнулся на меня, как будто хотел ударить, но руки превратились в лапы с твердыми темными когтями. За миг до каждого радикального изменения кожа его начинала вспухать и переливаться, точно плодная оболочка, окружающая чудовищного звериного младенца.

Я смотрела на рубашку, болтающуюся на волчьем хребте, и не могла отвести от нее глаз. Если бы не она, я не смогла бы поверить, что этот зверь в самом деле только что был Джеком.

В этом Джеке было столько же злости, как во время езды на машине, но теперь эта злость не имела конкретной направленности и не сдерживалась человеческим разумом. Он оскалил зубы, но рыка не последовало.

— Отходи!

В переднюю ворвался мужчина, на удивление проворный для его роста, и бросился прямо к Джеку. Тот, застигнутый врасплох, инстинктивно присел, и мужчина обрушился на него всем своим весом.

— Лежать! — рявкнул мужчина, я дернулась и лишь потом сообразила, что он обращается к волку.— Вот так! Это мой дом. Ты здесь никто.

Он стискивал пасть Джека рукой и кричал прямо ему в морду. В носу у Джека что-то засвиристело, и Бек с силой прижал его голову к полу и поднял на меня глаза. Несмотря на то что он одной рукой придавливал к полу громадного волка, голос его прозвучал совершенно ровно.

— Грейс, можешь мне помочь?

Я стояла неподвижно, наблюдая за ними.

— Да.

— Возьмись за конец ковра, на котором он сидит. Нужно перетащить его в ванную. Это...

— Я знаю, где это.

— Хорошо. Поехали. Я попытаюсь помочь, но мне придется прижимать его к полу.

Вдвоем мы отволокли Джека по коридору в ванную, ту самую, где я заталкивала Сэма под горячую воду. Бек, стоя одной ногой на ковре, а другой на полу, подобрался к Джеку сзади и втолкнул его в помещение, а я пинком закинула туда же свободный угол ковра. Бек выскочил в коридор и, захлопнув дверь, запер ее. Ванная у него в доме закрывалась снаружи, а не изнутри, и я задалась вопросом, как часто подобные вещи происходили раньше.

Бек выпустил глубокий вздох, который показался мне просто верхом сдержанности, и взглянул на меня.

— У тебя все в порядке? Он тебя не укусил?

Я с несчастным видом покачала головой.

— Впрочем, это неважно. Как мы теперь найдем Сэма?

Бек кивком дал мне знак следовать за ним в благоухающую розмарином кухню. Я подчинилась, хотя и с опаской, когда увидела еще одного человека, сидящего на краю стола. Если бы кто-нибудь впоследствии попросил меня описать его, у меня не нашлось бы иного эпитета, кроме «мрачный». Он был мрачный, тихий, молчаливый и пах волком. Я заметила на руках у него свежие шрамы; должно быть, это был Пол. Он ничего не сказал, и Бек тоже ничего не сказал ему, лишь молча облокотился на стол и вытащил мобильный телефон.

Он набрал номер и нажал кнопку громкой связи, потом повернулся ко мне.

— Он очень на меня зол? Не знаешь, он выбросил мобильник?

— Вряд ли. Я не знаю номера.

Бек гипнотизировал взглядом аппарат; мы ждали, слушая гудки, тихие и далекие. «Пожалуйста, возьми трубку». Сердце у меня бешено стучало. Я прислонилась к кухонному островку и принялась изучать Бека, его широкие плечи, квадратную челюсть, прямые брови. Он производил впечатление человека честного и надежного, на которого можно положиться. Мне очень хотелось ему доверять. Хотелось верить, что ничего плохого просто не может случиться, потому что Бек не впадает в панику.

В трубке послышался треск.

— Сэм?

Бек склонился к трубке.

Голос Сэма то и дело пропадал.

— Гр.....то? ...ты?

— Это Бек. Где ты находишься?

— ...к Грейс... Джек забра... ину.

Единственное, что я поняла, это что он в смятении. Мне хотелось очутиться там, рядом с ним.

— Грейс тут, — сказал Бек. — Все под контролем. Где ты находишься? Там безопасно?

— Холодно.

На миг связь наладилась, и это слово прозвучало ужасающе четко. Я отскочила от островка. Стоять на месте было невыносимо.

Голос Бека оставался все таким же ровным.

— Тебя плохо слышно. Повтори еще раз. Скажи мне, где ты находишься. Как можно более четко.

— Передай Грейс... звонит... бел... в каком-то сарае. Я слышал... назад.

Я вернулась обратно к островку, облокотилась на столешницу.

— Ты хочешь, чтобы я позвонила Изабел. Ты в сарае у них на участке? Она там?

— Да. — Голос Сэма стал настойчивым. — Грейс?

— Что?

— ...лю тебя.

— Не говори так, — сказала я. — Мы тебя вытащим.

— Поспеш...

Связь прервалась.

Бек перевел взгляд на меня, и в его глазах я увидела все тревоги, которые не слышны были в голосе.

— Кто такая Изабел?

— Сестра Джека. — Я скинула с плеча рюкзак и вытащила из кармашка мой сотовый; на это ушло слишком много времени. — Сэм, должно быть, заперт где-то у них на участке. В каком-то сарае или еще где-нибудь. Если я дозвонюсь до Изабел, может быть, она сможет его найти. Если нет, я поеду туда сама.

Пол выглянул в окно, на догорающее солнце, и я поняла, о чем он думает. О том, что я не успею доехать до дома Калпеперов до того, как похолодает. Я выкинула эту мысль из головы. Отыскав номер Изабел в списке входящих звонков, я набрала номер.

После второго гудка в трубке послышалось:

— Да?

— Изабел, это Грейс.

— Я не дура. Я видела твой номер.

Мне захотелось ее придушить.

— Изабел, Джек запер Сэма где-то неподалеку от вашего дома. — Я перебила ее, не дав задать вопрос. — Я не знаю зачем. Но Сэм превратится в волка, если похолодает, а выбраться оттуда, где он находится, самостоятельно он не может. Пожалуйста, скажи мне, что ты дома.

— Дома, дома. Только что приехала. Я в доме. Но я не слышу ни шума, ничего.

— У вас есть какой-нибудь сарай или что-то в этом роде?

Изабел раздраженно фыркнула.

— У нас на участке шесть построек.

— Он должен быть в какой-то из них. Он звонил из какой-то сараяшки. Если зайдет солнце, там в два счета станет холодно.

— Без тебя понимаю, — огрызнулась Изабел. Послышался шорох. — Сейчас, пальто только надену и выйду. Ты меня слышишь? Я на улице. По твоей милости я отморожу себе

задницу. Иду через двор. А сейчас я иду по той части газона, куда выбегала пописать моя собачка, пока мой придурочный братец не съел ее.

Пол слабо улыбнулся.

— Ты не можешь поспешить? — подогнала я ее.

— Я бегу к первому сараю. Зову его по имени. Сэм! Сэм! Ты там? Ничего не слышу. Если он там превратился в волка, я его выпущу, а он изуродует мне лицо, мои родные тебя засудят.

Я различила какой-то слабый треск.

— Черт. Дверь заклинило. — Снова треск. — Сэм? Мальчик-волк? Ты там? В сарае, где мы храним газонокосилку, его нет. Кстати, а где Джек, если он это сделал?

— Здесь. С ним сейчас все в порядке. Ты что-нибудь слышишь?

— Сомневаюсь, чтобы с ним все было в порядке. С ним совсем беда. С головой, я имею в виду. Нет, я бы сказала тебе, если бы что-нибудь услышала. Иду к следующему.

Пол приложил тыльную сторону ладони к оконному стеклу над раковиной и поморщился. Он был прав. На улице стремительно холодало.

— Перезвоните Сэму, — попросила я Бека. — Пусть покричит, чтобы она его слышала.

Бек взял телефон, нажал кнопку и поднес его к уху.

Изабел, похоже, слегка запыхалась.

— Я у следующего. Сэм! Ты там? Приятель? — Послышался еле различимый скрип: дверь открылась. Молчание. — Если только он не превратился в мотоцикл, его и тут тоже нет.

— Сколько у вас еще сараев?

Мне мучительно хотелось оказаться там вместо Изабел. Я бы действовала быстрее. Я бы кричала до потери голоса, лишь бы найти его.

— Я же тебе сказала. Еще четыре. Но поблизости всего два. Остальные далеко в поле, за домом. Это конюшни.

— Сэм должен быть в каком-то из ближних. Он сказал, что он в сарае.

Я взглянула на Бека; тот все так же прижимал к уху телефон. Он посмотрел на меня и покачал головой в ответ. Дозвониться не удалось. Сэм, ну почему ты не берешь трубку?

— Я у сарая для хранения садовой утвари. Сэм! Сэм, это я, Изабел. Если ты волк, не надо уродовать мне лицо. — Я слышала, как она дышит в трубку. — Дверь снова заклинило, как в самом первом. Я пинаю ее моей дорогушей туфелькой, и это меня бесит.

Бек с грохотом опустил телефон на стол и отвернулся от нас с Полом. Он сцепил руки за головой. Этот жест так напомнил мне Сэма, что у меня защемило сердце.

— Ну вот, открыла. Ну и вонь. Тут повсюду дерьмо. Никого здесь... Ох.

Она осеклась, и в трубке было слышно лишь ее дыхание, внезапно ставшее еще более тяжелым.

— Что? Что?

— Секундо... заткнись... я снимаю с себя пальто. Он здесь, слышишь? Сэм! Сэм, посмотри на меня. Сэм, я сказала, посмотри на меня, придурок, не вздумай превратиться в волка. Не смей так с ней поступать.

Я медленно сползла на пол, прижимая телефон к уху. Лицо Пола не изменилось; он все так же смотрел на меня, неподвижный, безмолвный, мрачный, вылитый волк.

Я слышала какой-то хлопок и произнесенное вполголоса бранное слово, потом в трубке заревел ветер.

— Я веду его в дом. Слава богу, родители сегодня не ночуют. Я перезвоню тебе через несколько минут. Мне сейчас нужны обе руки.

Телефон у меня в руках умолк. Я вскинула глаза на Пола, который все так же смотрел на меня, и задумалась, что мне ему сказать, однако у меня было такое чувство, что он уже знает.

Глава 51

Грейс

38 °F

Я свернула с шоссе на дорожку, ведущую к участку Калпеперов. Мокрый снег с шуршанием ложился на лобовое стекло, свет фар терялся в стволах сосен. Огромный дом был практически неразличим в темноте, если не считать немногочисленных огоньков в окнах первого этажа. Я направила на них «бронко», как будто вела корабль по огням на берегу, и остановилась рядом с белым джипом Изабел. Больше машин не было.

Я схватила с сиденья запасную куртку Сэма и выскочила из машины. Изабел встретила меня у задней двери, провела сквозь пропахший дымим тамбур, заваленный сапогами, собачьими поводками и оленьими рогами. Запах дыма стал только сильнее, когда мы прошли из тамбура в нарядную пустынную кухню. На столе лежал недоеденный сэндвич.

— Он в гостиной перед камином, — сообщила Изабел. — Его только что перестало рвать. Заблевал мне весь ковер. Но это не страшно. Я люблю бесить родителей. Не стоит нарушать эту традицию

— Спасибо, — сказала я, испытывая к ней куда большую благодарность, чем подразумевала эта формальная фраза. Запах дыма привел меня в гостиную. К счастью для Изабел с ее полным неумением разводить костры, потолок здесь был очень высокий, и большую часть дыма вытянуло наверх, Сэм, закутанный как капуста, сидел перед камином, накинув на плечи флисовый плед. Перед ним дымилась нетронутая кружка с чем-то горячим.

Я бросилась к нему, вздрагивая от жара, и остановилась как вкопанная, почуяв его запах, терпкий, земной, неукротимый — до боли знакомый запах, который я так любила, но сейчас я не была ему рада. Впрочем, лицо, которое он повернул ко мне, было человеческим, и я, присев перед ним на корточки, поцеловала его. Он осторожно обнял меня, как будто боялся, что кто-то из нас сломается, положил голову мне на плечо. Его тело периодически сотрясала дрожь, несмотря на то что в камине потрескивало дымное пламя, которого, однако, оказалось достаточно, чтобы я чуть не обожгла себе плечо.

Мне хотелось, чтобы он что-нибудь сказал. Эта мертвая тишина пугала меня. Я отстранилась от него и гладила его по волосам, прежде чем собралась с духом и спросила:

— Все плохо?

— Это как американские горки, — негромко сказал Сэм. — Я поднимаюсь, поднимаюсь и поднимаюсь встречу зиме, и пока я не очутился на самой вершине, еще можно откатиться назад.

Я отвела взгляд в сторону, на огонь, глядя в самое сто сердце, туда, где жар был сильнее всего, пока цвета и свечение не утратили своего смысла и перед глазами у меня не заплясали одни белые огоньки.

— А сейчас ты на самой вершине.

— Не исключено. Надеюсь, что все-таки нет. Но до чего же мне паршиво.

Он сжал мою руку ледяными пальцами.

Молчание казалось невыносимым.

— Бек рвался приехать. Но он не может оставить дом.

В горле у Сэма что-то булькнуло. Я испугалась, что его опять тошнит.

— Мы с ним больше не увидимся. Это его последний год. Я думал, что злюсь на него за дело, но теперь все это кажется мне глупостью. У меня... у меня это в голове не укладывается.

Я не поняла, что именно не укладывается у него в голове: то, из-за чего он разозлился на Бека, или американские горки, на которых он очутился. Я все смотрела и смотрела на огонь, такой горячий, крохотное лето, самодостаточное и неистовое. Жаль, что нельзя было поместить его внутрь Сэма, чтобы оно согревало его вечно. Я видела, что на пороге стоит Изабел, но она казалась страшно далекой.

— Я все думаю, почему я не стала оборотнем, — медленно проговорила я. — Было бы понятно, если бы у меня была врожденная невосприимчивость или что-то в этом роде. Но у меня ее не было, понимаешь? Потому что потом я долго болела гриппом. И потому что я до сих пор не совсем... обычная. У меня острое чутье и острый слух. — Я помолчала, пытаюсь собраться с мыслями. — Я думаю, это все из-за папы. Наверное, дело в том, что он забыл меня в машине. Врачи тогда сказали, я должна была погибнуть из-за перегрева. Но я не погибла. Я выжила. И не превратилась в волчицу.

Сэм вскинул на меня печальные глаза.

— Возможно, ты и права.

— Но послушай, может, это и есть противоядие? Очень высокая температура?

Сэм покачал головой. Он был очень бледен.

— Не думаю, ангел. Какой температуры была вода в ванне, когда ты меня туда запихнула? И Ульрик... он в том году пытался перебраться в Техас... а у них там температура сто три градуса. Как был волком, так им и остался. Если температура тебя и спасла, то только потому, что ты была маленькая и у тебя была ужасная лихорадка, которая выжгла все изнутри.

— Но можно же вызвать лихорадку искусственно, — произнесла я внезапно и тут же покачала головой. — Хотя вряд ли есть такое лекарство, которое повышает температуру.

— Это возможно, — подала голос с порога Изабел.

Я взглянула на нее. Она стояла, прислонившись к косяку и сложив руки на груди; рукава у нее до сих пор были грязные: должно быть, она выпачкала их, когда вытаскивала Сэма из сарая.

— Моя мама два дня в неделю работает в больнице для малоимущих, и я слышала, как она рассказывала про одного парня, у которого температура зашкаливала. Его привезли с менингитом.

— И что с ним случилось? — спросила я.

Сэм выпустил мою руку и отвернулся.

— Он умер, — пожала плечами Изабел. — Но, может, оборотень не умер бы. Может, ты в детстве не умерла именно потому, что тебя укусили как раз перед тем, как твой идиот папаша оставил тебя печься в машине.

Сэм рядом со мной поднялся на шаткие ноги и закашлялся.

— Только не на ковер! — вскинулась Изабел.

Сэм уперся ладонями в колени; его выворачивало, но желудок у него давно был пуст. Он неуверенно обернулся ко мне, и от того, что я увидела в его глазах, у меня похолодело под ложечкой.

В комнате разило волком. На головокружительный миг мы с Сэмом перенеслись за

тысячу миль отсюда, только он и я, уткнувшись лицом в его мех.

Сэм на мгновение закрыл глаза, а когда открыл их, сказал:

— Прости, Грейс... я понимаю, что моя просьба прозвучит ужасно, но не могла бы ты отвезти меня к Беку? Я должен его увидеть, если это...

Он запнулся.

Но я знала, какое слово осталось произнесенным: «Конец».

Ночные поездки в облачную погоду всегда выбивали меня из колеи. Низкие облака не только застилали луну, но еще и лишали фары всякой силы, поглощая их свет в ту же секунду. Сейчас, когда я везла Сэма, у меня было такое чувство, словно я веду машину сквозь черный туннель, который становится все уже и уже. Мокрый снег с шорохом ложился на лобовое стекло; я крепко держалась за руль: на снежной каше шины проскальзывали.

Печка жарила на полную мощность, и я изо всех сил пыталась верить, что Сэм выглядит немного лучше. Изабел перелила его кофе в дорожную кружку, и я заставила его выпить все по дороге, несмотря на тошноту. Похоже, это помогало; во всяком случае, больше, чем все внешние источники тепла. Я восприняла это как возможное подкрепление нашей новой теории о внутреннем жаре.

— Я все думаю о твоей теории, — произнес Сэм, как будто прочитал мои мысли. — Она не лишена логики. Но для этого нужно заполучить что-то такое, от чего случается лихорадка, — например, менингит, как сказала Изабел, — а я думаю, что это будет неприятно.

— Это вдобавок к собственной лихорадке?

— Угу. Вдобавок к ней. Неприятно и опасно. В особенности учитывая, что провести испытания на животных, чтобы посмотреть, выйдет или нет, не получится.

Он бросил на меня быстрый взгляд, чтобы оценить, поняла я его шутку или нет.

— Не слишком смешно.

— Все лучше, чем ничего.

— И то верно.

Сэм протянул руку и погладил меня по щеке.

— Но я бы согласился попробовать. Ради тебя. Чтобы остаться с тобой.

Он произнес это так просто, без всякой рисовки, что до меня не сразу дошел весь смысл его слов. Я хотела что-то сказать в ответ, но из меня словно выпустили весь воздух.

— Я не хочу так больше, Грейс. Теперь мне недостаточно просто следить за тобой из леса, после того как мы были с тобой вместе... по-настоящему. Я просто больше так не могу. Я предпочту пойти на риск и...

— ...и умереть.

— Да, умереть, вместо того чтобы смотреть, как все это от меня ускользает. Я не могу так, Грейс. Я хочу попробовать. Только... думаю, чтобы получить хоть какой-то шанс, я должен быть в человеческом облике. Убить волка, находясь в волчьей шкуре, кажется невозможным.

Я дрожала — не от холода, а потому, что это казалось возможным. Чудовищным, смертельно опасным, кошмарным, — но возможным. И я этого хотела. Я хотела всегда иметь возможность ощущать прикосновение его пальцев к моей шее и слышать его печальный голос. Мне следовало бы сказать ему: «Нет, оно того не стоит», но это была бы ложь такого космического масштаба, что у меня язык не поворачивался произнести ее.

— Грейс, — неожиданно сказал Сэм. — Только если я тебе нужен.

— Что? — переспросила я, и только тогда до меня дошло, что он сказал.

И как ему только в голову пришло задать такой вопрос? Не может быть, чтобы я была для него настолько тайной за семью печатями. И тут до меня дошло — господи, ну и тупица! — что он хотел услышать от меня эти слова. Он все время говорил мне, какие чувства испытывает, а я... я молчала как рыба. По-моему, я ни разу ему этого не сказала.

— Ну конечно нужен. Сэм, я люблю тебя, ты ведь знаешь. Я уже много лет тебя люблю. Ты не можешь не знать.

Сэм обхватил себя руками.

— Я знаю. Но мне хотелось услышать это от тебя.

Он хотел взять меня за руку, но потом сообразил, что я не могу оторвать ее от руля, и, намотав прядь моих волос на пальцы, подушечками коснулся моей шеи. Мне казалось, я чувствую, как от этого прикосновения мой пульс и его пульс начинают биться в такт. Все это могло бы стать моим навсегда.

Он сгорбился в кресле, бесконечно усталый, и, склонив голову набок, стал смотреть на меня, играя моими волосами. Потом начал мурлыкать мелодию и после нескольких тактов запел. Негромко, то и дело переходя с пения на речитатив и обратно, невероятно нежно. Я не улавливала все слова до конца, но песня была о его девочке-лете. Обо мне. О его, возможно, девочке навсегда. Его желтые глаза были прикрыты, и в этот золотой миг, повисший посреди заледеневшего пейзажа каплей летнего нектара, перед глазами у меня промелькнула моя жизнь — какой она могла бы быть.

«Бронко» сотряс страшный удар, и в следующую секунду я увидела перед собой на капоте оленя. По лобовому стеклу змеилась трещина, мгновение спустя разбежавшаяся в разные стороны тысячей тончайших трещин-лучиков. Я ударила по тормозам, но ничего не произошло. Машина и не думала подчиняться.

— Поворачивай, — сказал Сэм, а может, он сказал это лишь в моем воображении, но когда я вывернула руль, «бронко» продолжал двигаться по прямой, скользя по обледенелой дороге.

В памяти всплыли папины слова «крути руль в сторону заноса», и я так и сделала, но было уже слишком поздно.

Что-то хрустнуло, как будто сломалась кость, и на машине и в машине у меня оказался мертвый олень, все вокруг было в осколках стекла, и — о господи! — из капота у меня торчало дерево, костяшки пальцев были в крови, меня колотило, а Сэм смотрел на меня с выражением «только не это» в глазах, и тут до меня дошло, что двигатель заглох и сквозь зияющую дыру в лобовом стекле в салон просачивается ледяной воздух.

Одно драгоценное мгновение я просто таращилась на Сэма. Потом попыталась завести двигатель, но он даже не чихнул, когда я повернула ключ в зажигании.

— Я позвоню в службу спасения. Они приедут за нами.

Губы Сэма сжались в печальную тонкую линию, и он кивнул, как будто это и в самом деле могло ему помочь. Я набрала «911» и торопливо сообщила об аварии, пытаясь сообразить, где мы можем находиться, потом осторожно, чтобы не запачкать рукава об окровавленные костяшки пальцев, стащила с себя куртку и укутала в нее Сэма. Он сидел притихший и неподвижный, и я схватила с заднего сиденья плед и набросила его поверх, а потом придвинулась поближе и прижалась к нему, силясь обогреть его теплом своего тела.

— Позвони Беку, пожалуйста, — попросил Сэм, и я набрала номер. Потом нажала кнопку громкой связи и пристроила телефон на приборной панели.

— Грейс? — произнес голос Бека.

— Бек, — сказал Сэм. — Это я.

Повисла пауза, потом Бек заговорил:

— Сэм, я...

— У меня нет времени, — перебил его Сэм. — Мы налетели на оленя. Машина разбита.

— Господи. Где вы находитесь? Двигатель работает?

— Слишком далеко. Мы позвонили в службу спасения. Двигатель не заводится. — Сэм немного помолчал, чтобы Бек мог осознать, что это значит. — Бек, мне очень жаль, что я не успел приехать. Мне нужно тебе сказать...

— Нет, выслушай сначала ты меня, Сэм. Эти ребята... ты должен знать, что я их завербовал. Они все знали, с самого начала знали. Все было с их согласия. Не как с тобой. Я так виноват перед тобой, Сэм. Я никогда не переставал чувствовать свою вину.

Для меня это был бессмысленный набор слов. Для меня, но не для Сэма. Глаза у него подозрительно заблестели, он сморгнул.

— Я ни о чем не жалею. Я люблю тебя, Бек.

— И я тебя, Сэм. Ты лучший из нас, и ничто не в силах это изменить.

Сэм содрогнулся; это был первый признак воздействия холода.

— Мне пора, — сказал он. — Время вышло.

— До свиданья, Сэм.

— Пока, Бек.

Сэм кивнул мне, и я нажала кнопку отбоя.

Секунду он сидел неподвижно, моргая. Потом стряхнул все одеяла и куртки, чтобы освободить руки, и обнял меня изо всех сил. Я чувствовала, как он дрожит, уткнувшись лицом в мои волосы.

— Не уходи, Сэм, — попросила я, сама понимая всю бесполезность этой просьбы.

Сэм обхватил мое лицо ладонями и заглянул мне в глаза. Его глаза были желтыми, печальными, волчьими, моими.

— Они не изменяются. Помни об этом, когда будешь смотреть на меня. Помни, что это я. Пожалуйста.

«Прощу тебя, не уходи».

Сэм отпустил меня и раскинул руки, одной вцепившись в приборную панель, а другой — в спинку сиденья. Он склонил голову, и у меня на глазах по его плечам пробежала волна дрожи. Я смотрела на безмолвную агонию превращения, пока негромкий душераздирающий вскрик не сказал мне, что он утратил свою человеческую суть.

Глава 53

Сэм

33 °F

*погружаюсь в зыбкую тьму
руки к тебе тяну
ледяная тоска меня поглощает
хрупкая эта любовь
просто способ
сказать
прощай*

Глава 54

Грейс

32 °F

Когда приехали парамедики, я сидела, сжавшись в комочек на пассажирском сиденье под ворохом курток и закрыв лицо руками.

— Мисс, как вы себя чувствуете?

Я ничего не ответила, лишь положила руки на колени и стала смотреть на пальцы, залитые слезами вперемешку с кровью.

— Мисс, вы одна?

Я кивнула.

Глава 55

Сэм

32 °F

Я следил за ней, как следил всегда.

Мысли были смутные и трудноуловимые, слабые запахи, принесенные ледяным ветром откуда-то из далекого далека.

Она сидела на опушке леса у качелей, сжавшись в комочек, пока от холода ее не начинало трясти, но и тогда она не уходила. Я долго не мог понять, что она делает.

Я следил за ней. Мне хотелось подойти к ней, хотя инстинкты восставали против этого. Эта тяга породила мысль, а та, в свою очередь, воскресила воспоминание о золотом лесе, о днях, проплывающих мимо меня и осыпающихся наземь, о днях, смятым ворохом устилающих землю.

Тогда-то я понял, что она делает на опушке, съежившись и дрожа от лютого холода. Она ждала — ждала, чтобы холод преобразил ее. Наверное, тот незнакомый запах, который я улавливал, был запах надежды.

Она надеялась, что изменится, и я надеялся, что изменюсь; мы оба стремились к тому, что было для нас недостижимо.

В конце концов двор накрыли сумерки, и тени стали удлиняться, выползать из леса, пока не заполонили весь мир.

Я следил за ней.

Дверь открылась. Я попятился во тьму. Из дома вышел мужчина и заставил девушку подняться с земли. Свет из дома отразился от замерзших дорожек на ее щеках.

Я следил за ней. Без нее смутные мысли расползлись. Когда она исчезла в доме, осталась только тоска.

Глава 56

Грейс

34 °F

Хуже всего был их вой.

Дни были кошмаром, но по ночам мне было еще тяжелее; днем я лишь апатично готовилась каким-то образом пережить еще одну ночь, наполненную их голосами. Я лежала в постели в обнимку с его подушкой, пока его запах не выветрился до последней капли. Я спала в его кресле в папином кабинете, пока оно не приняло мою форму вместо его. Я бродила по дому босиком, раздираемая горем, которое ни с кем не могла разделить.

Единственный человек, с которым я могла поделиться, Оливия, не отвечала на телефонные звонки, а моя машина — машина, о которой мне невыносимо было даже думать, — превратилась в никчемную грудку металлолома.

Поэтому я сидела дома одна, час тянулся за часом, а за окном темнели неизменные голые деревья Пограничного леса.

Самой кошмарной была ночь, когда я слышала его вой. Первыми, как и в предыдущие три ночи, начали другие. Я съежилась в кожаном кресле в папином кабинете, уткнулась в последнюю оставшуюся у меня футболку, пахнувшую Сэмом, и стала уговаривать себя, что это всего лишь запись волчьего воя, а не настоящие волки. Не настоящие люди. А потом, впервые за все время после аварии, я слышала, как в волчий хор вплеся его голос.

Мое сердце рвалось на части, потому что я слышала его голос. Голоса остальных волков сплетались в протяжную песнь, нежную и скорбную, но я слышала одного лишь Сэма. Его голос дрожал, то возвышаясь, то мучительно затихая.

Я долго слушала этот вой. Я молилась, чтобы они перестали, чтобы оставили меня в покое, но в то же самое время отчаянно боялась, что они умолкнут. Когда затихли голоса остальных, Сэм еще долго продолжал выть, негромко и протяжно.

Когда он наконец умолк, ночь показалась мне мертвой.

Сидеть на одном месте было невыносимо. Я встала и принялась расхаживать по кабинету, сжимая и разжимая кулаки. В конце концов я взяла гитару, на которой играл Сэм, и с криком грохнула ею о край папиного стола.

Когда из спальни прибежал папа, он обнаружил меня сидящей посреди моря щепок и лопнувших струн, как будто корабль с музыкой на борту разбился о скалистый берег.

Глава 57

Грейс

35 °F

Когда я впервые после аварии взяла телефон, шел снег. Невесомые изящные снежинки, словно цветочные лепестки, проплывали мимо черного квадрата моего окна. Я не стала бы отвечать на звонок, но это был тот самый единственный человек, с которым я пыталась связаться с самой аварии.

— Оливия?

— Г-грейс?

Я едва узнала голос Оливии. Она рыдала.

— Тише, Оливия... что случилось?

Вопрос был глупый. Я и так знала, что с ней случилось.

— П-помнишь, я сказала тебе, что знаю про волков? — Она судорожно всхлипывала между словами. — Я тогда не рассказала тебе про больницу. Джек...

— Укусил тебя, — закончила я за нее.

— Да, — прорыдала Оливия. — Я думала, что ничего уже не случится, потому что время шло, а я чувствовала себя точно так же!

Я ощутила свинцовую тяжесть под ложечкой.

— Ты стала оборотнем?

— Я... я не могу... не могу...

Я закрыла глаза, представляя себе эту сцену. Ох.

— Ты сейчас где?

— Н-на автобусной остановке. — Она шмыгнула носом. — Т-тут холодно.

— Ох, Оливия. Приезжай ко мне. Поживешь пока у меня. Мы со всем разберемся. Я приехала бы за тобой сама, но я без машины.

Оливия снова зарыдала.

Я поднялась и закрыла дверь своей спальни. Впрочем, мама и так меня не слышала бы; она была у себя наверху.

— Оливия, все нормально. Я не собираюсь падать в обморок. Я видела, как Сэм превратился в волка, и ничего, выжила. Я представляю, как это происходит. Успокойся, ладно? Я не могу за тобой приехать. Я без машины. Придется тебе самой сюда приехать.

Я успокаивала ее еще несколько минут, потом сказала, что, когда она приедет, дверь будет открыта. Впервые за все время после аварии я чувствовала себя ожившей.

Когда она приехала, заплаканная и растрепанная, я отправила ее в душ и принесла ей чистую одежду. Пока она стояла под горячей водой, я сидела на крышке унитаза.

— Я расскажу тебе мою историю, если ты расскажешь мне свою, — пообещала я ей. — Я хочу знать, когда Джек тебя укусил.

— Я говорила тебе, что наткнулась на него, когда снимала волков, и стала его подкармливать. Дура я, что ничего тебе не рассказала... мне было так стыдно, что я с тобой поругалась, что я не пошла к тебе сразу же, а потом начала прогуливать уроки, чтобы ему помочь, а потом у меня появилось такое чувство, что если я тебе расскажу, то... Не знаю, чем я думала. Прости.

— Ладно, что сделано, то сделано, — сказала я. — Как он себя вел? Он заставлял тебя помогать ему?

— Нет, — ответила Оливия. — Наоборот, он был довольно мил, когда все шло, как он хотел. Он становился злым, когда превращался в волка, но на вид этот процесс довольно болезненный. И он все время спрашивал про волков, просил показать ему фотографии, и мы разговаривали, а когда он выяснил, что тебя тоже укусили...

— Выяснил? — переспросила я.

— Ну ладно, когда я ему сказала! Я же не знала, что он станет как помешанный! После этого он все время твердил о противоядии и пытался дознаться у меня, как можно ему помочь. А потом он... мм... он... — Она утерла глаза. — Он укусил меня.

— погоди. Он укусил тебя, когда был человеком?

— Угу.

Меня передернуло.

— Господи, какой ужас. Вот скотина. Значит, ты с тех самых пор держала это все в себе?

— А кому я могла рассказать? — вздохнула Оливия. — Я думала, Сэм тоже из них, из-за его глаз, — мне казалось, я узнала его на моих фотографиях, — но когда мы столкнулись у книжного магазина, он сказал, что носит контактные линзы. Ну и я поняла, что либо ошиблась, либо он все равно не собирается мне помогать.

— Надо было сказать мне. Я же говорила тебе про оборотней.

— Да знаю я. Мне было просто... стыдно. Я просто... — она закрыла воду, — сглупила. Не знаю. И вообще, что с этим поделаешь? Как Сэму удалось столько продержаться в человеческом облике? Я его видела. Он все время ждал тебя в машине и даже не думал превращаться в волка.

Я поверх занавеси передала ей полотенце.

— Идем ко мне в комнату. Я все тебе расскажу.

Оливия осталась у меня ночевать и так легалась и ворочалась, что в конце концов ей пришлось соорудить себе гнездо из нескольких одеял и моего спального мешка, чтобы мы обе могли уснуть. После позднего завтрака мы отправились купить Оливии кое-какие туалетные принадлежности: мама уехала на работу вместе с папой, чтобы я могла взять машину. На обратном пути из магазина зазвонил мой сотовый. Оливия прочитала вслух номер, высветившийся на экранчике.

Это был Бек. Я не знала, хочу говорить с ним или нет. Я со вздохом взяла трубку.

— Слушаю?

— Грейс?

— Да.

— Прости, что потревожил, — ровным голосом сказал Бек. — Я знаю, что последние несколько дней у тебя выдались не дай бог никому.

Интересно, он ждал от меня какого-нибудь ответа? Надеюсь, что нет, потому что мне ничего не шло в голову. Она была словно ватой набита.

— Грейс?

— Да-да.

— Я звоню насчет Джека. Дела у него идут получше, он почти стабилизировался и в самом скором времени должен превратиться в волка на зиму. Но думаю, еще пару недель он будет превращаться туда-сюда.

В голове у меня стоял такой туман, что я не сразу сообразила, какое доверие оказал мне Бек. Я почувствовала себя смутно польщенной.

— Значит, он больше не сидит в ванной?

Бек рассмеялся, без особого веселья, но тем не менее слышать его смех было приятно.

— Нет, он удостоился чести перебраться из ванной в подвал. Но, боюсь, я сам скоро стану волком — сегодня утром это уже чуть не произошло. Мне очень не хочется тебя об этом просить, потому что это подвергает тебя риску быть укушенной, но, может, ты смогла бы приглядывать за ним, пока он окончательно не превратится в волка?

Я помолчала.

— Бек, меня уже укусили.

— Господи!

— Нет-нет, — добавила я торопливо. — Не сейчас. Много лет назад.

Голос Бека показался мне каким-то чужим.

— Ты — та самая девочка, которую Сэм спас?

— Угу.

— И ты так и не стала оборотнем.

— Нет.

— Давно ты знакома с Сэмом?

— Лично мы с ним познакомились только в этом году, но я следила за ним с тех самых пор, как он меня спас.

Я подъехала к дому, но двигатель глушить не стала. Оливия протянула руку к регулятору, включила обогреватель на большую мощность и откинулась на спинку кресла с закрытыми глазами.

— Я хотела бы подъехать к вам, пока вы не стали волком. Просто поговорить, если вы не против.

— Я только за. Но, боюсь, тебе придется поторопиться. Я приближаюсь к точке, возврата откуда нет.

Черт. Мне кто-то звонил по второй линии.

— Давайте сегодня во второй половине дня? — предложила я. Он согласился, и я сказала: — Прощу прощения, мне пора закругляться. Кто-то звонит по другой линии.

Мы распрощались, и я переключилась на второй звонок.

— Черт побери, Грейс, сколько гудков надо дать, чтобы ты взяла трубку? Восемнадцать? Двадцать? Сотню?

Это была Изабел; в последний раз я разговаривала с ней на следующий день после аварии — позвонила сообщить, где Джек.

— А вдруг я была на уроке и мне влетело по первое число за то, что мне названивают во время занятий?

— Ни на каком уроке ты не была. Не суть. Мне нужна твоя помощь. У моей мамы в клинике появился новый больной с менингитом. Тяжелый. Я была там и взяла у него кровь. Три пробирки.

Я несколько раз хлопнула глазами, пока не поняла, что она говорит.

— Что-что ты сделала? Зачем?

— Грейс, я думала, ты в классе из самых сообразительных. Видно, это все скользящая система оценок творит чудеса. Включи голову. Пока мама говорила по телефону, я притворилась медсестрой и взяла у него кровь. Его ужасную зараженную кровь.

— Ты умеешь брать кровь?

— Да, представь себе, умею! А что, разве кто-то не умеет? Ты что, совсем не врубаешься? Три пробирки. Одну для Джека, одну для Сэма, одну для Оливии. Мне нужно, чтобы ты помогла мне привезти Джека в клинику. Кровь тут в холодильнике. Я боюсь вынимать ее оттуда, вдруг бактерии погибнут или еще что-нибудь в этом роде. Все равно я не знаю, где дом этого чувака, у которого живет Джек.

— Ты хочешь влить им эту кровь. Чтобы заразить их менингитом.

— Нет, я хочу заразить их малярией. Да, бестолковая. Я хочу заразить их менингитом. Основным симптом — тадам! — лихорадка. И, откровенно говоря, мне плевать, решишь ты заражать Сэма с Оливией или нет. Все равно на Сэма это, скорее всего, не подействует, потому что он уже превратился в волка. Но я подумала, что нужно набрать достаточно крови, чтобы хватило на всех троих, если я хочу, чтобы ты мне помогла.

— Изабел, — вздохнула я, — я и так бы тебе помогла. Записывай адрес. Встречаемся там через час.

Очутившись в подвале у Бека, я испытала разом самую большую радость и самое большое горе с тех пор, как Сэм превратился в волка, потому что увидеть Бека там, в его собственном мире, было все равно что еще раз увидеть Сэма. Все началось, когда мы оставили Оливию в уборной — ее рвало, — а сами встретились с Беком у лестницы, ведущей в подвал, потому что встретить нас у входной двери он не мог, там было слишком холодно, — и я поняла, как многим в себе Сэм обязан Беку. Даже мельчайшие жесты — протянуть руку, чтобы щелкнуть выключателем, склонить голову, приглашая нас следовать за ним, неловко пригнуться, чтобы не удариться головой о нависающую балку в самом низу лестницы, — так напоминали Сэма, что у меня защемило сердце.

Потом мы очутились в подвале, и у меня перехватило дыхание. Просторное помещение было заполнено книгами. Их было не просто много. Это была настоящая библиотека. Вдоль стен до самого потолка тянулись книжные полки, до отказа забитые книгами. Даже не приближаясь к ним, я увидела, что они расставлены по категориям: высокие пухлые атласы и энциклопедии на одной полке; растрепанные пестрые покетбуки на нескольких других, большие фотоальбомы, подписанные заглавными буквами на корешках, романы в твердых переплетах, поблескивавшие суперобложками. Я медленно вышла в центр комнаты и остановилась на тускло-оранжевом ковре, разглядывая книги.

И запах — запах Сэма был в этой комнате повсюду, как будто он находился здесь, со мной, держа меня за руку, разглядывая все эти книги вместе со мной и ожидая от меня слов: «Мне здесь нравится».

Я уже собиралась нарушить молчание, сказав что-то вроде «теперь я понимаю, где Сэм пристрастился к чтению», когда Бек произнес почти виноватым тоном:

— Когда проводишь столько времени в четырех стенах, поневоле начнешь читать.

И тут я внезапно вспомнила, как Сэм рассказывал мне про Бека, что это его последний год в человеческом обличье. Он никогда больше не прочтет этих книг. Мигом растеряв все слова, я замерла, молча глядя на Бека, а потом наконец глупо выдавила:

— Я люблю книги.

Он улыбнулся, словно все понимал, потом взглянул на Изабел, которая вытягивала шею, как будто где-то на этих полках должен был храниться Джек.

— Джек, наверное, в другой комнате, играет на приставке, — сказал Бек.

Изабел с сомнением покосилась на дверь в соседнюю комнату.

— А он не загрызет меня, если я туда войду?

Бек пожал плечами.

— Полагаю, он опасен не больше, чем обычно. Это самая теплая комната во всем доме; думаю, ему там уютнее. Хотя он до сих пор постоянно превращается туда-обратно. Просто будь осторожна.

Любопытно, что он говорил о Джеке скорее как о животном, нежели как о человеке, словно инструктировал Изабел, как обращаться с гориллами в зоопарке. Когда она скрылась за дверью, Бек указал на одно из двух мягких кресел.

— Присаживайся.

Я с радостью уселась в кресло. От него пахло Беком и еще несколькими другими волками, но сильнее всего пахло Сэмом. Так легко было представить, как он сидит здесь, на этом самом месте, свернувшись калачиком, и читает, пополняя и без того непристойно обширный словарный запас. Я прислонилась виском к боковине кресла, воображая себя в объятиях Сэма, и покосилась на Бека, который устроился в кресле напротив, откинувшись на спинку и вытянув ноги. Вид у него был усталый.

— Я отчасти удивлен, что Сэм столько времени держал тебя в секрете.

— В самом деле?

Он пожал плечами.

— Хотя чему тут удивляться. Я ведь не рассказал ему про свою жену.

— Он все знал. Он рассказывал мне о ней.

Бек рассмеялся, отрывисто и тепло.

— И это тоже не удивительно. Утаить что-нибудь от Сэма было решительно невозможно. Не люблю избитых фраз, но он читал людей как открытую книгу.

Мы оба говорили о нем в прошедшем времени, как о покойнике.

— Думаете, я когда-нибудь увижу его снова?

Лицо у него было отстраненное, непроницаемое.

— Думаю, этот год был для него последним. Правда. Для меня самого он точно последний. Не знаю, почему ему было отпущено так мало лет. Это совершенно ненормально. То есть, конечно, это индивидуально, но меня лично укусили двадцать с небольшим лет назад.

— Двадцать?!

Бек кивнул.

— В Канаде. Мне было двадцать восемь лет, я был восходящей звездой в своей фирме и поехал туда в отпуск. Хотел отдохнуть на природе.

— А все остальные? Откуда они родом?

— Кто откуда. Когда я слышал, что в Миннесоте объявились волки, то решил, что они вполне могут быть такими же, как я. Поэтому я отправился на поиски, выяснил, что не ошибся, и Пол взял меня под крылышко. Пол — это...

— Черный волк.

Он кивнул.

— Кофе не хочешь? Я готов кого-нибудь убить за чашку кофе, если позволишь такое выражение.

Я испытала острое чувство благодарности.

— Это было бы замечательно. Если скажете мне, где искать кофеварку, я все сделаю. — Он указал на просвет между полками неподалеку от небольшого холодильника. — А вы рассказывайте дальше.

— О чем? — со смешком в голосе спросил он.

— О стае. О том, каково это, быть волком. О Сэме. Зачем вы инициировали Сэма. — Я помолчала, стоя с кофейным фильтром в руке. — Да, именно об этом. Я хочу знать ответ на этот вопрос.

Бек провел по лицу ладонью.

— Самый неприятный. Я инициировал Сэма, потому что был бездушной эгоистичной свиньей.

Я насыпала в фильтр молотый кофе. Раскаяние в его голосе было слишком очевидным, но я не собиралась позволить ему уйти от ответа.

— Это не причина. Тяжелый вздох.

— Я понимаю. Джен — моя жена — только что умерла. Когда мы познакомились, у нее был рак в терминальной стадии, так что я знал, что это должно произойти, но я был молодой и глупый, думал, вдруг произойдет чудо и мы будем жить долго и счастливо. Но чуда не произошло. Я впал в депрессию. Задумывался даже о самоубийстве, но когда ты волк, в этом есть один забавный момент: самоубийство не кажется хорошей идеей. Ты никогда не замечала, что животные не убивают себя намеренно?

Я об этом не задумывалась. Я сделала себе мысленную заметку.

— В общем, в то лето я был в Дулуте и увидел Сэма и его родителей. Понимаю, это звучит чудовищно. Но все было не совсем так. Мы с Джен все время говорили о детях, хотя оба понимали, что этому никогда не бывать. Врачи отпустили ей всего восемь месяцев. Какой тут ребенок? В общем, я увидел Сэма. Со своими желтыми глазами он был как настоящий волк, и эта идея полностью завладела мной. И не надо мне ничего говорить, Грейс, я и сам понимаю, что это было неправильно, — но я увидел его с недалекими и скучными родителями, у которых ума было не больше, чем у пары голубей, и подумал, что я был бы ему куда лучшим отцом. Я мог бы дать ему неизмеримо больше.

Я молчала, и Бек снова уткнулся лбом в раскрытую ладонь. Его голос казался голосом древнего старика. Я ничего не сказала, но он простонал:

— Ох, Грейс, я все понимаю. Все понимаю. Но, видишь ли, какая заковыка. На самом деле мне нравится быть таким, какой я есть. Нет, поначалу это было не так. Это было проклятие. Но в конечном итоге я просто стал по-разному любить лето и зиму. Понимаешь? Я знал, что в конце концов потеряю человеческий облик, но давным-давно с этим смирился. И думал, что и Сэм тоже смирится.

Я отыскала в закутке над кофеваркой кружки и вытащила две штуки.

— Но он не смирился. Молоко нужно?

— Капельку. Не слишком много. — Он вздохнул. — Для него это ад. Я создал для него персональный ад. Ему необходимо самосознание, чтобы ощущать себя живым, а когда он утрачивает его и превращается в волка... это ад. Я в жизни своей не встречал человека лучше его, а я искорежил ему жизнь. За все эти годы не было ни дня, чтобы я не сожалел о содеянном.

Возможно, он этого и заслуживал, но я не могла смотреть, как он терзается. Я принесла ему кофе и села обратно в кресло.

— Он любит вас, Бек. Может, он и ненавидит жизнь в волчьей шкуре, но он любит вас. И вот что я вам скажу: мне невыносимо сидеть здесь с вами, потому что все в вас напоминает мне о нем. Если вы и восхищаетесь им, то потому, что это вы сами сделали его тем, кто он есть.

Бек вдруг показался мне до странности уязвимым. Он долго сидел молча, обхватив кружку с кофе ладонями и глядя на меня сквозь поднимающийся от нее пар, потом сказал:

— О чем я точно не буду грустить, это о способности испытывать раскаяние.

Я нахмурилась, глядя на него, и сделала глоток кофе.

— Вы все забудете?

— Ты ничего не забываешь. Просто воспринимаешь все по-иному. Сквозь призму волчьего сознания. В волчьем обличье некоторые вещи становятся совершенно неважными.

Есть еще эмоции, которых волки просто-напросто не испытывают. Это все утрачивается. Но самые важные вещи — их нам удастся сохранить. Большинству из нас.

Например, любовь. Я вспомнила, как Сэм смотрел на меня еще до того, как мы познакомились в человеческом облике, а я смотрела на него. Как мы влюбились друг в друга, как это ни немыслимо. У меня больно защемило сердце, и я на миг онемела.

— Тебя укусили, — сказал Бек.

Мне уже была знакома эта его манера — задавать вопрос утвердительным тоном.

Я кивнула.

— Чуть больше шести лет назад.

— Но ты так и не стала оборотнем.

Я пересказала историю о том, как меня забыли в запертой машине, и изложила ему свою теорию о возможном противоядии, которую изобрели мы с Изабел. Бек довольно долго сидел молча, водя пальцем по небольшому кружку на боку кофейной чашки и безучастно уставившись на книги на стене.

— Это может сработать, — кивнул он наконец. — Ваша гипотеза не лишена логики. Но, думаю, чтобы все получилось, во время инфицирования нужно находиться в человеческом облике.

— Сэм тоже так сказал. Он сказал, если собираешься убить в себе волка, не нужно при этом быть волком.

Взгляд Бека по-прежнему был обращен куда-то внутрь себя.

— Ох, и все-таки это рискованно. Нельзя начинать лечение менингита, пока не удостоверись, что лихорадка убила волка. А смертность при бактериальном менингите запредельная, даже если поймать его в зародыше и сразу начать лечение.

— Сэм сказал мне, что ради противоядия рискнул бы жизнью. Думаете, он правда так считал?

— Безусловно, — не колеблясь ответил Бек. — Но он же волк. И вероятно, останется волком до конца жизни.

Я уткнулась в полупустую кружку, глядя, как жидкость у самого края ободка меняет цвет.

— Я подумала, может, привезти его в клинику, вдруг он в тепле снова превратится в человека.

Наступило молчание, но я не торопилась увидеть выражение лица Бека.

— Грейс, — ласково произнес он наконец.

Я сглотнула, продолжая разглядывать содержимое кружки.

— Я знаю.

— Я наблюдаю за волками вот уже двадцать с лишним лет. Все предсказуемо. Каждому из нас отпущен свой срок... а потом все, конец.

— Но в этом году он же превратился в человека, хотя и не должен был, — по-детски заупрямилась я. — Когда его подстрелили, он стал человеком.

Бек сделал большой глоток кофе и забарабанил по стенке кружки пальцами.

— И для того, чтобы спасти тебя, тоже. Он превратился в человека, когда тебе грозила опасность. Не знаю, как он это сделал. И почему. Однако же он это сделал. Я всегда считал, что дело тут в адреналине, из-за которого организм решает, что стало тепло. Насколько я знаю, он пробовал проделать это еще несколько раз, но у него ничего не вышло.

Я закрыла глаза и представила, как Сэм несет меня на руках. Я почти видела это, чуяла

это, чувствовала это.

— Черт. — Бек помолчал. — Черт, — повторил он затем еще раз. — Он хотел бы этого. Он пошел бы на этот риск. — Он осушил свою кружку. — Я помогу тебе. Как ты собиралась везти его в клинику? Усыпить на время поездки?

Вообще-то я думала об этом с тех самых пор, как мне позвонила Изабел.

— Наверное, другого выхода у нас нет. Иначе он не дастся.

— Нужен бенадрил, — будничным тоном сказал Бек. — У меня наверху есть.

— Я только не смогла придумать, каким образом заманить его сюда. После аварии я его больше не видела, — сказала я, осторожно подбирая слова. Я не позволяла себе надеяться. Просто не могла.

— Я знаю, как это сделать, — откликнулся Бек. — Эту часть я беру на себя. Я его приманю. Бенадрил положим в какую-нибудь котлету или что-нибудь в этом роде.— Он поднялся и забрал у меня кружку. — Ты мне нравишься, Грейс. Как бы мне хотелось, чтобы Сэм мог...

Он умолк и положил руку мне на плечо.

— Это может сработать, Грейс. — Голос у него был такой добрый, что я чуть не расплакалась. — Это может сработать.

Я видела, что он сам не верит в свои слова, но видела и то, что он хочет поверить. Пока что мне было этого достаточно.

Глава 59

Грейс

38 °F

Бек зашагал по припорошенному снежком двору, такой широкоплечий в своем темном свитере. Изабел и Оливия стояли рядом со мной за стеклянной дверью, готовые в любой миг прийти на помощь, но у меня было такое чувство, будто я смотрю, как Бек делает свои последние шаги в человеческом обличье, в полном одиночестве. В одной руке он держал кусок сырого мяса, наштигованный бенадрилом; другая неудержимо тряслась.

Отойдя ярдов на десять от дома, Бек остановился, бросил мясо на землю и сделал еще несколько шагов по направлению к лесу. Некоторое время он стоял неподвижно, склонив голову набок в знакомой мне манере. Слушал.

— Что он делает?! — спросила Изабел, но я ничего не ответила.

Бек рупором приложил ладони ко рту, и даже в доме я отчетливо слышала каждое его слово.

— Сэм! Сэм! — повторил он еще раз. — Я знаю, что ты там! Сэм! Сэм! Помнишь, кто ты такой? Сэм!

Бека била дрожь, но он продолжал звать Сэма из пустого заледенелого леса, пока не споткнулся и едва не упал.

Я зажала рот руками; по щекам у меня текли слезы.

Бек успел прокричать имя Сэма еще раз, а потом плечи его сгорбились, по ним пробежала волна, руки и ноги заскребли по земле, оставляя следы на тонком белом снегу. Одежда повисла на нем спутанным ворохом, он затряс головой и выпутался из нее.

Посреди двора стоял серый волк и смотрел на стеклянную дверь, глядя, как мы смотрим на него. Он отступил в сторону от одежды, надеть которую вновь ему никогда больше не было суждено, и замер, повернув голову в сторону леса.

Из-за высоких черных сосен появился еще один волк, низко опустив голову и настороженно пригнувшись. Загрибок его был припорошен снегом. Его глаза безошибочно отыскивали за стеклом меня.

Сэм.

Вечер был свинцово-серым, бескрайнее небо застилали мерзлые облака, предвещавшие ночной снегопад. За окном джипа шуршали по присыпанной солью дороге шины и царапал лобовое стекло мокрый снег. В салоне, сидя за рулем, Изабел без умолку жаловалась на запах мокрой псины, но на мой вкус пахло сосновой хвоей и землей, мускусом и дождем. А сквозь них пробивался острый, прилипчивый запах тревоги. На пассажирском сиденье негромко поскуливал Джек, застрявший где-то посередине между волком и человеком. Оливия сидела рядом со мной на заднем сиденье и так стискивала мои пальцы, что мне было больно.

Сэм лежал в багажнике. Мы взгромоздили его, отяжелевшего от наркотического сна, в джип. Во сне он дышал глубоко и неровно, и я напрягала слух, пытаюсь уловить шелест его дыхания, заглушаемый хлюпаньем дорожной грязи под колесами, чтобы сохранить хоть какую-то связь между нами, если нельзя было к нему прикоснуться. Он сейчас был под воздействием лекарства, и я могла бы сесть рядом с ним и запустить руки в его мех, но для него это было бы мучением.

Он теперь был диким зверем. Он вернулся в свой мир, не имеющий ничего общего со мной.

Изабел затормозила перед небольшой больницей. В этот час на неосвещенной парковке было темно; прямоугольное здание больницы серело чуть поодаль. Оно совсем не походило на место, где совершаются чудеса. Если оно на что и походило, то на место, куда идут лечиться те, у кого нет денег. Я выбросила эту мысль из головы.

— Я стащила у мамы ключи, — сказала Изабел. Надо отдать ей должное, голос ее прозвучал совершенно спокойно. — Идемте. Джек, сделай одолжение, постарайся никого не загрызть по дороге.

Джек пробормотал что-то нечленораздельное. Я оглянулась назад: Сэм, покачиваясь, стоял на четырех лапах.

— Изабел, скорее. Действие бенадрила заканчивается.

Изабел дернула рычаг стояночного тормоза.

— Если нас арестуют, я скажу, что вы меня похитили.

— Вперед, — рывкнула я и открыла дверь. Оливия с Джеком поморщились от холода. — Вам двоим придется бежать.

— Я вернусь и помогу тебе отвести его, — сказала Изабел и выскочила из джипа.

Я оглянулась на Сэма, и он вскинул на меня глаза. Вид у него был ошалелый, заторможенный.

На миг я застыла под его взглядом, вспомнив, как мы с ним лежали в постели, нос к носу, глядя друг к другу в глаза.

Он издал негромкий тревожный звук.

— Прости меня, — попросила я его.

Вернулась Изабел, и я вышла из машины, чтобы помочь ей. Она сняла ремень и ловко перетянула им морду Сэма. Я вздрогнула, но права запретить ей делать это у меня не было.

Ее, в отличие от меня, волки не кусали, а предсказать, как поведет себя Сэм, не мог никто.

Мы с двух сторон подняли его и вперевалку потащили к больнице. Изабел ногой распахнула дверь, которая уже была слегка приоткрыта.

— Смотровые в той стороне. Запри его пока в какой-нибудь из них, сначала разберемся с Оливией и Джеком. Может быть, он превратится обратно в человека, если достаточно долго пробудет в тепле.

Изабел проявила невиданное милосердие; мы обе с ней прекрасно знали, что снова обратить его в человека способно разве что чудо. Самое большее, на что я могла надеяться, это что Сэм ошибался и противоядие не убьет его, несмотря на волчье обличье. Я двинулась за Изабел в небольшую кладовку, заваленную разнообразными вещами и пропахшую каким-то медицинским резиновым запахом. Оливия и Джек уже ждали нас там, склонив друг к другу головы, как будто о чем-то разговаривали. Меня это удивило. Когда мы вошли, Джек поднял голову.

— Я больше не могу выносить ожидание, — сказал он. — Можно наконец покончить с этим делом?

Я взглянула на лоток с дезинфицирующими салфетками.

— Я пока протру ему руку?

Изабел закатила глаза.

— Мы собираемся сознательно заразить его менингитом. По-моему, глупо беспокоиться, как бы не занести грязь в место укола.

Но я все равно протерла ему руку, пока Изабел вытаскивала из холодильника наполненный кровью шприц.

— О боже, — прошептала Оливия, не сводя глаз со шприца.

Времени утешать ее у нас не было. Я взяла холодную руку Джека и развернула ее ладонью вверх. Так делала медсестра, перед тем как вколоть нам прививку от бешенства.

Изабел взглянула на Джека.

— Ты точно этого хочешь?

Он ощерился. От него исходил резкий запах страха.

— Давай уже, коли.

Изабел заколебалась; я не сразу сообразила, в чем дело.

— Дай я сделаю, — сказала я ей. — Мне он не повредит.

Изабел передала мне шприц и отошла в сторонку. Я заняла ее место.

— Смотри в другую сторону, — велела я Джеку.

Он отвернулся. Я воткнула иглу и шлепнула его по лицу свободной рукой, когда он дернулся обратно ко мне.

— Держи себя в руках! — рявкнула я. — Ты же не животное.

— Прости, — прошептал он.

Я опорожнила шприц, стараясь не думать о его кровавом содержимом, и выдернула иглу. На месте укола осталось красное пятнышко; я не знала, что это за кровь — Джека или зараженная кровь из шприца. Изабел продолжала стоять столбом, так что я обернулась, схватила лейкопластырь и наклеила его поверх пятна. Оливия негромко простонала.

— Спасибо, — сказал Джек и обхватил себя руками.

У Изабел стал такой вид, как будто ее вот-вот стошнит.

— Давай сюда второй, — скомандовала я ей. Она протянула мне шприц, и мы обернулись к Оливии. Она была так бледна, что я видела, как на виске у нее бьется жилка.

От страха у нее тряслись руки. На этот раз руку спиртом протерла Изабел, словно исполняя молчаливый уговор, по которому мы обе должны были чувствовать себя полезными, чтобы исполнить нашу тягостную задачу стало возможным.

— Я не хочу! — закричала Оливия. — Я передумала! Будь что будет!

Я взяла ее за руку.

— Оливия. Олив. Успокойся.

— Я не могу. — Взгляд Оливии был прикован к темно-красной колбе шприца. — Я не могу сказать, что лучше умру, чем останусь такой.

Я не знала, что сказать. Я не хотела убеждать ее сделать то, что могло ее убить, но не хотела и чтобы она отказывалась от этого из страха.

— Но у тебя ведь вся жизнь... Оливия.

Оливия покачала головой.

— Нет. Нет, оно того не стоит. Пусть Джек попробует. А я посмотрю. Если у него получится, тогда я тоже рискну. А сейчас... я не могу.

— Ты же знаешь, что на носу ноябрь? — осведомилась Изабел. — На улице холодина! Скоро ты превратишься в волчицу на зиму, и следующего шанса раньше весны у нас не будет.

— Пусть подождет, — процедил Джек. — Вреда от этого никому не будет. Пусть лучше ее родители несколько месяцев будут считать, что она пропала, чем выяснят, что она стала оборотнем.

— Пожалуйста!

В глазах Оливии стояли слезы.

Я беспомощно пожала плечами и положила шприц. Мне было известно не больше, чем ей. И, положив руку на сердце, на ее месте я сделала бы точно такой же выбор: лучше жить с ее любимыми волками, чем умереть от менингита.

— Прекрасно, — сказала Изабел. — Джек, отведи Оливию в машину. Ждите там, только смотрите в оба. Ладно, Грейс. Пойдем поглядим, во что Сэм превратил смотровую, пока нас не было.

Джек с Оливией двинулись по коридору, прижимаясь друг к другу в поисках тепла, пытаясь не превратиться в волков, а мы с Изабел направились к волку, которому это не удалось.

Изабел остановилась перед дверью, за которой находился Сэм, и перехватила мою руку, пока я не успела повернуть дверную ручку.

— Ты точно этого хочешь? — спросила она. — Этот укол может его убить. И, вероятно, убьет.

Вместо ответа я распахнула дверь.

В безжизненном свете люминесцентной лампы Сэм, лежащий на полу у смотрового стола, казался совершенно обыкновенным, похожим на собаку, совсем маленьким. Я присела перед ним на корточки, кляня себя за то, что мысль о возможном противоядии пришла нам в голову только тогда, когда для него, вероятно, было уже слишком поздно.

— Сэм.

«Вольно мне быть вольным, я воле позволю деяньем стать без помех...» Я с самого начала знала, что тепло не превратит его обратно в человека, лишь собственный эгоизм побудил меня привезти его в больницу. Эгоизм и сомнительное противоядие, которое могло и не подействовать на него в его теперешнем обличье.

— Сэм, ты все еще хочешь этого?

Я коснулась волчьего загривка, воображая, что это его темные волосы, и сглотнула застрявший в горле ком.

Ноздри Сэма затрепетали. Я понятия не имела, много ли он понял из того, что я сказала; главное для меня было то, что, еще не до конца придя в себя, он не шарахнулся от меня.

Я сделала еще одну попытку.

— Это может тебя убить. Ты все еще хочешь попытаться?

Изабел у меня за спиной многозначительно кашлянула.

Сэм заскулил, косясь на Изабел у двери. Я погладила его по голове и заглянула в глаза. Глаза были те самые. Смотреть в них теперь было невыносимо.

«Оно должно подействовать».

По щеке у меня скатилась слезинка. Я вскинула на Изабел глаза, не заботясь о том, чтобы смахнуть ее. Мне хотелось этого как ничего в жизни.

— Мы должны это сделать.

Изабел не шелохнулась.

— Грейс, боюсь, в волчьем обличье у него нет шансов. Ничего не получится.

Я провела пальцем по волчьей морде, заросшей гладкой короткой шерстью. Если бы не действие успокоительного, он бы не потерпел такого обращения, но бенадрил притупил его инстинкты. Он закрыл глаза. Это было настолько не по-волчьи, что у меня забрезжила надежда.

— Грейс, так мы делаем укол или нет? Seriously?

— погоди, — сказала я. — Я хочу кое-что попробовать.

Я опустилась на пол и зашептала Сэму:

— послушай меня, пожалуйста, если можешь.

Я прижалась виском к его загривку и воскресила в своей памяти золотой лес, который он показывал мне сто лет назад. Я вспомнила, как трепетали и кружились в воздухе желтые, как глаза Сэма, листья, подхваченные ветром, точно стайка бабочек. Вспомнила стройные белые стволы березок, гладкие и шелковистые, словно человеческая кожа. Вспомнила, как Сэм стоял посреди леса, широко раскинув руки, темный и настоящий в призрачном лесу. Вспомнила, как он подошел ко мне, я легонько ткнула его кулаком в грудь, а потом он коснулся моих губ своими. Я вспомнила каждый наш поцелуй, каждый раз, когда я сворачивалась калачиком в кольцо его человеческих рук. Я вспомнила, как он тихонько посапывал, уткнувшись мне в затылок, когда мы спали.

Я вспомнила Сэма.

Вспомнила, как он усилием воли выдрался из волчьей шкуры ради меня. Чтобы спасти меня.

Сэм рванулся прочь у меня из рук. Голова у него была низко опущена, хвост поджат, его тело сотрясала дрожь.

— Что происходит?

Рука Изабел лежала на дверной ручке.

Сэм попятился еще дальше, налетел на шкафчик, сжался в комочек, распрямился. Он рвался наружу. Пытался высвободиться из волчьей шкуры. Он был волком и Сэмом одновременно, а потом

Он

Стал
Просто
Сэмом.

— Скорее, — прошептал Сэм. Он с силой бился об угол шкафчика. Вместо пальцев у него были когти. — Скорее. Давай.

Изабел застыла у двери.

— Изабел! Не тормози!

Словно сбросив с себя морок, она подошла к нам и присела на корточки рядом с Сэмом. Он уже успел в кровь искусать себе губы. Я опустилась перед ним на колени, взяла его за руку.

— Грейс... поскорее, — выдавил он. — Я ускользаю.

Изабел не стала больше задавать никаких вопросов. Она взяла его за руку, повернула ладонью кверху и воткнула иглу. Она успела опорожнить шприц до половины, но тут Сэм судорожно дернулся, и игла выскочила из вены. Сэм попятился от меня, выдернув руку, и его вывернуло.

— Сэм...

Но он уже ускользнул. За половину того времени, которое понадобилось ему, чтобы превратиться в человека, он стал волком. Он дрожал и пошатывался, скреб когтями кафельный пол, но все же не смог удержаться на ногах.

— Прости, Грейс, — сказала Изабел. Больше я не дождалась от нее ни слова. Она положила шприц на стол. — Черт. Джек зовет. Я сейчас.

Дверь за ней закрылась. Я опустилась на колени рядом с телом Сэма и зарылась лицом в его мех. Он судорожно дышал. В голове у меня неотступно крутилась мысль: я убила его. Ему конец.

Глава 61

Грейс

36°F

Вместо Изабел в смотровую заглянул Джек.

— Грейс, идем. Нам нужно ехать. Оливии совсем худо.

Я поднялась, смущенная, что меня застали в заплаканном виде, и отвернулась, чтобы выкинуть использованный шприц в контейнер для опасных отходов.

— Мне нужно, чтобы кто-нибудь помог мне перенести его.

Он нахмурился.

— За этим меня Изабел сюда и прислала.

Я опустила глаза и похолодела. На полу никого не было. Я обернулась, заглянула под стол.

— Сэм?

Джек не закрыл дверь. В смотровой было пусто.

— Помоги мне найти его! — крикнула я Джеку, протискиваясь мимо него в коридор. Сэм как сквозь землю провалился. Выскочив в коридор, я первым же делом увидела в конце его настежь распахнутую дверь, в которую смотрела черная ночь. Именно туда бросился бы бежать любой волк, как только закончилось действие лекарства. На свободу. В ночь. Навстречу холоду.

Я заметалась по парковке, пытаюсь отыскать хоть какие-то следы Сэма в Пограничном лесу, который начинался за клиникой. Но в лесу было темнее темного. Ни огонька. Ни звука. Никаких следов Сэма.

— Сэм!

Я понимала, что он не придет, даже если и слышал меня. Сэм был силен, но инстинкты были сильнее.

Невыносимо было представлять, как он прячется где-то там, в ночи, а по жилам его в это время медленно растекается зараженная кровь.

— Сэм!

Это был не то стон, не то вопль, не то вой в ночи. Он исчез.

Меня ослепил свет фар: Изабел затормозила передо мной на своем джипе. Она наклонилась в сторону и открыла пассажирскую дверцу; лицо ее в свете приборов казалось призрачным.

— Садись, Грейс. Да поживей ты! Оливия превращается, а мы и так проторчали тут слишком долго.

Я не могла бросить его одного.

— Грейс!

Джек забрался на заднее сиденье; его била дрожь. Я перехватила его умоляющий взгляд; глаза были те самые, я видела их в самом начале, когда он только превратился в волка. Когда я еще совсем ничего не знала.

Я уселась в машину, захлопнула дверцу и выглянула в окно в тот самый миг, когда на краю парковки показалась белая волчица. Шелби. Живая и здоровая, как и предполагал Сэм. Я впиалась взглядом в зеркало заднего вида; волчица стояла на парковке и смотрела нам

вслед. Мне показалось, что в глазах у нее, когда она развернулась и исчезла в темноте, промелькнуло торжество.

— Что это за волк? — осведомилась Изабел. Но у меня не было сил отвечать. В мозгу у меня неотступно билось: Сэм, Сэм, Сэм...

Глава 62

Грейс

40 °F

— По-моему, дела у Джека плохи, — сказала Оливия. — Она сидела на пассажирском сиденье моей новой машины, маленькой «мазды», пахнувшей средством для чистки салона и одиночеством. Несмотря на то что на ней было два моих свитера и вязаная шапочка, Оливия дрожала, обхватив себя руками. — Если бы все было хорошо, Изабел бы нам не позвонила.

— Возможно, — согласилась я. — Изабел не любит звонить.

Но я не могла отделаться от мысли, что она права. С момента прививки прошло три дня, а в последний раз мы разговаривали с Изабел восемь часов назад.

В первый день у Джека началась сильная головная боль и онемела шея.

На второй день головная боль усилилась. Поднялась температура.

На третий день мы получили голосовое сообщение от Изабел.

Я проехала по дорожке, ведущей к дому Бека, и поставила машину рядом с гигантским джипом Изабел.

— Готова?

По виду Оливии я бы этого не сказала, однако она выбралась из машины и бросилась к входной двери. Я припустила за ней следом и закрыла за нами дверь.

— Изабел?

— Я тут.

Мы двинулись на ее голос и очутились в одной из комнат первого этажа. Это была маленькая спальня, оклеенная веселенькими желтыми обоями, которые странно контрастировали с тяжелым духом болезни, пропитывающим все вокруг.

Изабел, поджав ноги, сидела в кресле в изножье кровати. Под глазами у нее, точно впечатанные в кожу, темнели лиловые круги.

Я протянула ей стаканчик с кофе, который мы привезли.

— Почему ты не позвонила?

Изабел вскинула на меня глаза.

— У него отмирают пальцы.

Мне очень не хотелось на него смотреть, но в конце концов я все же пересилила себя. Он лежал в кровати, скорчившись, точно полумертвая бабочка. Кончики пальцев у него были пугающего синего цвета, лицо покрывала испарина, глаза были закрыты. В горле у меня встал ком.

— Я посмотрела в Интернете, — сказала Изабел и помахала телефоном, как будто это все объясняло. — Голова у него болит, потому что мозговые оболочки воспалены. Пальцы на руках и ногах посинели, потому что мозг больше не дает организму сигнал снабжать их кровью. Я измерила ему температуру. Сто пять градусов.

— Меня сейчас вырвет, — пробормотала Оливия.

Она выскочила из комнаты, и я осталась с Изабел и Джеком наедине.

Я не знала, что сказать. Будь здесь Сэм, он нашел бы верные слова.

— Мне очень жаль.

Изабел пожала плечами. Взгляд у нее был потухший.

— Все шло, как мы и предполагали. В первый день он чуть не превратился в волка, когда под утро у него упала температура. Это был самый последний раз, хотя вчера ночью отключилось отопление. Я думала, что все идет как надо. С тех пор как у него началась лихорадка, он ни разу не превращался. — Она кивнула на постель. — Ты наплела про меня что-нибудь в школе?

— Да.

— Супер.

Я поманила ее за собой. Она выкарабкалась из кресла, как будто это далось ей с трудом, и следом за мной вышла в коридор.

Я почти до конца прикрыла дверь, чтобы Джек, если он слушал, не мог ничего расслышать, и вполголоса произнесла:

— Надо отвезти его в больницу, Изабел.

Изабел рассмеялась — зловеще, неприятно.

— И что мы им скажем? Его считают умершим. Думаешь, я об этом не думала? Даже если мы назовем вымышленное имя, его лицо два месяца показывали во всех новостях.

— Ну, попытка не пытка. Сочиним какую-нибудь историю. То есть, я хочу сказать, нужно хотя бы попытаться.

Она долго смотрела на меня покрасневшими глазами, а когда наконец заговорила, голос ее звучал глухо.

— Думаешь, я хочу, чтобы он умер? По-твоему, я не хочу спасти ему жизнь? Слишком поздно, Грейс! От такого менингита умирают, даже когда лечение начато сразу. А тут целых три дня прошло! У меня нет даже болеутоляющего, чтобы ему дать, не говоря уже о чем-то более серьезном. Я надеялась, что волк в нем спасет его, как это произошло с тобой. Но у него нет шансов. Ни единого.

Я забрала у нее стаканчик из-под кофе.

— Но не можем же мы просто сидеть и смотреть, как он умирает! Мы отвезем его в больницу куда-нибудь, где его не узнают прямо с порога. Поедем в Дулут, если понадобится. Там его не узнают, по крайней мере сразу не узнают, а потом мы что-нибудь придумаем. Пойди умойся и собери то, что тебе может понадобиться. Давай, Изабел. Шевелись.

Изабел ничего не ответила, однако двинулась к лестнице. Когда она ушла, я отправилась в ванную и открыла аптечный шкафчик, рассудив, что там может оказаться что-нибудь полезное. Когда в доме живет много народу, лекарства скапливаются в аптечке сами собой. Там обнаружился парацетамол и еще какое-то болеутоляющее трехлетней давности, из тех, что продают только по рецепту. Я взяла и то и другое и вернулась обратно к Джеку.

Присев на корточки в изголовье кровати, я спросила:

— Джек, ты спишь?

Из рта у него пахло рвотой, и я задалась вопросом, в каком аду они с Изабел прожили последние три дня. У меня засосало под ложечкой. Я пыталась уверить себя, что он отчасти заслужил все это за то, что отобрал у меня Сэма, но доводы были неубедительны.

Он очень долго не отвечал.

— Нет.

— Я могу что-нибудь для тебя сделать? Чтобы тебе стало полегче?

Голос его прозвучал совсем слабо.

— Голова ужасно болит.

— Я принесла болеутоляющее. Как думаешь, не вырвет тебя, если ты его примешь?

Он издал слабый утвердительный звук. Я взяла с тумбочки стакан с водой и помогла ему проглотить две таблетки. Он пробормотал что-то такое, что можно было истолковать как «спасибо». Я подождала пятнадцать минут, потом лекарство начало действовать и его тело немного расслабилось.

А где-то точно так же страдал Сэм. Я представила, как он лежит где-то с раскалывающейся от боли головой, изнуренный лихорадкой, умирающий. Мне почему-то казалось, что если бы с Сэмом что-то случилось, я обязательно бы это поняла, почувствовала бы, если бы он умер. Джек негромко простонал во сне. Я не могла думать ни о чем, кроме того, что Сэму ввели ту же кровь. Перед глазами у меня вновь и вновь вставала картина, как Изабел вливает смертоносный коктейль ему в вену.

— Я сейчас вернусь, — пообещала я Джеку, хотя и думала, что он спит.

Я вышла на кухню и обнаружила там Оливию — та стояла, прислонившись к кухонному островку, и складывала лист бумаги.

— Как он? — спросила она.

Я покачала головой.

— Ему нужно в больницу. Ты поедешь с нами?

Оливия как-то непонятно посмотрела на меня.

— Думаю, я готова. — Она протянула мне сложенный листок. — Мне нужно, чтобы ты нашла способ передать это моим родителям.

Я попыталась было развернуть листок, но она покачала головой.

— Что это? — вскинула я бровь.

— Это записка, в которой я написала, что уйду из дома и прошу их не пытаться меня разыскивать. Они, конечно, все равно попытаются, но хотя бы не будут думать, что меня похитили или что-то в этом роде.

— Ты собралась превращаться.

Это был не вопрос.

Она кивнула и снова состроила странную гримаску.

— Удерживаться становится все труднее и труднее. И может быть, конечно, это все потому, что удерживаться так неприятно, но я хочу этого. Даже жду. Понимаю, это звучит так, как будто я свихнулась.

Я вовсе не считала, что она свихнулась. Я все на свете бы отдала, чтобы оказаться на ее месте, чтобы быть с моими волками и с Сэмом. Но мне не хотелось признаваться ей в этом, поэтому я задала вопрос, который напрашивался сам собой.

— Ты собираешься превращаться прямо здесь?

Оливия сделала мне знак идти за ней, и мы вдвоем остановились у окна, выходящего на задний двор.

— Я хочу кое-что тебе показать. Смотри. Только придется немного подождать. Смотри внимательно.

Мы стояли у окна, глядя на безжизненный зимний пейзаж. Долгое время я не замечала ничего, кроме маленькой бесцветной птички, которая перепархивала с одной голой ветки на другую. Потом мое внимание привлекло еще одно еле уловимое движение, почти у самой земли, и я увидела в лесу крупного темного волка. Он не сводил светлых, практически бесцветных глаз с дома.

— Не понимаю, откуда они знают, — сказала Оливия, — но у меня такое чувство, что они меня ждут.

Внезапно до меня дошло, что на лице у нее написано радостное возбуждение, и от этого мне стало до странности одиноко.

— Ты хочешь уйти прямо сейчас?

Оливия кивнула.

— Я не могу больше терпеть. Скорее бы уже.

Я вздохнула и посмотрела ей в глаза, очень яркие и зеленые. Нужно было запомнить их, чтобы потом я смогла их узнать. Я подумала, что, наверное, должна что-то ей сказать, но в голову ничего не шло.

— Я передам твоим родителям письмо. Будь осторожна. Я буду скучать по тебе, Олив.

Я распахнула стеклянную дверь, и в лицо нам ударил поток холодного воздуха.

От ветра по телу ее пробежала дрожь, и Оливия звонко рассмеялась. Я не узнавала ее, она вся была какая-то светлая, незнакомая.

— Ну, до весны, Грейс.

Она выбежала во двор, на ходу сбрасывая с себя одежду, и еще прежде, чем добежала до опушки, превратилась в светлую-светлую волчицу, легконогую и игривую. Ее превращение не было мучительным, как у Джека или Сэма, — она словно была рождена для этого. Под ложечкой у меня засосало. То ли от грусти, то ли от зависти, то ли от счастья.

Нас осталось всего трое, трое тех, кто не превратился в волков.

Я завела машину, чтобы прогреть двигатель, но все было напрасно. Пятнадцать минут спустя Джек умер. Теперь нас было всего двое.

Глава 63

Грейс

22 °F

Потом я еще не раз видела Оливию после того, как оставила записку на машине ее родителей. Она периодически мелькала в сумеречном лесу, зеленые глаза Оливии делали ее мгновенно узнаваемой. Она никогда не бывала в одиночестве: другие волки оберегали ее, наставляли, защищали от первобытных опасностей пустынного зимнего леса.

Мне хотелось спросить ее, не встречала ли она его.

По-моему, она хотела сказать мне «нет».

За несколько дней до рождественских каникул и моей запланированной поездки с Рейчел мне позвонила Изабел. Не знаю, почему она позвонила, вместо того чтобы просто подойти к моей новой машине; я видела, как она сидит в одиночестве в своем джипе на другом конце школьной стоянки.

— Как дела? — поинтересовалась она.

— Нормально, — отозвалась я.

— Врешь. — На меня Изабел не смотрела. — Ты ведь понимаешь, что он мертв.

Признать это по телефону было легче, чем лицом к лицу.

— Понимаю.

На противоположном конце обледенелой стоянки Изабел захлопнула телефон. Она завела мотор и подъехала ко мне. Щелкнул замок пассажирской двери, и стекло с жужжанием опустилось.

— Садись. Поехали покатаемся.

Мы прокатились по городу и купили себе кофе, а потом, поскольку на парковке оказались свободные места, остановились перед книжным. Изабел долго смотрела на витрину, прежде чем выйти из машины. Мы выбрались на обледенелый тротуар и остановились перед витриной. Она была ярко украшена к Рождеству. Традиционные северный олень, имбирные пряники и «Эта прекрасная жизнь»^[7].

— Джек любил Рождество, — произнесла Изабел. — Дурацкий праздник. Я его больше не праздную. — Она кивнула в сторону магазина. — Не хочешь зайти? Сто лет туда не заглядывала.

— Я не была там после того, как...

Я осеклась. Произносить это вслух мне не хотелось. Зайти в магазин хотелось, а произносить это вслух — нет.

Изабел распахнула передо мной дверь.

— Я знаю.

В сером свете безжизненного зимнего дня книжный магазин казался другим миром. Голубые и свинцово-серые полки сменили цвет. Свет казался прозрачным, беспримесно белым. Откуда-то сверху лилась классическая музыка, но все перекрывал гул обогревателя. Я взглянула на парнишку за прилавком — долговязого и темноволосого, склонившегося над книгой, — и на миг в горле у меня встал ком, такой колючий, что не сразу получилось его проглотить.

Изабел больно дернула меня за руку.

— Пойдем поищем книги про то, как растолстеть.

Мы отправились в кулинарный раздел и уселись на пол. Ковер был старый, вытертый. Изабел устроила грандиозный беспорядок, стаскивая с полок стопку за стопкой и запихивая их потом обратно как придется, а я растворилась в аккуратных буковках заголовков на корешках, рассеянно выравнивая книги на полках.

— Хочу научиться правильно толстеть. — Изабел протянула мне книгу о выпечке. — Что скажешь?

Я пролиستала страницы.

— Тут все в граммах, а не в стаканах. Придется тебе купить электронные весы.

— Ну уж нет. — Изабел запихнула книгу на первое попавшееся место на полке. — А эта?

Книга оказалась о тортах. Восхитительных шоколадных коржах, лопающихся от малиновой начинки, золотистых бисквитах, прослоенных воздушным масляным кремом, сочных чизкейках, истекающих клубничным нектаром.

— Торт в школу не возьмешь. — Я передала ей книжку про печенье. — Попробуй вот эту.

— Это идеальный вариант, — возмутилась Изабел и отложила книгу в сторону в отдельную кучку. — Ты что, не знаешь правил шопинга? Рациональный подход тут ни к чему. Главное — убить побольше времени. Я чувствую, придется мне учить тебя искусству разглядывания. Ты в нем определенно профан.

Изабел учила меня разглядывать кулинарные книги, пока я совершенно не извелась и не ушла бродить по магазину, оставив ее в одиночестве. Ноги сами привели меня к обитой бордовым ковром лестнице на второй этаж.

Из-за серости за окном чердак показался мне темнее и теснее, чем я его запомнила, но двухместный диванчик стоял все на том же месте, и невысокие стеллажи с книгами, в которых копался Сэм, тоже. Я так и видела, как он сидит перед ними на корточках, выискивая ту самую книгу.

Делать этого не следовало, но я села на диванчик, откинулась на спинку, закрыла глаза и изо всех сил вообразила, что позади меня лежит Сэм, что я нахожусь в кольце его надежных рук и в любой миг могу почувствовать на своей щеке его теплое дыхание, колышущее мои волосы и щекочущее мне ухо.

Я почти чуяла его присутствие. Мест, где до сих пор сохранился его запах, оставалось не так много, но я почти улавливала его — а может, просто так сильно этого хотела, что он мне чудился.

Я вспомнила, как Сэм уговаривал меня приняться в кондитерской. Признать свою истинную природу. Теперь я погрузилась в запахи книжного магазина: ореховый и табачный аромат кожи, цветочный запах чистящего средства для ковров, сладковатый душок черных чернил и чуть отдающий бензином — цветных, шампунь мальчика-продавца за прилавком, духи Изабел, отголоски запаха наших с Сэмом поцелуев на этом диване.

Мне хотелось, чтобы Изабел застала меня в слезах, ничуть не больше, чем ей хотелось, чтобы я застала в слезах ее. У нас с ней теперь было немало общего, но о слезах мы не говорили никогда. Я утерла лицо рукавом и выпрямилась.

Я подошла к полке, с которой Сэм тогда взял ту книгу, и принялась просматривать корешки, пока не нашла нужный. Я вытащила томик. «Стихи». Райнер Мария Рильке. Я

поднесла его к носу, чтобы убедиться, что это тот самый экземпляр. Сэм.

Я купила его. Изабел купила книжку про печенье, мы поехали к Рейчел и напекли гору крошечных печенюц, старательно избегая разговоров о Сэме и Оливии. Потом Изабел отвезла меня домой, я заперлась в кабинете с томиком Рильке и принялась читать.

*Две жизни: ты не с этой и не с той,
И жизнь твоя то ввысь парит, то дремлет,
То молча ждет, то все вокруг объемлет —
То камнем обернувшись, то звездой.* [\[8\]](#)

Мне кажется, я начинала понимать поэзию.

Глава 64

Грейс

15 °F

Без моего волка Рождество было не Рождество. Это была единственная пора, когда он всегда был со мной, безмолвной тенью маяча на опушке леса. Сколько раз я стояла у кухонного окна, нюхая ладони, пропахшие имбирем, мускатным орехом, хвоей и еще тысячей рождественских запахов, и чувствуя на себе его взгляд. Я поднимала голову и видела на опушке Сэма, не сводившего с меня немигающих желтых глаз.

В этом году все было иначе.

Я стояла у кухонного окна, но ладони у меня ничем не пахли. Что толку было печь рождественское печенье или наряжать елку, если через день мне все равно предстояло уехать на две недели вместе с Рейчел. Я буду валяться на белом песке флоридского пляжа, далеко-далеко от Мерси-Фоллз. Далеко-далеко от Пограничного леса, а главное — от пустого двора.

Я медленно ополоснула свою чашку и в тысячный уже за эту зиму раз устремила взгляд на лес.

В серых сумерках не было видно ничего, кроме заснеженных деревьев, чьи ветви казались выгравированными на фоне набрякшего зимнего неба. Единственным цветным мазком посреди этой серости было пламенеющее оперение кардинала, спорхнувшего к кормушке. Он принялся долбить пустой деревянный поддон, потом стремительно упорхнул прочь, алая точка на фоне белеющего неба.

Мне не хотелось выходить на занесенный нетронутым снегом двор, на котором не было отпечатков волчьих лап, но оставлять кормушку пустой тоже не годилось. Я вытащила из-под кухонной раковины пакетик с птичьим кормом, натянула куртку, шапку и перчатки и, подойдя к задней двери, открыла ее.

На меня обрушился запах зимнего леса, а с ним и воспоминания о каждом прошедшем Рождестве.

Я знала, что я одна, но по телу у меня все равно пробежала дрожь.

Глава 65

Сэм

15 °F

Я наблюдал за ней.

Я был призраком в чаще леса — безмолвным, не движным, зачоченевшим. Я был воплощением зимы, ледяным ветром, обретшим материальную форму. Я стоял на краю леса, где деревья уже начинали редеть, и нюхал воздух: в эту пору запахи были преимущественно безжизненные. Терпкая нотка хвои, мускусный запах волка и ее нежный аромат — вот и все.

Она стояла на пороге, на расстоянии нескольких вдохов от меня. Ее лицо было обращено к лесу, но я был невидим, неосязаем, я весь превратился в одни глаза. Порывистый ветер снова и снова доносил до меня ее запах, поющий на другом языке о воспоминаниях из другой жизни.

Наконец, наконец-то она вышла на террасу и оставила на девственном снегу первый след.

А я стоял там, совсем рядом и все же на невообразимом расстоянии.

Глава 66

Грейс

15 °F

Каждый шаг по направлению к кормушке приближал меня к лесу. Терпко пахло подснежной листвой, ручейками, лениво журчащими под коркой льда, летом, дремлющим в стволах бесчисленных голых деревьев. Почему-то эти деревья напомнили мне о волках, воющих по ночам, а с волков мысли перекинулись на золотой лес из моих грез, теперь надежно укрытый снежным покровом. Как же я по нему скучала.

Я скучала по Сэму.

Я повернулась к лесу спиной и поставила пакетик с кормом на снег. Нужно было насыпать корм в кормушку, вернуться в дом и собрать вещи. Всего двадцать четыре часа отделяли меня от того мига, когда мы с Рейчел уже будем сидеть в самолете. Мы улетим туда, где я смогу попытаться забыть все до единого секреты, таящиеся в этом зимнем лесу.

Я наблюдал за ней.

Она все еще не замечала меня, поглощенная сбиванием наледи с птичьей кормушки. Медленно и методично она вычистила кормушку, открыла ее, засыпала корм и вновь закрыла, глядя на нее с таким видом, как будто ничего важнее в мире не было.

Я наблюдал за ней, дожидаясь, когда она обернется и заметит за деревьями мой темный силуэт. Она натянула шапку на уши и подула на руки, глядя, как перед ней в воздухе расцветает белесое облачко морозного пара, потом отряхнула снег с перчаток и развернулась, чтобы идти в дом.

У меня больше не было сил прятаться. Я протяжно вздохнул. Вздох был еле слышный, но ее голова немедленно дернулась на шум. Ее глаза впились в туманный след моего вздоха, а потом и в меня, когда я выступил из него, медленно, осторожно, не зная, как она себя поведет.

Она застыла. Замерла в полной неподвижности, словно лань. Я продолжал приближаться, оставляя робкие, осторожные следы на снегу, пока не вышел из леса и не остановился прямо перед ней.

Она молчала, как и я, и стояла совершенно неподвижно. Нижняя губа у нее дрожала. Когда она моргнула, по щекам у нее, оставляя хрустальный след, скатились три сияющие слезинки.

Она могла бы пожирать глазами представшее перед ней небольшое чудо: мои ноги, мои руки, мои пальцы, линию плеч под курткой, мое человеческое тело, но ее взгляд был прикован к моим глазам.

Из-за деревьев снова налетел ветер, но теперь у него не было надо мной никакой власти, никакой силы. Мороз щипал мои пальцы, но они оставались пальцами.

— Грейс, — произнес я совсем тихо. — Скажи что-нибудь.

— Сэм, — сказала она, и я прижал ее к себе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечания

Здесь и далее температура указывается по Фаренгейту.

Здесь и далее стихи автора переведены Б. М. Жужунавой.

Р. М. Рильке. Из стихотворения «Поэт», сборник «Новые стихотворения». Перевод Т. Сильман.

Р. М. Рильке. Из цикла «Часослов», книга первая «Об иноческой жизни». Перевод А. Прокопьева.

Перевод Т. Сильман.

Открытый пирог, блюдо французской кухни.

«It's a Wonderful Life» (1946), фильм режиссера Франка Каира, регулярно показываемый в США по ведущим телеканалам в Рождественский сочельник.

Р. М. Рильке. Из стихотворения «Вечер». Перевод Т. Сильман.